
М. САВИНА и А. КОНИ

ПЕРЕПИСКА

1883 — 1915

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ
И ПРИМЕЧАНИЯ
А. М. БРЯНСКОГО

«ИСКУССТВО»

Ленинград • Москва

1938

СПбГУ

Когда в театральных или близких к театру кругах заходит разговор о Марии Гавриловне Савиной (1850—1915), беседа всегда принимает не только оживленный, но и страстный характер. Одни сверх меры возвеличивают талант артистки и ее значение в жизни русского театра, другие считают дарование ее ординарным и не хотят видеть положительного значения ее сценической работы, третьи утверждают, что в течение всей своей сорокалетней деятельности на подмостках Александринского театра Савина была диктатором, который тормозил художественную работу театра и ревниво стоял на страже его консервативных позиций.

Это свидетельствует, с одной стороны, о том, что личность Савиной, как артистки, как художника и в наши дни продолжает волновать и возбуждать к себе живейший интерес, с другой—говорит о том печальном положении, в котором до сих пор находится изучение творчества и деятельности Савиной, в истории сценической культуры бесспорно представляющей собою выдающееся явление. В силу этой недооценки деятельности артистки о ней сложилось прочное одностороннее представление, и живучие сплетня и злословие заслонили большую историческую фигуру Савиной, глубокое художественно-общественное значение ее творчества.

Дочь скромного провинциального учителя, впоследствии заурядного актера, Савина ребенком вступила в театр, а подростком без особой любви к сцене и без веры в свои силы, но уже сознательно посвятила свою жизнь тому делу, которым завоевала свое место в истории.

Получив скудное общее образование, обязанная художественным развитием своему большому природному уму и советам даровитых и умных артисток И. С. Сандуновой-Кони (1811—1891) и А. И. Шуберт (1827—1909), совершенствуясь в технике искусства, импонируя публике непосредственностью, обворожительной молодостью и женственностью, Савина скоро достигла заметного положения на провинциальной сцене, почувствовала свое призвание и полюбила театр.

Тяжела была в то время судьба труженика провинциальной сцены! Со своим сильным, волевым характером Савина не погибла в жутких условиях провинциальной театральной жизни, целиком зависевшей от сытого дворянства, ярмарочного купечества и губернских заправил.

Савина жила только театром, много читала, много работала и уже в ранние годы своей сценической деятельности проявила ту исключительную трудоспособность, которая до конца жизни артистки составляла отличительную черту ее богато одаренной артистической натуры.

В 1874 году, через пять лет после дебюта на калужской сцене, Савина с шумным успехом появилась на сцене Александринского театра и сорок лет (1874—1915) своим умным и блестящим талантом украшала эту сцену.

Свой успех Савина завоевала с первого выхода. Нельзя объяснять, конечно, этот успех исключительным зрелым мастерством, которое трудно подозревать в молодой артистке, нельзя объяснять его и стечением счастливых обстоятельств.

Что же прежде всего подкупило в Савиной зрителя 70-х годов?

Это были два качества ее природы — ничем не прикрашенная естественная молодость и необычайная, изящная женственность. Тот, кто видел Савину только в последние годы ее деятельности, тот, конечно, не имел абсолютно никакого представления об обаянии молодой Савиной.

Олицетворение женственности и грации, Савина была в то же время сама жизнь на сцене, приукрашенная лишь настолько, насколько требуют этого софиты и рампа. В ней не было ничего трафаретного, шаблонного и вульгарного, чем поражали зрителя многие молодые артистки Александринского театра, приходившие на сцену из театральной школы, откуда приносили всю рутину специфических сценических штампов и полное незнание жизни.

Савина показывала на сцене женские образы, выхваченные из жизни, — ее товарки играли сценическое амплуа со всем арсеналом его приемов и трафаретов, приевшихся зрителю. Савина знала жизнь пышных помещичьих усадеб и заброшенных русских деревень, жизнь жарко натопленных купеческих домов и жизнь холодных, сырых, мрачных мещанских квартир. Она в провинции, в скитаниях познакомилась с жизнью русской женщины разных слоев. В этом было ее громадное преимущество перед молодой артисткой, только что сбросившей пелеринку воспитанницы Театрального училища.

С появлением Савиной на сцене Александринского театра повеяло жизнью, и дуновение правды покорило театр. И до конца дней, через всю свою сценическую деятельность Савина пронесла

эти обаятельные и оправдывающие деятельность сценического художника высокие качества художественного реализма. Бытовая законченность и полнота психологического содержания неизменно украшали ее сценическое творчество. Начиная с роли Верочки („Месяц в деревне“ И. С. Тургенева), в которой Савина обрисовала всю жизнь юного существа с его веселыми детскими играми, пусканием бумажного змея, с его первой трепетной любовью, и кончая глубокой старухой Плавутиной („Холопы“ П. П. Гнедича), с погасшими глазами, одутловатыми щеками, сгорбленной и прикованной к креслу, — Савина в обширной галерее созданных ею сценических образов никогда не отступала от принципов сценического художественного реализма.

Савина была той артисткой Александринского театра, творчество которой в особенности было наполнено жизнью и основано на наблюдении русской действительности. В этом отношении она шла по стопам великих реалистов — Щепкина и Мартынова, и несомненно в этом состоит прежде всего глубокое значение ее деятельности.

Было в сценическом творчестве артистки еще одно органическое качество, которое необыкновенно импонировало зрителю 70—80-х годов.

„А знаете ли, я вам скажу, как вероятно никто вам не говорит в этом чопорном, лживом Питере, — писал уже на склоне дней артистки один из ее преданных поклонников: — когда читаю в газетах о театре, об искусстве и новых пьесах, новых течениях, предо мною возникает стройный образ худенькой, бойкой, резвой, как лань, молодой женщины. Это Савина восьмидесятых годов. Дивная пара черных глаз приковывала всех зрителей, а нервная, страстная игра напоминала ужимки, походку, нервную дрожь арабской лошади, которая и в покое — все движение! *Да, в этой Савиной было страшно много жизни, которая ключом так и била и из глаз и из всей худенькой нервной фигуры. Сколько порывистости, неожиданности во всех движениях, походке, голосе — это все не забудешь.*“¹

Другой зритель, вспоминая молодую Савину в Киеве, в театре Бергонье, в саду „Шато де Флер“ обращался невольно к впечатлениям ранней юности. „Была весна, цвела сирень и бодрящая радость вновь возрождающейся природы волновала молодые сердца, наполняла трепетом счастливых предчувствий, радостью неясных ожиданий, необъяснимым восторгом. На сцене была Савина. Тоже воплощение весны. Молодая, красивая, влюбленная и негодующая: *с порывом неудержимой силы отстаивала она свои права любви, молодости и женского счастья.* Она была восхитительна. Она была само счастье. Ее весна дышала тем же ароматом

распускающейся природы, тем же трепетом жизни, каким дышало все вокруг в этом киевском саду, на этих киевских горах, среди этих людей, захваченных и покоренных ее игрою, ее вдохновением...“²

О таких впечатлениях игры молодой Савиной рассказывал и А. Р. Кугель, пытаясь, вместе с тем, как критик, проанализировать свои впечатления и приходя к выводу, что необыкновенное по влиянию на зрителей обаяние Савиной заключалось и в том, что она, кроме своего замечательного таланта, принесла в театр, на сцену, натуру русской современной женщины в ее новом содержании и, прежде всего, с ее активной деятельной волею.³

Действительно, инженеру Савиной никогда не были ни немецкими сентиментальными дурочками, ни французскими притворщицами и попрыгунями. Это были русские девушки и русские женщины с искорками протеста, деятельной воли и разумной энергии. Даже в том репертуаре, который несла Савина и в котором порой трудно было проявить эти черты, она все же помимо автора, через его голову, личными средствами своей натуры умела выразить это проявление характера. Самостоятельность, настойчивость, решимость, оригинальность, воля — все выдвигалось Савиной на первый план, как бы отвечая пробуждающемуся характеру и самосознанию русской женщины.

Эти женские сценические образы были далеки от тех, которые показывали молодые артистки Александринского театра, выросшие в стенах Театрального училища и не выдавшие за время своего школьного пребывания ничего, кроме пыльных кулис. Окунувшаяся в жизнь, сама не мало пережившая, Савина уловила те черты жизни русской женщины, которые носились в воздухе и не успели еще оформиться. Недаром покойный А. В. Луначарский в речи, посвященной памяти артистки, отметил, что Савина была первой молодой актрисой в придворном, чиновном, бюрократическом городе, на императорской сцене, которая показала и в женщине из русского терема, и в женщине из дворянского гнезда, и в женщине, избалованной помещичьим житьем, и в женщине, выросшей в черной избе, стиснутой крепостничеством, и в женщине, подавленной самодурством кулака, — лицо подлинной русской женщины, обветренное воздухом наших полей, лицо, по которому не трудно было угадать, что со временем, в самом недалеком будущем эта женщина заявит твердо и решительно о своих правах.⁴

Таков был характер и содержание творчества Савиной лучшей, самой блестящей поры ее деятельности.

В девяностые и последующие годы успех Савиной продолжался, несмотря на то, что артистка перешла на роли женщин не первой молодости. Лишившись очарования юных лет и их не-

посредственности, Савина завоевала себе успех мастера, успех совершенно зрелого таланта. Сознывая свое положение, она как сильный по характеру человек не отошла в тень, создала для себя благоприятное окружение и сочувственную атмосферу, сумела поставить себя в глазах начальства, в среде товарищей, во мнении печати, упрочить привязанность публики, которая и без того не могла забыть ее, как первую и горячую любовь. Эта публика до конца дней сохранила к ней беспредельное уважение и поклонение, в котором, однако, было уже больше благоговейности и доверия к авторитету, чем восторженной любви к творческому таланту.

Перейдя на роли женщин, которые, выражаясь языком самой Савиной, „еще любят, но которых уже не любят“, она продолжала покорять и волновать блестящей техникой и сверкающим умом. Таким образом, и в пору осени, которая для Савиной была действительно золотой осенью (заката, как художник, Савина не знала), артистка удержала свое могущество, но уже не согретое властью горячего вдохновения, и своим непреклонно-твердым характером продолжала влиять на дела театра, внушая всем, что Александринский театр — это Савина, и что Савина — это Александринский театр.

Как мастера, Савину отличало преобладание в ее творчестве сознательности и критицизма, свидетельствовавшее об уме артистки. Не получив солидного образования, она сумела, благодаря широкому самообразованию и окружению себя людьми ума и таланта, выработать в себе ум тонкий, способный к серьезной, аналитической творческой работе. Этот ум помогал артистке расширять и углублять образы и нередко уяснять самому автору то, что им, быть может бессознательно, было вложено в этот образ как возможность, обращая эту возможность в действительность, как очень удачно формулировал А. Ф. Кони.⁵

Притом, в осуществлении сценического образа и в его воплощении Савина, как и блестящий мастер В. Н. Давыдов, поражала изумительной экономией средств. Один из критиков, обозревая творчество артистки еще при жизни ее, правильно отметил, что „всякое действие Савиной на сцене всегда причиннообразно. Сила ее вспышки зависит от силы драматических обстоятельств — никогда больше, никогда меньше. Это больше, чем реализм. Это позитивизм творчества, напоминающий Бальзака“.⁶

Обвинение Савиной в игнорировании классики справедливо постольку, поскольку буржуазный театр восьмидесятых годов вообще игнорировал классику. Неудача же артистки в некоторых ролях классического репертуара объясняется безобразным отношением Александринского театра к постановке пьес подобного репертуара.

Сыграв Катарину в „Укрощении строптивой“, Савина записала в своем дневнике: „Хотя я имела успех, но он меня не радовал. Я могу играть эту роль лучше и жалею ужасно, что пришлось играть ее при таких условиях...“⁷ Комедия Шекспира шла с трех репетиций, в старых сборных декорациях, в потрепанных костюмах, в ансамбле артистов, из которых никто, даже трудолюбивый Н. Ф. Сазонов (1843—1902), игравший Петручио, не знал ролей. Что же могла сделать артистка, хотя и вооруженная талантом и любовью к роли?

Правда, Савина в те годы была как бы создана для некоторых ролей классического репертуара — Офелии, Дездемоны, Джульетты и многих других, но буржуазно-светский зритель и буржуазный обыватель диктовал театру свои запросы и требования, и театр отвечал ему Виктором Крыловым и Николаем Потехиным, отвечал репертуаром, в котором не было места для классики.

В 1886 году молодая, изящная Савина бросает смелый вызов буржуазной публике и пытается провести через цензуру „Власть тьмы“ Толстого, чтобы сыграть придурковатую Акулину, что удалось артистке лишь в 1895 году.

В 1884 году она ставит в свой бенефис „Нору“ Ибсена, но ни зритель, ни критика не поддерживают артистку в ее прекрасном серьезном начинании. „Савина оказала любящей ее публике плохую услугу, — писал рецензент, отмечая в то же время художественный успех артистки, — заставив ее проскучать целый вечер, поставив скучнейшую и наивнейшую пьесу“.⁸

Едва ли можно упрекать Савину в стремлении к легкому и обеспеченному успеху и в намеренном влиянии на репертуар в 70—80-е годы. В эту эпоху у нее еще не было посторонних средств влиять на дела дирекции императорских театров, и если в эти годы можно говорить о диктатуре Савиной, то лишь исключительно о художественной диктатуре, о влиянии ее таланта на публику, которая желала видеть ее в салонно-буржуазной комедии, на контуре императорских театров, для которой Савина в этом репертуаре была прочным и верным залогом аншлага „Билеты все проданы“, на пьесы тех драматургов, которые один перед другим старались писать для Савиной, чего в эти годы сама Савина абсолютно не искала, подчас интересуясь такими ролями, которые приводили в недоумение актеров — почему именно Савина берет такую ничтожную роль? Чехов радовался, как ребенок, участию Савиной в первой постановке „Иванова“ (1889). „Скажите Савиной, что мне так льстит, что она согласилась взять в моей пьесе бледную и неблагодарную роль (Саши), так льстит, что я живот свой положу и изменю роль коренным образом, насколько позволяют рамки пьесы. Савина у меня будет и волчком

ходить, и на диван прыгать, и монологи читать", писал Чехов в одном из писем к Суворину. А в другом письме высказывал сожаление о том, что он не знал, что Савина украсит его пьесу своим участием. „Знай я во времена оны, что она (т. е. Савина) будет играть Сашу, а Давыдов — Иванова, я назвал бы свою пьесу „Саша“ и на этой роли построил бы всю суть, а Иванова прицепил бы только сбоку, но кто мог знать?“⁹

Бесспорно это было влиянием таланта, влиянием обаятельного содержания этого таланта, о чем нельзя говорить, конечно, когда ставится вопрос о диктатуре Савиной в позднейшие годы. То действительно была диктатура Савиной, влиявшей не только талантом, но и посторонними средствами на жизнь императорской сцены. Директор императорских театров В. А. Теляковский прямо заявляет в своих мемуарах, что он был фиктивным директором, а Савина была настоящим, значительно более, чем он, опытным, с характером и определенным планом и воззрениями, отлично изучившим как петербургскую публику, так и всю окружающую обстановку, до печати включительно. Если Теляковский имел „право говорить все, что заблагорассудится“, то Савина „без всякого права делала все, что хотела...“¹⁰

Заслуженная артистка императорской сцены, имеющая возможность через голову директора апеллировать к министру двора и выше, Савина в позднейший период распоряжалась Александринским театром, как вотчиною: влияла на репертуар, назначала управляющих труппами, приглашала артистов и т. д.

Старая, болезненно переживая переход с молодых ролей на более пожилые, соответствовавшие ее возрасту, Савина шла на различные компромиссы, подсказывала драматургам темы, ситуации, роли, заставляла их идти на различные уступки, вносить коренные изменения... Незадолго до смерти Савина стала усиленно интересоваться „молодыми“ драматургами, новыми течениями в театре... Не протестовала против появления в репертуаре Ф. Соллогуба, присматривалась к деятельности Мейерхольда.

Этот интерес Савиной позволил В. Н. Соловьеву в ее некрологе написать, что она шла в последнее время к новым путям, что искатели нового в театре могут с уверенностью сказать „умерла наша невеста“.¹¹

Но было ли это влечение к „новому“ в театре глубоким и принципиальным? Нам думается, что предпосылок к этому в Савиной не было. Это были скорее поиски новой твердой почвы, нового материала для себя, для своего сильного таланта, еще способного к творческой работе.

Покоряя своим обаятельным талантом в театре, Савина и вне сцены представляла далеко незаурядное явление. Она была обла-

дательница ума тонкого и пронизательного, способного все понимать и перерабатывать, обладательница образного, красочного и точного слова для выражения изящной в своем художественном облики мысли, не лишенной по временам иронии и затаенной насмешки, — писал ее современник. — Все это в соединении с пленительной внешностью и в особенности с удивительными по живости выражения, блеску и внутреннему огню глазами Савиной заставляло крайне дорожить беседой с нею и пребыванием в одном с нею обществе, которое она своим присутствием всегда умела оживлять и поднимать.¹²

И потому становится совершенно понятным, что в среде ее поклонников, в обществе людей, глубоко ценивших ее и любивших, мы находим замечательных художников слова, Тургенева и Гончарова, которых Савина имела полное право считать своими друзьями. К этому кругу душевных друзей, которым многим была обязана великая артистка, надо причислить и Анатолия Федоровича Кони.

А. Ф. Кони (1844—1927), выдающийся передовой судебный деятель, ученый, оратор и писатель, принадлежал к числу лучших представителей русской прогрессивной интеллигенции.

Вся жизнь Кони была посвящена судебному делу. Трудна была при царизме судебная служба. „Быть может, ни одна служба не дает так мало не отравленных чем-нибудь радостей и не сопровождается такими скорбями и испытаниями, лежащими притом не вне ее, а в ней самой“, говорил в одной из своих речей А. Ф. Кони, характеризуя условия царского суда.

Но для А. Ф. Кони работа в суде была не заурядной службой, как для большинства чиновников дореволюционной юстиции, а служением обществу и его интересам. Отсутствие предвзятости и угодливого склонения перед мнением высших органов и лиц характеризует А. Ф. Кони как судебного деятеля.

Когда в 1878 году перед петербургским окружным судом предстала Вера Засулич (1851—1919), стрелявшая в петербургского градоначальника Трепова, протестуя против сечения розгами землевольца А. П. Боголюбова (Емельянова) в доме предварительного заключения, А. Ф. Кони в должности председателя суда так повел дело, соблюдая в то же время все формальности, что Вера Засулич была оправдана.

Правительство было недовольно приговором и немедленно превратило Кони из криминалиста в гражданского, назначив его председателем гражданского департамента петербургской судебной палаты, но и на этом посту Кони являлся выдающимся работником, прекрасно изучившим дело. Эта своего рода почетная ссылка в места, „отдаленные“ от излюбленного Кони уголовного права,

длилась недолго, и в 1885 году он был назначен на пост обер-прокурора уголовного кассационного департамента.

После Октябрьской революции Кони не бросил родину.

Советское правительство создало наилучшие условия для плодотворной работы человеку, который честно и добровольно заявил о своей готовности служить новому культурному строительству.

До последних своих дней, совершенно согбенный старец, болезненный, утомленный годами, А. Ф. Кони показывал завидный и исключительный пример трудолюбия.. Он ежедневно читал лекции, участвовал своими литературными трудами во многих изданиях, готовил мемуары, принимал живейшее участие во многих научных учреждениях, организациях. Он гордился, что мог быть полезен Советской власти в культурном строительстве и особенно нежно относился к молодежи, которая, по собственному его признанию, освежала его морально и которая в свою очередь сохранила о Кони живые, душевные и необычайно светлые воспоминания.

Деятельность Кони протекала вдалеке от литературы и театра, но всю жизнь он был близок к ним и ко многим из их представителей.

Отец его, Ф. А. Кони (1809—1879), был известный драматург-водевильист и журналист, руководитель одного из лучших ежемесячников 40—50-х годов — „Пантеона“. Как критик он оставил ряд замечательных статей, в которых отстаивал школу „духовного проявления“ (московский Малый театр, М. С. Щепкин), противопоставляя ее петербургской школе „пластического проявления“ (Александринский театр, В. А. Каратыгин); в статьях по истории театра он сохранил ряд ценных документов прошлого нашего театра, и как водевильист, один из первых уделил в куплетах место злободневной общественной сатире.

Мать А. Ф. Кони, И. С. Сандунова (1811—1891), была талантливой драматической артисткой и даровитой писательницей.

В этой семье, где бывали лучшие представители театра и литературы 40—50-х годов прошлого века, Кони научился любить театр, художественное слово и почерпнул ту веру в искусство и литературу, которые никогда его не покидали. От матери и отца он унаследовал литературный талант, серьезное отношение к литературе и театру, любовь и уважение к его деятелям.

Как художник слова, как большой литературный талант, А. Ф. Кони проявлял себя в каждом выступлении, в каждой литературной работе, но особенным блеском отличались создаваемые им характеристики и портреты. По мастерству изложения, по красоте стиля и образов, по глубине одухотворяющей их мысли — они представляют собою непревзойденные образцы этого вида

литературного творчества. Пять томов „На жизненном пути“, в которых зарисованы портреты и государственных деятелей, и корифеев литературы, и деятелей судебных представляют замечательную галерею живых образов ушедшего русского общества.

Деятельность Кони как художника слова была оценена при учреждении разряда изящной словесности при Академии Наук, которая в 1901 году избрала его в свои почетные академики.

Кони блестяще знал творчество актера и, будучи большим художником слова и великим мастером рисовать образы, оставил нам в области истории театра две блестящие работы — очерк об И. Ф. Горбунове, в котором глубоко вскрыл содержание и общественное значение деятельности Горбунова, на которого почти все смотрели, как на забавного и невинного рассказчика, и замечательные воспоминания о Н. Н. Фигнере в роли Германа в „Пиковой даме“ Чайковского, с необыкновенной художественной яркостью, гениальной памятью и тонкостью понимания отразив весь ход сценического творчества прекрасного артиста. Воспоминания эти ждут еще своего опубликования.

С большой чуткостью и глубоким знанием человеческого сердца написано им предисловие к переписке Савиной и Тургенева, который, как известно, был влюблен в артистку, и по собственным его словам — „гораздо больше, чем бы следовало“.

Следует также вспомнить роль покойного в создании „Живого трупа“ Л. Толстого и в установлении правильного ключа к его трактовке, следует вспомнить целую серию замечательных этюдов о „Горькой судьбине“, „Власти тьмы“, артисте Мочалове, о сценических переживаниях, об авторском праве драматургов и мн. др. Кони в каждом из них заявил себя отличным знатоком драмы, актерского творчества, театрального быта и глубоким критиком, сумевшим соединить личное восприятие и воспоминания с достаточно объективным анализом.

До последних дней Кони интересовался театром, и после Октябрьской революции принимал активное участие в деятельности Музея академических театров, Академического театра драмы, Школы русской драмы, Театрального общества.

Расцвет таланта Савиной совпал со славой и расцветом деятельности Кони. Кони и Савина были детьми одной эпохи и потому-то так близки, так понятны были друг другу.

Для Тургенева Савина была прежде всего полная неотразимых чар женщина и замечательная артистка, для Гончарова она была „нежный ангел-утешитель и великая актриса“, для Кони Савина — прежде всего замечательный художник, опора русской сцены, представитель художественного реализма. Обаяние чарующей женственности, конечно, не исключалось; в Савиной оно, повидимому,

было могущественно, из-под него не ушел даже Л. Н. Толстой.¹³ Но для Кони это обаяние женственности было лишь той атмосферой, в которой блистали замечательный талант и пронизательный ум Савиной.

Кони нашел в Савиной яркое сценическое воплощение того реализма, представителями которого в литературе были высоко ценимые им Тургенев и Гончаров и представителем которого был и сам Кони как художник слова. Притом, как сценический художник Савина была для Кони именем собирательным, представляющим собою соединение лучших сценических традиций и преданий с талантом, умом и большой творческой инициативой.

„Мария Гавриловна Савина на моем жизненном пути была одною из самых ярких и незабвенных житейских встреч, доказывающих справедливость слов поэта о том, что „два блага вечны на земле: природа и искусство“, писал Кони, преподнося артистке один из своих литературных трудов.¹⁴

Он требовал бережного отношения к таланту Савиной, старался оберегать ее талант от лжи, клеветы, всяческих нападок, утешал в горестях семейных и профессиональных, старался дать интересную пищу для ее жадного ума, с душевной заботой спешил оказать ей помощь и совет, страдал за ее здоровье, болел за причиненные ей страдания, радовался ее успеху, окрылял ее надежды.

Артист особенно нуждается в правильной и умной оценке своей деятельности, — постоянно говорил А. Ф. Кони, — и чутко должны ценить его те, при ком он блещет и живет, ибо артист отдает своему поколению всего себя, и в этом его самоотверженная прелесть, и эту жертву нужно холить и лелеять.

Вспоминаю, как однажды в кабинете покойного Анатолия Федоровича вспыхнули страстные суждения о деятельности Савиной. Анатолий Федорович внимательно слушал неожиданную полемику и наконец не выдержал:

— Как не хотят люди понять одного, — сказал он, — что Савину создали обстоятельства, а корни этих обстоятельств лежали в эпохе, в условиях старого театра, особенно в своеобразных условиях императорской сцены. Если говорят о Савиной, что она потворствовала Крылову, то почему не хвалят ее за то, что она была первой актрисой, которая привила русской сцене вкус к Тургеневу, которая своим талантом поддержала склонявшийся к закату талант Островского, которая создала забываемые типы дочки и жены городничего в „Ревизоре“; почему никто не хочет вспомнить, что Савина первая познакомила театр с Ибсеном и Бьернсоном, когда о них никто не помышлял, что Савина чудесно воплотила Сарру в „Иванове“ Чехова, Настасью Филипповну в „Идиоте“ Достоевского и создала верный и правдиво очерченный

рисунок бабушки в „Обрыве“ Гончарова, что она показала высокий пример сценического перевоплощения в роли Акулины в драме Толстого „Власть тьмы“ и на склоне дней поддержала его же пьесу „Живой труп“ изумительно тонким исполнением светской старухи Анны Дмитриевны Карениной? Надо быть справедливым до конца. Не только Крылов и Шпагинский, но и Гоголь, Грибоедов, Островский, Зудерман, Чехов, Ибсен, д'Аннунцио нашли в Савиной ту на редкость умную артистку, о которой приходится жалеть с тоской, без надежды увидеть хотя бы в малейшей степени отдаленно напоминающее мастерство, чуткость и остроту проникновения, свойственные Савиной. Почему никто не хочет поставить в заслугу артистке, что она принимала деятельное участие в Литературном фонде, что ни одно предприятие Комитета для доставления средств Высшим женским курсам в Петербурге не обходилось без помощи и участия Савиной? Почему никто не говорит о том, как Савина принимала близко к сердцу материальные интересы тружеников свинцовой армии, как много обязана была ей Касса наборщиков? Почему никто не хочет говорить о том, что Савина была первой артисткой в Александринском театре, заговорившей настоящею русскою речью на сцене? Никогда не забуду, как Достоевский бросился в восторге целовать руки артистке после того, как она однажды на концерте прочла одну сцену из „Обрыва“. — Как читает, как читает! — повторял он. — Какой язык, произношение! Это целая школа русского языка! — повторял писатель, обращаясь к окружающим. Недаром и Гончаров так любил читать с Савиной в интимной обстановке отдельные места „Бориса Годунова“ и „Евгения Онегина“, а Тургенев приходил в неописанный восторг, когда Савина делила с ним грандиозные успехи чтения на концертах. А знаете ли вы о том, как Савина, приезжая в имение своего непутевого мужа, Н. Н. Всеволожского, прежде всего бежала в деревню лечить больных детей, старух, как она принимала детей у рожениц, как она помогала бедным старухам, как она раздавала лес крестьянам, как добивалась у мужа прекращения всех взысканий с крестьян за самовольную порубку леса? Ваш покорный слуга помогал ей юридическим советом при этом. Об этом нельзя молчать! Это грешно забывать! — закончил Анатолий Федорович.

В этих словах, в этой страстной защите памяти Савиной мы видим ответ истинной дружбы, которая соединяла двух крупных и интереснейших представителей своей эпохи, — той дружбы, которая и для истории стремится сохранить светлый облик человека и деятеля.

Савина оставила в литературное наследство громадный и ценный архив. Она единственная из русских артисток прошлого века куль-

турно относилась к каждому документу, могущему послужить материалом для истории, и сберегла для театроведения обильный интересный и значительный материал, который в первую очередь поможет выявить со всею полнотой исторический облик даровой артистки, определить положительные и отрицательные стороны ее многогранной и кипучей театральной деятельности.

В архиве Савиной из ее переписки с А. Ф. Кони хранились только письма ее корреспондента. Но, когда несколько лет назад был поднят вопрос об издании переписки и пишущий эти строки принимал в подготовке издания посильное участие, удалось склонить А. Ф. Кони предоставить для издания и все сохранившиеся у него письма Савиной. Таким образом, в данный момент переписка двух замечательных деятелей прошлого появляется в более полном объеме, в письмах обеих сторон, что, несомненно, увеличивает ценность и интерес материала.¹⁵

Переписка А. Ф. Кони и М. Г. Савиной вскрывает картину взаимных отношений артистки и ее глубокого почитателя, рисует круг интересов первой актрисы императорской сцены и дает яркое представление об отношениях, выросших на почве общих вкусов и взаимного понимания Кони и Савиной и, под конец, обратившихся в нежную и чуткую дружбу.

Переписка открывает глаза на то, что первая артистка Александринского театра живет в театре прежде всего своею личной жизнью. Театр как художественный институт с большими культурными задачами для нее, как будто, не существует. Ее интересует не театр, а лишь сцена Александринского театра — сцена, которая и была ее жизнью с ранних лет и до последних дней. Ее интересует эта сцена постольку, поскольку с нею связаны ее личные успехи, поскольку на ней существует Савина, поскольку для Савиной нужен подходящий репертуар, интересная роль — не больше. Это крайнее ограничение интересов сложилось у Савиной в результате роста в уродливых условиях императорского театра, в условиях антихудожественной и нездоровой атмосферы, в условиях театра премьеров и премьерш, каким был Александринский театр в особенности.

„Как вам это нравится? — пишет Савина Кони, жалуясь на управляющего труппой, А. А. Потехина, который вследствие опоздания явки Савиной к началу сезона хотел выпустить афишу и напечатать „за неявкою госпожи Савиной“. — Этот человек даже азбуки не знает. Как будто я хористка, за которой посылают и приказывают петь, а не первая актриса, не появлявшаяся пять месяцев перед своей публикой после ряда провинциальных триумфов. Сравнение, конечно, дерзкое с моей стороны, но поступок этот сильно напоминает генерала Дитятина, упорно называющего Ивана Сергеевича „коллежским секретарем Иваном Тургеневым“.¹⁶

В этом письме вся Савина — премьерша Александринского театра, с ее непониманием общих художественных задач театра, считающая и Александринский театр — театром постольку, поскольку на нем выступает *Савина* перед *своей* публикой. Савина сохранила этот взгляд даже и в те годы, когда после организации Московского художественного театра известные нормы коллективной творческой ответственности за театр стали составлять как бы обязательный и неперенный минимум.

Савина была типичной актрисой императорской сцены: для нее разговор о художественности театра не шел дальше разговоров о литературности репертуара, талантливости актеров и крепком ансамбле.

Уже к концу прошлого века Савина представляла собою артистку, окончательно сложившуюся в „премьершу“, которой нужно всеми правдами и неправдами отстаивать свое первое место, — артистку, совершенно примирившуюся с порядками бюрократической конторы императорских театров, вполне акклиматизировавшуюся в атмосфере Александринского театра. Это сказывается и на переписке ее с А. Ф. Кони, которая к концу становится значительно бледнее, — как будто все уже обстояло так благополучно, что оставалось только констатировать факты. Однако первая половина переписки, охватывающая восьмидесятые годы — начало девяностых, еще носит следы художественной личности, которая томится в условиях казенного театра, пытается, хотя и слабо, подвергать критике порядки императорской сцены. Эта часть переписки наиболее ценна и вскрывает подлинный образ молодой Савиной.

Обстановка художественной работы в Александринском театре была далеко не из тех, которые могли благоприятствовать нормальному росту и развитию таланта. Бюрократическое, узкое понимание его задач, чиновничье отношение к его работникам были обычными спутниками этого театра. В театре стояла жуткая, нездоровая атмосфера.

„Другой раз все переругаются, подадут в отставку, друг с другом не здороваются, приходят ко мне жаловаться, кто на режиссеров, кто на управляющего, кто на премьеров, кто на чиновников конторы...“, рисует жизнь Александринского театра директор Теляковский.¹⁷ В одном из писем к А. Ф. Кони Савина писала: „У нас искусства нет. Есть большие жалования, мелкие самолюбия и интриги самого низкого сорта“.¹⁸

Молодая Савина задыхалась в атмосфере кулис императорской сцены, но выхода не искала, ибо в буржуазном театре она все равно его бы не нашла. Она могла бы менять театры, в которых порядки и обстановка по существу оставались такими же. Она порой теряла всякое равновесие, переживала периоды отвращения

к театру и разочарования, хотела уходить с императорской сцены, и А. Ф. Кони каждый раз предостерегал ее и старался удержать на казенной столичной сцене: „Ваше место на подмостках, которые носили Веру Самойлову и Асенкову, на которых плакала и заставляла плакать Снеткова, а не на досках, чуждых всяких традиций и преемственности“.¹⁹

Личная жизнь артистки была тоже тяжелой. Замужество с Н. Н. Всеволожским, представителем старинной аристократической фамилии, сыном друга Пушкина Н. В. Всеволожского, счастья артистке не принесло. Уезжая в Сиву, имение мужа, она предавалась горю и целыми часами просиживала в полном одиночестве на крутом и высоком обрыве, заросшем гигантскими елями, откуда открывался чудный вид на бегущую внизу реку, окаймленную полями и лесом.²⁰

Ее не радуют внешние, шумные успехи: „За двадцать лет работы в театре я научилась ценить эти аплодисменты и лавры. И что это за публика? Воскресная — она не хуже балаганной, а обычная — ленивая, тупая, приезжающая в театр смотреть m-me Всеволожскую, ее туалеты и переваривать обед. Она совершенно не хочет пораскинуть умом, расшевелить свои мозги. Что ей Ибсен? Она и знать не хочет о том, как болезненно ищет артист свой путь. Мне не нравится — вот ее суд. Она острит, злословит. Товарики радуются провалу пьесы. Путь к славе — путь тернистый. Пустой мне раньше казалась эта фраза. Теперь я хорошо знаю ее смысл“.²¹

Во время этих тяжелых переживаний, в эти грустные минуты А. Ф. Кони являлся неизменно благожелательным другом и старался чутким словом залечить болезненные раны.

Савина высоко ценила тихий, ласковый, согревающий свет дружбы Кони, как не могла не ценить в нем высокий ум, широкий кругозор и большой литературный талант. Он был для нее не только либеральным представителем царской прокуратуры и суда, — он был для нее даровитым художником слова, которому хорошо знакомы были муки и радости творчества; он был для нее другом, которому она откровенно поверяла и доверяла свои мысли и чувства, свой ум и свое сердце.

Будучи уже заслуженной артисткой, Савина спешит с букетом роз на его лекцию, ищет с ним встреч, душевной беседы, аккурратно вспоминает все знаменательные дни жизни А. Ф., разделяет его восторги перед Пушкиным, внимательно прочитывает новые работы Кони, заботится об его здоровье.

Савина нередко говорила: „Мой университет — мои друзья“. В этом замечательном университете Кони был одним из самых даровитых профессоров. И если Савина поражала культурой, начитанностью, если она превратилась в первоклассную европейскую

артистку, в крупного деятеля сцены, в яркую выразительницу художественного реализма, в тонкого мастера, то в этом несомненная доля заслуги А. Ф. Кони, который незаметно для самой артистки вводил ее в круг больших и глубоких интересов, тем самым благотворно влияя не только на Савину, как на человека, но и на Савину, как художника.

В письмах стареющей Савиной встает ярко образ заслуженной артистки императорских театров. Она религиозна, хотя и не без юмора описывает „обновление иконы“ у одного крестьянина, но верит в чудеса, ездит в монастыри.

Избыток энергии, желание везде быть первой и создавать для себя благоприятную почву и обстановку, толкавшие молодую Савину к участию в некоторых театральных общественных начинаниях, под старость превращаются в „благотворительность“ („благотворительные“ спектакли, концерты, общества), идущую по линии личного интереса — для „христианского спасения души“. Для „прощения грехов“ нужна милостыня, нужно откупиться добрым делом благотворительности, купить своего рода индульгенцию. Таково было учение церкви. Савина была ее верною, покорною дочерью.

И все эти черты странно уживались с ее совершенно не сентиментальным характером, трезвым критическим умом, которым отличалась ее сценическая интерпретация, с ее здоровым творчеством, в котором не было ни капли идеалистических устремлений или мистических тенденций, в чем можно было упрекнуть В. Ф. Коммиссаржевскую. Вся эта сеть противоречий художника и человека, которая чувствуется и во всей переписке, — противоречий, чрезвычайно характерных для актрисы буржуазного театра, в Савиной заявляла о себе особенно сильно и выпукло.

Наконец, переписку Кони и Савиной наполняет культ Тургенева. Оба они чтят память писателя, с которым у Кони и у Савиной были связаны не только художественные переживания, но и впечатления личной дружбы. Кони и Савина до гроба исповедывали Тургенева: Кони — в литературе и на кафедре, Савина — на сцене и в жизни. Первый посвятил ему прекрасные строки своих воспоминаний, углубленные анализом творчества его как писателя, другая донесла до конца своих дней секрет изображения тургеньевских женщин. Она правдиво передавала и детски-чистые слезы в невинных глазах Верочки, и красоту молчаливого страдания и мечтательной разочарованности Натальи Петровны, потому что хорошо знала быт крепостной России, потому что сама дышала ароматом и ядом тургеньевских усадеб.

Советский актер не без пользы прочтет переписку Кони с Савиной. Он должен хорошо знать прошлое, чтобы еще больше любить и ценить светлое и радостное настоящее. Он уже вырос

в политически-сознательного работника социалистической культуры, умеющего разбираться в прошлом и отыскивать в нем полезное и ценное для себя. Он может лишь порадоваться за тех из своих предшественников, которые, работая в тяжелых условиях буржуазного общества, находили порой в своих творческих тревогах поддержку отдельных культурных личностей, внимательно, любовно и дружески следивших за развитием их таланта.

Переписка Кони и Савиной представляет собою ценный материал для историка русской общественности, театра и литературы. Для читателя ее страницы раскрывают несколько моментов из жизни двух выдающихся представителей нашей культуры, именами которых в праве гордиться русский театр и русская литература.

А. Брянский

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Письмо В. И. Базилевского от 14 января 1901 г. Архив Нар. Хоз. в Ленинграде. Фонд А. Е. Молчанова. Письма В. И. Базилевского — М. Г. Савиной.
2. Памяти М. Г. Савиной. „Рампа и жизнь“ 1915, № 38.
3. „Театр и искусство“ 1900, № 3.
4. Речь А. В. Луначарского в б. Александринском театре 21 сентября 1925 г. на торжественном заседании памяти М. Г. Савиной по поводу 10-летия смерти артистки. Воспроизводится по нашей пробной записи.
5. „Тургенев и Савина“. С предисловием и под редакцией А. Ф. Кони. Пгр. 1918.
6. „Театр и искусство“ 1900, № 3, статья А. Р. Кугеля.
7. Дневник не напечатан и хранится в Архиве Нар. Хоз. в Ленинграде. Фонд А. Е. Молчанова.
8. „Петербургский листок“ 1884, № 41.
9. Письма А. П. Чехова. Т. II, М. 1912, стр. 282, 286.
10. В. А. Теляковский. „Воспоминания“. 1898—1917. Пгр. 1924, стр. 193.
11. „Аполлон“ 1915, № 6—7. Некролог Савиной.
12. „Тургенев и Савина“. Переписка. Пгр. 1918, статья А. Ф. Кони, стр. VI.
13. А. К. Чертова. Из воспоминаний о Л. Н. Толстом. Сборник „Толстой и о Толстом“. М. 1925, стр. 108—111.
14. Автограф А. Ф. Кони на экземпляре II тома „На жизненном пути“ М. 1913. (Ленингр. Театральная библиотека им. А. В. Луначарского).
15. Переписка А. Ф. Кони и М. Г. Савиной находится в настоящее время в Архиве Нар. хоз. в Ленинграде. Переписка эта подготавлилась к печати еще в 1920 г. Считаю долгом с благодарностью вспомнить Анатолия Евграфовича Молчанова, Анатолия Федоровича Кони и Елену Васильевну Пономареву, сообщивших в свое время пишущему эти строки ряд ценных указаний в части примечаний.
16. Письмо Савиной от 7 сент. 1887 г.
17. В. А. Теляковский. „Воспоминания“. Пгр. 1924, стр. 194.
18. Письмо Савиной, февраль 1883 г.
19. Письмо 1885 г. В переписке № 42.
20. „Поездка в Сивинское имение—поземельн. банка“. Статья „Пермск. губ. ведомости“ 1909, №№ 196—199.
21. Письмо М. Г. Савиной к И. А. Всеволожскому 1884 г. (Собрание А. М. Брянского).

СПбГУ

Дорогая Мария Гавриловна, — если Вы хотите навестить И. А. Гончарова,¹ то я буду Вас ожидать в четверг, в 2 часа или немного позже. Прикажите швейцару дать мне знать на мою вышку. Или не хотите ли к ½-3-го приехать прямо к Гончарову и я буду уж у него. Если не получу от Вас по этому последнему предложению — ответа, то буду ждать Вас дома (я живу на углу Фурштатской и Воскресенской в д. Елисеева, кв. 29, первый подъезд от Фурштатской).

Что сказать Вам о „Ревизоре“? Вы знаете, что в этой бессмертной комедии Вы выше всяких похвал. Ведь роль сама по себе бессодержательная и бесцветная (Гоголю вообще не удавались женские типы); все зависит от вложения в нее той неуловимой сети оттенков, которыми характеризовалась „уездная барышня“ 30-х годов, столь быстро переходившая из воздушного создания в существо „набитое“, по выражению Гоголя, „всяким бабьем“. — И Вы вложили эти оттенки со всем великодушием Вашего душевного богатства. Вы огромный художник, глубокоуважаемая Мария Гавриловна. Вы умеете инстинктивным чутьем поэта угадывать и существо и форму чуждых Вам по времени типов. Посмотрите на Пушкина: от его Дон-Жуана веет лимонными рощами Андалузии, от Пимена веет эпохой Ивана IV, от „Невольника“ Гейне пышет раскаленным воздухом Востока. И Вы идете по их следам (но увы, *бесследно*... простите этот скверный каламбур) и духовными очами проникаете в душу и наружность M-lle Сквозник-Дмухановской.²

Простите небрежность письма — пишу из заседания. Ваш глубоко благодарный почитатель.

А. Кони

Завтра у меня Комитет, добрейший Анатолий Федорович, от часу до пяти и еще общее собрание; отказаться немислимо.³ Не найдете ли другого свободного дня (кроме субботы), а часы в Вашем распоряжении. Не нахожу слов для выражения благодарности за рецензию о „Ревизоре“. В свою очередь прошу извинения за небрежность письма, так как очень тороплюсь и крепко жму Вашу руку.

Савина

2 февраля (1883 г.).

Р. С. Когда же Вы пошлете пьесу Вашего отца в Комитет?⁴

Позвольте напомнить Вам, глубокоуважаемая Мария Гавриловна, Ваше намерение посетить Ив. Ал. Гончарова. Сделайте это доброе дело. Он будет безмерно рад Вас видеть. В его мрачную, неприятливую обстановку Вы внесете свет и благоухание Вашего ума и изыска. Злой недуг сокрушил его и жадно гложет. Он омрачил его зрение, и мне тревожно думается, что смерть уже понемногу распространяет над его старою, заслуженною головою свое черное крыло. Пусть же пред его потухающим оком блеснет еще раз лучшее, что могла создать физическая и нравственная природа земли русской — чуткая и высоко даровитая душа русской женщины, заключенная в прекрасную оболочку. Навестите, утешьте старика. Ведь Вы, как и многие, и, конечно, гораздо более, чем многие, обязаны его таланту минутами чистого художественного наслаждения, — будьте же для него, в свою очередь, „музой, ласково поющей“... Дайте ему рассказать Вам о своих страхах перед операцией,⁵ о своих радостях, по поводу заявлений сочувствия его 50-летнему служению во славу русского слова,⁶ о своих тревогах за детей, чуждых и сирых, которым он открыл свое старческое и трепещущее потребностью привязанности сердце.⁷ Ему станет легче — и в венок его лучших и последних воспоминаний Вы влетитесь нежным и веселящим душу цветком. Тороплю Вас потому, что третьего дня мне особенно бросилась в глаза подавленность и близость разрушения в этом старце, которого, зная его, нельзя не любить горячо и как человека и как глубокого художника. Притом, под влиянием болезни исчезла бесследно его прежняя угловатость и замкнутость. Он стал трогателен в своем несчастье, как-то просветлел весь и примирился даже с теми фантомами измученного одиночеством сердца, которые прежде вызывали в нем раздражение. Он, как пушкинский

Овидий, стал прост и добр „душой незлобной“. Если бы дело шло о человеке, которому предстоит долгая жизнь, я не знал бы желать ли для него Вашего посещения. Луч света, проникая в тюрьму, оставляет ее еще темнее прежнего и „мимолетное видение“ только заставляет еще сильнее чувствовать больные ежедневные звуки жизни „en gamme mineur très triste“... — Но здесь доживаются последние дни и надо по возможности устраивать так, чтобы человек не просто угас, а, по чудному выражению Тютчева, „он просиял бы и погас“.

Пишу Вам из скучного заседания, слушая краем уха утомительную элоквенцию гг. адвокатов. Воспоминания о минутах наслаждения Вашим талантом, доставленных нам в воскресенье, сгоняют с моего лица выражение натянутой серьезности старого дьяка, „в приказах поседелого“, и заставляют невольно и радостно улыбаться. Господа адвокаты примут эту улыбку себе и отнесут ее к своему остроумию. Пускай. Но вот, что опасно: это, если я, отдаваясь этим воспоминаниям, разделяю восторг великого художника — и воскликну „стой“. Господа адвокаты обидятся на такое фамильярное пользование моими председательскими правами.

Во избежание этого прекращаю свое писание (слава богу, говорите Вы) и спешу назвать себя преданным Вам

А. Кони

И. А. Гончарова (Моховая, 3) лучше всего видеть от 2 до 5 дня.

4

1883. II. 22.

Многоуважаемая Мария Гавриловна.

Портрет Асенковой, виденный мною у Вас,⁸ напомнил мне, что у меня есть портреты некоторых известных Ваших предшественниц по театру, — портреты, имеющие теперь так сказать археологическую цену.

Позвольте хотя и запоздалому, но все-таки искреннему и глабокому поклоннику Вашего таланта поднести Вам эти портреты. Вас, вероятно, заставят улыбнуться эти странные костюмы и, в особенности, прически. А, быть может, заставят и призадуматься. Это ведь своего рода артистическое „memento mori“ вроде того черепа, украшенного розами, который древние ставили на свой пиршественный стол. В смысле оставления следа Ваше искусство самое неблагоприятное и бесплодное. Оно действует доколе — доколе, т. е. покуда Вы действуете сами или еще живо то поколение, среди которого Вы действовали. А сойдет оно со сцены — и останется лишь несколько личных мемуаров о личных

впечатлениях да портрет особы в смешном наряде, с букольками и завитушками — ничего не говорящий ни сердцу, ни воображению. Но тем более должны ценить талант на сцене те, при ком он блещет и живет. Он отдает настоящему поколению *всего себя* — и в этом его самоотверженная прелесть. Через 50—75 лет Тургенев будет так же говорить свои стихи в прозе, как и теперь, Гончаров так же будет заставляя любить своего Обломова, а то поколение, которое переживает, благодаря Вам, столько минут высокого поэтического наслаждения, сойдет со сцены или будет доживать свой век, никому ненужное и непонятное.

Пусть же тогда между *внуками* будет неизменно один и тот же разговор: „чей это странный портрет, с таким смешным начесом на лбу и в таком уморительном платье? — Савиной, знаменитой артистки 80-х и 90-х годов. Ты знаешь, той Савиной, о которой с таким восторгом говорит дедушка. Он весь преобразается, когда вспоминает о ней, — его старые глаза благодарно слезятся и на лице играет улыбка давно ушедшего счастья. Он становится красноречив и делается добрее на весь день, и тих, и ласков...“

— „А, так вот это кто. Честь ей и слава“.

Вам преданный А. Кони

5

Февраль 1883.

Добрейший Анатолий Федорович.

Усталая, измученная нравственно и физически, пользуюсь единственной свободной минутой, чтобы начать с благодарности за портреты. Вера Самойлова совсем не похожа на ту, какой я ее знала.⁹ Когда-нибудь я Вам расскажу, как странно я познакомилась с нею и какую роль играла при ее смерти. Эта женщина имела на меня большое влияние и положительно очаровала меня. Мысль о „неблагодарности“ и, главное, „бесплодности“ драматического искусства играет большую роль в моей жизни и часто лишает меня сна и аппетита. В настоящее время я нахожусь в периоде полного разочарования и даже отвращения к сцене. Это, впрочем, бывает со мной; но в такой сильной степени еще не бывало. Ваше письмо пришло как нельзя более кстати. Я не согласна с Вами в одном: едва ли найдется „дедушка“, который будет вспоминать о Савиной. Во времена Самойловых жилось иначе, впечатления были сильнее, чувства выше — да и люди лучше. А репертуар? „Красавец“ — лучшая пьеса сезона и лучшая моя роль, на которую я должна убить все мои силы и дарование.¹⁰ У нас искусства нет. Есть большие жалованья, мелкие само-

любия и интриги самого низкого сорта. Вы найдете это чересчур сильным, но я предупредила о моем настроении. Вряд ли, впрочем, я возьму эти слова назад когда-либо. Я убеждена, что моя слава не переживет меня, и Ваши внуки, вспоминая о Вас, забудут о Вашей симпатии к бедной балаганной актрисе. Не удивляйтесь этому названию; в данную минуту оно как нельзя более подходит ко мне: я играю на этой неделе десять раз, то есть почти два раза в день. У балаганов даже есть преимущество: там не надо жить на сцене, а я плачу настоящими слезами перед публикой, которая в это время смеется или щелкает орехи. Великие слова — „Театр есть школа для народа“ — иногда золотят пилюлю — и цепляешься за них, чтобы совсем не потерять уважение к себе. Простите мою бессмысленную и долгую болтовню. Припишите все это отчасти „лаку“ от продажи билетов лотереи, который я не могу отмыть до сих пор, и не судите слишком строго

несчастную Савину.

Очень хочу видеть Гончарова и прошу уведомить, когда он будет у Вас.¹¹

6

Ужасно жалею, добрейший Анатолий Федорович, что Вы не застали меня сегодня. Юлия Михайловна¹² звала меня обедать завтра с Вами, но так как я играю, то обед отложен до субботы. Найдите свободную минуту — я буду очень рада поболтать о многом. В субботу у меня комитет и ранее шести часов не могу быть у Юлии Михайловны, о чем прошу Вас передать ей. Завтра идет пьеса М-ме Мердер¹³ (Северин) — не хотите ли посмотреть? Ложа будет. До свиданья, крепко жму Вашу руку.

Савина

29 апреля (1883).

7

83. VIII. 27
Рига. Дуббельн

Когда умирает тот, кто нам дорог, кто будил в нас лучшие стороны души, кто освещал и освящал для нас многое в жизни, мысль невольно обращается к тем, кто был ему дорог в свою очередь, кого он любил, кто его утешал, а подчас и вдохновлял. И эти живые свидетели его чувства, его мысли — становятся особенно симпатичны, особенно любезны сердцу, только что перенесшему утрату... Вы поймете, поэтому, почему мне хочется писать к Савиной — когда душа угнетена мыслью о том, что Тургенева нет.¹⁴ Какое жгучее слово: нет. Смешно говорить, что его нет

как писателя, как художника. Он завершил свою деятельность, он вылил себя из бронзы — и в этом смысле он бессмертен до тех пор, пока живет русский народ, пока существует европейская культура. Но есть другое чувство, которое неразрывно связано с жизнью замечательного общественного деятеля, про которого вместе с тем можно сказать, что „человек он был“. И Вы, конечно, испытывали это чувство не раз. Когда Вы создавали художественные типические личности (в роде дочери Городничего, напр.) и чувствовали, что масса окружающих *не может* Вас понять, не может оценить всей тонкости Вашей игры, всей глубины Вашего понимания, когда у Вас подчас опускались руки среди окружающего самодовольного невежества, интригующей бездарности и всепроникающей пошлости и прозы — разве Вы не говорили мысленно — „он бы понял, он бы оценил, он бы разделил мои святы, творческие восторги“... и не обращались мысленно к величавым седидам этой незабвенной фигуры? Нужды нет, что его не было около Вас, что он был далеко... Уже то, что *где-то* есть Тургенев, что он существует, было утешительно и отрадно. А теперь его нигде нет. Я просто не могу примириться с этим, — я простой приказный, чиновник, простой читатель. Что же должны чувствовать Вы — его товарищ по служению искусству, товарищ и нежно любимый друг,¹⁵ которому было сказано „постой“. Увы, зачем нельзя ему сказать этого повелительно-нежного слова. Зачем нельзя было, уже если ему суждено было оставить нас, протянуть к нему руки на чужбину и сказать „приди“. — Какая горькая судьба России так терять своих лучших сынов. Смотрите — Вы тоже помазанница божья, на Вашем челе тоже горит священный огонь творчества, Вы были другом ему — берегите же себя, щадите свои силы, сохраните себя на много лет крепкою, чтобы впоследствии „доброю старушкой песни друга у камелька тихонько напевать“ и быть живым преданьем о нашем великом деятеле.

Дня через три буду в СПб.

Ваш душою А. Кони.

8

29 августа 1883

Не на радость вернулась я в Петербург, Анатолий Федорович, „Этого давно ждали“ говорят кругом. И я ждала, и тем не менее не верю, не хочу, не могу верить. Мне почему-то казалось, что он приедет умереть, именно умереть, домой, что я увижу его еще раз и непременно в Спасском, в его любимом Спасском...¹⁶ Я так надеялась, я так была уверена в этом. С Вами первым я говорю о нем. Вы поняли, Вы вспомнили обо мне. Вы все поймете. Я даже не благодарю за Ваше письмо — я ничего не могу теперь. Я не плачу, я ничем не умею выразить моего горя. Эта роль труднее

Марьи Антоновны, и в настоящую минуту у меня совсем нет публики, — Его, даже далекого Его нет. Все, что слышу, читаю эти дни, кажется таким мелким, ничтожным, и к чему все это? Это не эгоизм с моей стороны, конечно есть люди, чувствующие глубже моего утрату, но все это мне кажется мало. Мне кажется, что я ослепла на половину или сплю летаргическим сном: слышу, чувствую и не могу крикнуть. Всю ночь сегодня я перечитывала дорогие письма — чегыре последние года его жизни. Неужели когда-либо это мое богатство попадет в чужие руки? Сейчас еду на панихиду: я буду молиться тому, в кого он не верил. Я никогда не теряла дорогих, близких и не испытала чувства утешения в молитве. Я даже не могу себе представить — о чем я буду молиться сейчас. Любопытные взгляды, банальные вопросы и может быть даже и соболезнования. Отчего все подобное, относящееся к нему, кажется мне оскорбительным? Возвращайтесь скорей — Вы сумеете объяснить.

Савина

9

5 сентября, 7 ч. утра (1883)

Добрейший Анатолий Федорович.

Только в субботу утром, возвратясь из Финляндии, я получила Вашу карточку, вечером совершенно неожиданно читала в Коломенской гимназии; вчера весь день репетировала и теперь встала пораньше, чтобы написать Вам несколько строк.

Конечно, я жажду Вас видеть и надеюсь, Вы не лишите меня этого удовольствия. Завтра играю в Павловске „Месяц в деревне“¹⁷ — это будет мой первый выход. Придется уехать туда на весь день. Сегодня вечером репетирую, но буду свободна к десяти часам. Если это не покажется Вам поздно, то приходите, я напою Вас чаем, и мы поговорим о дорогом Иване Сергеевиче.

Жму Вашу руку.

Савина

Не стесняйтесь, пожалуйста, и если Вам нельзя — назначьте другое время и день: с среды я свободна.

10

83. IX. 5.

Дорогая Мария Гавриловна.

К сожалению я сегодня не свободен и должен сидеть весь вечер за делами. Позвольте придти к Вам в среду перед обедом или вечером, как для Вас удобнее. Мне очень, очень дорого увидеть Вас именно теперь.¹⁸ А как он умер? Я все время чувство-

вал „глаза на мокром месте“, читая описание его кончины.¹⁹ А что Вы скажете об эпитете „царица цариц“.²⁰ Многим можно за него пожертвовать. Преданный Вам

А. Кони

Вы свободны „со среды“. Быть может, это значит, что срок Вашей свободы считается с начала четверга. Тогда я мог бы быть у Вас в пятницу вечером. Одним словом, располагайте сами этими двумя днями.

11

83. IX. 8

Вас интересовала фигура „царицы цариц“, многоуважаемая Мария Гавриловна. Мне удалось открыть ее портрет, и я спешу послать его Вам. Он снят с того дагерротипа, который я подарил в 1879 г. И. С. Тургеневу. Дагерротип был сделан в 1843 году, как раз в то время, когда И. С. с нею познакомился.²¹ Вы, к ногам которой он приносил такие чистые чувства и такие чудные способы их выражения, можете смотреть на этот портрет без ревности, с одним любопытством.

Присоединяю и весьма редкий портрет Веры Вас. Самойловой, в эпоху ее наибольшего блеска. Это „avant la lettre“, не выпущенный к обращению в публике. Зная, что Вы ее любите и скорбите о ней, я почти уверен, что Вы не посетуете на меня за то, что я лечу с ним в Ваш стол, и, быть может, даже на Вашу стену.

Благодарю Вас еще раз за вчерашний вечер. Ваш А. Кони

12

9 сентября 1883 г.

Вчера моей первой мыслью было — писать Вам, Анатолий Федорович, и начать мое письмо словами, которыми Вы кончаете Ваше сегодня: т. е. благодарностью за чудно проведенный вечер. Почему-то я „застыдилась“ и разорвала мое письмо. Вы не заподозрите меня в фальши, а начав писать, я подумала это; притом, моя экзальтация могла показаться Вам смешной, может быть неестественной и... но Вы поймете. На ваш богатый подарок я ничем не могу ответить: мой портрет не заменит присланных Вами, да я и не так самонадеянна. Вы слишком меня балуете. Крепко жму Вашу руку.

Савина

Из достоверного источника узнала, что подписки на похороны не будет и потому послала деньги на памятник.

Вы хорошо сделали, дорогая Мария Гавриловна, что не послали мне предполагаемого письма. Оно бы не соответствовало „данним дела“, как говорит наша братия, приказные. В этот милый для меня вечер, когда мы устроили всенощное бдение в память И. С. Т.²²—Вы были священнослужителем, а я простым богомольным прихожанином. Но меня занимает и вместе тревожит мысль о предположении Вашем оставить театр (ибо оставить петерб. или московск. сцену для таланта, подобного Вашему — равносильно полному оставлению театра). Знаете, что говорил Павел в послании к Колоссянам: „стойте убо брзтие и держите предания“. То же скажу Вам и я. *Савина* не есть только имя личное, — это имя *собирательное*, представляющее собою соединение лучших традиций, приемов и преданий с талантом и умом. Вы сами по себе школа — и должны как солдат стоять на бреши, пробитой в искусстве нелепыми представителями нелепого барона.²³ Когда галлы овладели Римом и ворвались в него, они нашли сенаторов, сидящих неподвижно на своих местах, и, невольно, безотчетно преклонились пред ними. И пред Вами преклоняются Ваши варвары. Среди заветных бумаг моего отца хранился настоящий билет на бенефис Асенковой.²⁴ От него веет стариною и забытыми театральными обычаями, но он напоминает артистку, умершую на поле битвы, несмотря на самые тяжкие личные и общественные условия. Пусть этот билет послужит Вам ее загробным дыханием.

Преданный Вам А. Кон и

Вам скоро надоест мой почерк, Анатолий Федорович, но вы сами в этом виноваты. Как чудно-хорошо Вы выразились „всенощное бдение в память И. С. Тургенева“ — другого названия этому вечеру придумать невозможно. Вчера я была в Казанском соборе и понятно не могла не плакать.²⁵ Хотя я стояла за толпой в темном углу, закутанная вуалью и кроме Топорова²⁶ никто меня видеть не мог, тем не менее, кому-то понадобилось сообщить в газетах о моем волнении. Кажется это переходит за пределы моей сценической деятельности. Неужели актер всегда и везде принадлежит публике? Решила не быть на похоронах. Не потому, чтобы я жалела своих слез, а чтобы не дать повода заподозрить меня в притворстве и тем оскорбить память дорогого покойного. Я придумала средство проститься с ним и для этого сделано все, даже невозможное. За кулисами старики, современники Асенковой (Громова,²⁷ Марковецкий²⁸ и др.) зовут меня Варей, уверяя, что „во всем“

напоминаю ее; Левкеева,²⁹ умирая, благословила меня ее портретом, почему память об этой идеальной „Варе“ стала мне еще дороже. Вы, посылая билет ее бенефиса, не подозревали, конечно, какое огромное удовольствие доставите мне этим. Знаете ли вы ужасную историю ее смерти?³⁰ Апостол Павел прав несомненно, но и я не совсем виновата.

Впрочем этот вопрос сложный и теперь не время его поднимать. До свиданья.

Савина

(11 сент. 1883 г.)

Я рассчитываю видеть вас у Горбунова.³¹

15

83. X. 4

Дорогая Мария Гавриловна. Я еще все не успел поблагодарить вас за удовольствие, которым я был обязан Вам в вечер 27 сентября.³² Говоря откровенно—это удовольствие можно приписать только и исключительно Вам, Вашей превосходной, полной чувства и глубокого молчаливого смысла игре. Ваше движение, когда Вы, положив голову на колена „благодетельницы“, трогательно и без слов сознаетесь, что любите, глубоко меня растрогало и до сих пор предо мною. Но это Вы, Савина, Вы—и никто больше. Но остальные исполнители,—но сам автор... Да, автор. Пьеса длинна, монотонна и лишена всякого драматического движения. Быть может этот сюжет—*tranchons le môt* и изображение женщины в критическом возрасте, в которой проснулась „la bête“ и, туманя ее голову, зажигает ее кровь,—мог бы быть предметом одноактной комедии или даже тонкой *proverbe* во вкусе и с умением Октава Фелье. Но растянутый на 5 действий, этот сюжет становится бледен и лишается всякого значения. Собственно говоря—это неудачная вещь, не достойная пера И. С. Т. Это, в сущности, повесть, рассказанная со сцены. Я восхищался Вашей энергиею, видя Вас утром усталою, страждущею на похоронах. Вы, кажется, не остались слушать прочитанных на могиле лекций об астрономии и о том, что Тургенев был слушателем Моск. Университета... Как все было бледно и бесцветно. Вечером на другой день я с грустью увидел из программы, что Вы упорствуете в чтении „Свидания“.³³ Представьте же себе мою радость, когда в первых же Ваших словах я узнал милые строки „Фауста“. Нельзя не приветствовать, что Вы именно на этом остановились. В конце Вашего чтения был как бы нравственный завет Тургенева молодому поколению—и конечно лучшего посланца с таким заветом—как Вы, трудно и невозможно было бы найти. Но зато другое чтение (я впрочем

ушел, не дослушав Потехина и Давыдова)!³⁴ Боже мой, ужели русская интеллигенция всегда и во всем обречена на отсутствие чувства меры, на скудность выражения даже искренних своих чувств, — на какую-то нищету мысли и соображения. Что скажете о Григоровиче, который читал „стихи в прозе“ своими словами, который читал „Старуху“ весело-разухабистым тоном и радужное веселое „Лазурное царство“ завывая могильно-слезливым тоном? Можно ли более неверно понять тон и ритм этих перлов Тургеневской музыки? — А г. Анненков, „лучший друг Тургенева, „его“ советчик и критик“,³⁵ — который из всей жизни Тургенева не нашел сообщить ничего иного, кроме того, во всяком случае некрасивого факта, что Тургенев похищал хлеб, рассказывая анекдоты и допускал сваливать вину на бедного старика лакея... Ах, правы испанцы, говорящие, что „избави нас бог от друзей, а с врагами мы сами справимся“.

Впрочем, я вижу, что Вам скучно слушать мое ворчание и Вы сквозь зевоту говорите: „... да избави от друзей...“ Извольте: я Вас избавлю и подписуюсь

преданным Вам А. Кони

16

83. X. 20

Дорогая Мария Гавриловна.

Давно собирался я или забежать к Вам или письменно крикнуть Вам „ау“ — но дело, одно другого сложнее и труднее, но заседания, почти непрерывные, доводящие до оупения и оглушения всех умственных способностей — не дали мне этой возможности. Давно не бывал я так сильно занят и притом работою, самую сухую и специального юридического свойства, один рассказ о которой заставил бы завянуть Ваши прелестные ушки. Но вот, сегодня, узнаю, что и Вы заработались до нельзя, что у Вас совсем расстроились нервы и что Ваш ум, грация, изящество, душа, нервы — все это оказывается отданным на служение уже не искусству, а просто ремеслу, ибо как иначе назвать девять представлений в неделю, с репетициями и т. д.? Вот и родись у нас на Руси — с душою и талантом. Недаром Пушкин говорил в одном из писем к жене: „чорт догадал меня родиться в России с умом и сердцем“. У тебя есть талант — сиди со связанными крыльями, тоскуй, терзай свое сердце, будь одновременно и коршуном и Прометеем... Но тебе удалось заставить всех признать твой талант, преклониться пред ним, — ну, так меняй же его на мелкую монету, растрчивай по пустякам, рассыпай бисером, утомляйся, сгорай в огне „физического труда“ и платись, и плачься, и неси свою кару за то, что ты талант, что ты Савина, а не Синебрю-

хова и не Красноглазова... Обидно. Но пишу это не для того, чтобы Вас раздражать, а чтобы спросить — можно ли как-нибудь, после спектакля зайти позвать Вашу ручку душевно преданному Кони.

17

23 октября (1883 г.)

Только благодаря тому, что я играю сегодня не в театре, а у педагогичек,⁸⁶ (где начало позднее), я могу ответить на Ваше милое письмо, Анатолий Федорович.

Да, я на этой неделе играю *девять* раз, а бог дал семь дней только. Масляная началась у меня с октября. На будущей неделе то же. И после спектакля (когда кончаю рано) авторы читают у меня пьесы или меня привозят без чувства, как всю прошлую неделю. Положительно не решаюсь назначить Вам время — выберите сами свободный часок, от трех до шести я всегда дома и буду очень рада Вас видеть, конечно. Завтра только не свободна весь день. В первых числах ноября пойдет „Неосторожность“ Ивана Сергеевича.⁸⁷ Как Вы думаете, будет ли она иметь успех? Моя роль мне чрезвычайно нравится: есть очень тонкие, изящные штрихи, над которыми приятно поработать. Эта роль — пока мое единственное развлечение, т. к. не говоря об удовольствиях я лишена возможности прочесть что-либо, даже писать моему мужу, даже поговорить с Вами... Знаете ли Вы, что 28-го рождение Ивана Сергеевича и что кн. Бебутова, несшего венок (на похоронах) от Тифлиса, выслали навсегда из Петербурга? Крепко жму Вашу руку и спешу кончить письмо, надо ехать.

До свиданья.

Савина

18

83. XI. 5

Дорская Мария Гавриловна.

Я уверен, что Вам будет приятно взглянуть, как остроумно и мило чувствуют безвестные Вам люди память И. С. Т. Посылаю Вам на просмотр альбом, составленный и задуманный А. Ф. Масловским⁸⁸ (моим приятелем, от которого я говорил с Вами в телефон). Вы найдете в нем места, о которых по праву будете в состоянии сказать: „неволью к этим грустным берегам влечет меня неведомая сила...“

Ж. Занд сказала где-то: „Le souvenir — c'est le parfum de l'âme“, как в характере воспоминаний отражается душа вспоминающего. Между трогательными свежими цветами пред портретом Т. в Вашем кабинете и строками в последних №№ „Нового Вре-

М. Г. Савина
С фотографии 80-х годов.

Ленинградский театральный музей

СПбГУ

мени"³⁹ такая же разница, как между душою нежного тонко-художественного существа и душою презренного писаки, который пачкает все, до чего ни прикоснется. У Щедрина где-то в шутку говорится, что у лягушки тоже есть душа, „но токмо малая и не бессмертная“. Не находите ли Вы, что масса людей имеет душу лягушки?

Как здоровье Ваше? Очень оно меня тревожило в последний раз. Вы ведь цветок нежный, изящный и душистый, — всякое грубое прикосновение должно действовать на Вас болезненно, как на трогательный цветок, называемый „*mimosa pudica*“. А между тем Вы живете посреди самой житейской арены, среди топота, пыли, грязи и злобных криков борцов за жизнь и ее превратные, скудные дары. У Вас сердце должно быть отзывчивое и чувствительное ко всякому ветерку, как Эолова арфа, а между тем именно по таким-то сердцам судьба, — слепая, подлая, бесчестная Тургеневская „старуха“, — бьет поленом, — поленом там, где довольно одного дуновения, где уже много, уже излишне употреблять смычок... А она поленом... Оттого оно и с „перебоем“. Будьте же здоровы.

Ваш А. К.

19

12 ноября 1883 г.

Сердечно благодарю Вас, дорогая Мария Гавриловна, за Ваше участливое внимание... Да, я болен. Доктор говорит, что у меня кардиальгия, перебои сердца, „*folie du coeur*“, „сердечный бред“ и т. п. слова, за которыми скрывается понятие о невыносимой тоске и тревоге — и о бессонных ночах... Но это говорят доктора. Я же знаю, что у меня болит не физическое, а *моральное* сердце, что оно плачет и трепещет от уязвившей его неблагодарности, от растоптанных и поруганных пятилетних нежных забот и душевных тревог. Они, врачи, говорят, что оно называется кардиальгия, а я им скажу, что оно называется „Король Лир“. Они говорят, что главные мои припадки называются перебоями, а я скажу, что они называются „Регана и Гонерилья“... Вы видите, что я Вас и уважаю и люблю искренно, если решаюсь открыть Вам такие раны души, — не боясь Вас рассмешить или рассердить непрощенною откровенностью.⁴⁰ Ваша записка очень утешила меня; благодарю Вас еще раз. Ну, а Ваше здоровье? Хотел бы узнать о нем лично, но не могу притти к Вам: слишком хандрю и должен нагонять тоску. Будьте здоровы, и да сохранит Вас господь для друзей и для искусства.

Ваш А. К.

Дорогая Мария Гавриловна.

Вы чтите память Асенковой. Перебирая бумаги отца за 40-е годы — я нашел письмо, относящееся к ее безвременной кончине. В нем сквозит то, что она сделала в немногие годы для русской сцены; оригинальны в нем и указания на отношение к ней критики. Вас это не может не заинтересовать, и я спешу препроводить это письмо Вам — прямому потомку Асенковой в артистической династии. Ваш душою

А. Кони

Милый Анатолий Федорович.

Вы не подумали дурно обо мне потому, что слишком добры, но удивляться моему поведению должны.

Вообразите же себе, что у меня не было до сих пор минуты свободной, чтобы написать Вам строчку. Это даже невероятно. Концерты меня одолели, а главное один из них 5 марта. Касса музыкальных художников избрала меня своей покровительницей и распорядителем вечера, придумала напечатать в афишах, что устройство одного приняла на себя я.⁴¹ Приглашение французов, других участвующих и т. п. хлопоты отняли у меня все время и способность соображать. В довершение всех благ мне читать нечего. Перебрала буквально все и ничего подходящего не нашла. Хандрю, злюсь, плохо сплю, плохо ем и кажется собираюсь хворать. В ожидании Тарновского⁴² перечитывала стихи, присланные Вами, и решила несмотря на дурное настроение написать хоть несколько строк. Не скупитесь на меня, милый Анатолий Федорович, и придите в четверг поболтать, если будете свободны, — я дома от половины девятого. И Андреевских-то⁴³ я не видела с бенефиса. Вообще преглупо провела все это время и опомниться не могу как оно быстро прошло. Уведомите же, удобно ли (Вам) назначенное время и ждать ли Вас? Тысячу раз благодарю за интересное послание: у меня скоро будет музей редкостей по Вашей милости. Крепко жму Вашу руку.

28 февраля (1884 г.)

Савина

Дорогая Мария Гавриловна.

Ваше милое письмо очень меня успокаивает, доказывая, что Вы не сердитесь на меня, как я это предполагал. К сожалению в четверг быть у Вас не могу: должен быть в Комиссии Педагогич. музея по поводу издания книги о суде присяжных для народа. А очень бы хотелось повидать Вас как-нибудь вечером. — Что Вы скажете о статьях Полонского в „Ниве“⁴⁴ и Анненкова в „В. Е.“ № 2?⁴⁵ Как уж правы-то испанцы, говорящие: „избави меня бог от друзей, а с врагами я сам справлюсь“... Бедный Иван Сергеевич. У его святого гроба смолкла самая ожесточенная вражда и притаилась самая слепая злоба, притихнув в невольном умилении. Но пришли *друзья* и *дружными* усилиями стараются умалить и обесцветить его личность... Еще у Полонского есть, по крайней мере, жизненные черты, а Анненков, Анненков...

Я впрочем всегда чувствовал какое-то отвращение к этому литературному пауку, который умел ловко взлететь в поднебесье на крыльях таких орлов, как Пушкин, Гоголь, Тургенев, — будучи, в сущности, дрянным, узколобым, близоруким — и, кажется, втайне завистливым паученком.

Ваш А. К.

Распечатываю письмо, чтобы сказать Вам, что оказалась возможность быть у Вас завтра и что я приду в 9^{1/2} часов.

23

V. 2. 84

Дорогая Мария Гавриловна.

С наступлением зимы вышла *майская* книжка „Русской Старины“ и в ней различные воспоминания о Тургеневе, которые Вам, вероятно, будет приятно прочесть. Посылаю ее Вам с просьбою однако возвратить дня через два, ибо я обещал дать прочесть некоторые статьи моим сослуживцам по судебной палате.

Как здоровье Ваше?

Ваш сердцем и умом, душою и думою

А. Кони

24

Спешу возвратить книгу с благодарностью, дорогой Анатолий Федорович.

Я получаю „Русскую Старину“ и давно прочла все, что интересовало меня в этом номере. Вы ужасно милы и Ваше внимание „во вкусе умной старины“ трогает меня более, чем следовало бы. Ваша последняя фраза в сегодняшнем письме может вскружить

голову и не мне. За все это я прощаю Ваше отсутствие у Полонских⁴⁶ в прошедшую субботу. Получили ли Вы мою депешу по поводу этого? Чудная, *майская* погода довела меня сегодня до истерики. Пролежала три дня в постели от усталости (наконец-то устала) и получила порядочный грипп, что не удивительно. Играю, играю и играю. Даже в Кронштадт еду в понедельник, а на дачу думаю во вторник, но одна сначала. В субботу у меня два заседания, от которых постараюсь отделаться, и если Вы будете свободны, то наверное придете с „семейством Виардо“⁴⁷ посидеть вечерком, а пока крепко жму Вашу руку.

Савина

(2 мая 1884 г.)

25

21
18⁸⁴
VI

Только вчера мы получили Вашу милую записочку, Анатолий Федорович. Как я обрадовалась и сказать не могу. Я выехала седьмого и вот уже более недели в Карлсбаде. Очень плохо мне все это время: припадки усилились и последние четыре дня не вставала с постели. Здешние доктора настаивают и доказывают, что у меня камни в печени, а Боткин⁴⁸ и Эйхвальд нашли у меня блуждающую почку. Не знаю, кому верить. С каждым часом хужею, таю и от ветра падаю. Слаба безобразно и конечно хандрю. Если бы не дивные розы да известия из дому — совсем пропасть надо. Русских масса, но я никого не вижу, т. к. все лежу. Ни ходить, ни ездить, ни сидеть, хоть плачь. Вы не получили моего письма, которое я послала перед отъездом в Финляндию? Памятник Ивану Сергеевичу открыт без нас. По описанию он должен быть красив, а главное — приличен: я боялась каких-нибудь надписей и тому подобного.⁴⁹ Рассчитывала Вас видеть, т. к. отсюда мне назначен Шлангенбал, но по всей вероятности придется здесь просидеть шесть недель, а может быть и больше. Муж тоже скоро приедет лечиться. Поселились мы в „Белом Голубе“, что как нельзя более подходит к Жозиньке⁵⁰ (по Вашей теории). Она „очень“ Вам кланяется и собирается писать сегодня. Я уже устала до того, что буквы двоются в глазах, и потому кончаю. До свиданья, пишите и примите мое искреннее горячее желание всего лучшего. Крепко жму Вашу руку.

Савина (здесь Всеволожская)⁵¹

Нездоровье и небольшая душевная усталость помешали мне до сих пор писать Вам, дорогая Мария Гавриловна, хотя мыслью я часто с Вами, особенно с тех пор, как один приезжий из Карлсбада сообщил мне, что видел Вас в колясочке, бледную, изможденную. Очень меня пугает Ваше пребывание в „Карловых ланях“ (так называется Карлсбад по-чешски). Это воды „строгие“ и если их назначать невпопад, то они приносят большой вред. А отнеслись ли наши петербургские эскулапы к Вам с настоящим вниманием? Видели ли они в Вас нечто большее, чем просто „больной субъект“? Когда Цезарь переезжал в ужасную бурю чрез Адриатику, он сказал испуганному кормчему: „quid timeas? Caesarem venis!“ („что боишься — ведь ты везешь Цезаря“). Сказал ли этим господам, при Вашем исследовании, внутренний голос: „time! Savinam curas!“, т. е. „бойся — Савину лечишь!“, т. е. лечишь славу нашей сцены, цвет нашего искусства, воплощение ума, таланта и грации в хрупком и нежном теле. Сказал ли им, этим ремесленникам, это внутренний голос? — вот, что тревожит меня. Поняли ли они то, чего не понял доктор О'Меара, приехавший лечить великого Наполеона на остров св. Елены и глубокомысленно заявивший скованному полубогу: „Sire, vous avez le cancer (рак) rentré!“, на что тот, мысленно тряхнув цепями, ответил: „non, monsieur, c'est le Waterloo rentré!“

Но разве у тонкого артиста, у души чуткой и впечатлительной, у художественной природы, обреченной жить и действовать среди нашей родной пошлости и подлости, нет своего „Waterloo rentré“! Разве впечатления от бездарных драматургов и ученических драм, от завистливых товарищей и тупых сотрудников (я не могу забыть Киселевского в „Норе“),⁵² от взбалмошной дирекции и безжалостной публики — соединившись вместе не составляют такого клина, который входит в душу не хуже любого Waterloo?! Разве ощущения орлицы, посаженной в курятник, или бесплодный аромат розы, посаженной вместе с картофелем и редькою, не могут сами по себе с успехом заменить „больную печень“ и „бродячую почку“? Поняли ли это эскулапы, посылавшие Вас в Карлсбад? Вот, что меня тревожит... Какой же, по крайней мере, Nachkur Вы избираете? Едете ли в горы или к морю? Если едете в Швейцарию, не минуйте Люцерн и в нем пойдите в ежедневный вечерний концерт в соборе, на органе. Вы услышите звуки рая и прольете слезы, которые будут для Вашей души то же, что Шпрудель для тела. Тот, кто не слышал органа в Люцерне, — тот не испытал высшего блаженства, тот не видал „un pezzo del cielo

caduto nella terra". (Это слова Данте: „кусочек неба, упавший на землю"). Если бы у меня были — свободное время и деньги, я бы и теперь сделал большой круг, чтобы только послушать еще раз это дивное произведение рук человеческих. Но если Вы поедете к морю, и, конечно, минуете холерную Францию, то мой совет был бы ехать не в Остенде или Бланкенберге, а в Скевенинген (Skeweningen) около Гааги. Море там наилучшее, волна идет непосредственно от самого полюса, а близость столицы Голландии (20 мин. езды) делает это купальное место не столь скучным, как другие. Сама же Голландия — страна удивительная и интересная чрезвычайно. Десять дней, проведенные мною в ней, были полны интереса, несмотря на мое нездоровье. Это страна „поэзии труда" и в ней воочию Вы видите, что человек покоряет природу, тогда как на юге она его покоряет, а в середине Европы они лишь добрые соседи. Но в Голландии — человек борется ветром против воды, растением против ветра и т. д.

Что же поделяете Вы, моя дорогая? приехал ли Ник. Ник.⁵³ (воображаю, как действует на его здоровую натуру болезненно скучный Карлсбад). Пьет ли воды Жозинька? и есть ли около Вас какие-либо интересные россияне? — вот вопросы, которые меня очень интересуют и на которые я рад был бы получить хоть самый маленький ответ. Я остаюсь здесь до среды утра, а затем еду на три дня в Берлин, заехав, быть может, по дороге в Байрейт, посмотреть вагнеровский театр и послушать Парсифаля.⁵⁴ Меня интересует это создание энергии одного человека, в котором воля была так же сильна, как и талант. Если вздумаете писать словечко, то черкните уже в Берлин.

Будьте здоровы и счастливы. Вы представляетесь мне иногда роскошным цветком из-под тропического неба, который посажен в изящную и хрупкую вазочку — и я боюсь, что сочные корни цветка так нажмут изнутри на стены вазочки, что она не выдержит и даст трещину.

Читали ли Вы „Les blasphèmes" Ришпена? Это небывалое „богохульно-циническое" произведение, исполненное самохвальства.⁵⁵ Очень кланяюсь Н. Н. и заочно целую Жозиньку, рискуя ее рассердить. У меня, впрочем, есть средства ее утихомирить: скажите ей от меня, что я очень люблю Савину.

Ваш А. К.

Вы ничего не могли сделать лучше, дорогой Анатолий Федорович, как написать мне такое милое письмо. Впрочем, Вы других и не пишете. Я получила его вчера, возвратясь с далекой

прогулки на „Аберг“ (самое высокое место в Карлсбаде). Накануне я была в самом грустном настроении и Ваше письмо совершенно уничтожило мою грусть. Вы бесконечно милы. За что вы так нападаете на Карлсбад? Во-первых, это очень хорошенькое и уютное местечко, а во-вторых, воды принесли мне пользу. Мой здешний доктор, самый несносный в мире человек: помимо невообразимо ломаного языка (он непременно желает говорить порусски) имеет способность, как гоголевский Петрушка, вносить всюду собственный запах, смесь отвратительного кнастера и еще чего-то более скверного. После каждого визита я дезинфицирую комнату и мои руки в особенности. Понял ли он мою болезнь — не знаю, но относится серьезно и даже педантично, а от каждого припадка приходит в восторг. Я выпила 160 стаканов разного кипятку; начала было Шпрудель, но после третьего стакана почувствовала такие головокружения, что пришлось бросить. Во вторник 6 недель, как я начала лечение и в четверг рассчитываю выехать в Остенде. Никита здесь и в восторге от Карлсбада. Масса русских, много знакомых, из которых питаю симпатию только к двоим: Серебрякову (муж кузины Никиты) и Вестман, молодой человек из петербургского mond'a, сохранивший способность не быть фатом и краснеть при удобном случае. Жозефина пьет какую-то воду от здоровья и целый день ест абрикосовый компот, что строго запрещено. Она очень тронута вашей припиской и позволяет себя поцеловать с удовольствием. К Серебрякову вспыхнула страсть, и она выразилась весьма материально; так как мы пьем кофе вместе и хлеб нужно приносить свой, то Josephine каждое утро покупает особенные булочки своему предмету. Масса чудных роз всех цветов и оттенков. У меня полна комната цветами. Музыка, тирольцы, испанцы и опять музыка... Мы очень много гуляем по вечерам благодаря энергии Серебрякова. Теперь мне позволено ходить, и я этим пользуюсь... Никиту не двинешь с места, каждый вечер торчит в душном театре и очень рад, что у нас есть кавалеры и я не „висну на руке“. В Петербург меня не тянет, только о Коке скучаю очень и бог его знает, что дала бы, чтобы его расцеловать и послушать его лепет.⁵⁶ Тоска по сестре продолжается,⁵⁷ хотя и стараюсь меньше думать. Пишу Вам в промежутках припадков, который продолжается уже двадцать шестой час, я спала 40 м. сегодняшнюю ночь. Доктор был три раза и уверяет, что это отличный результат лечения. До свидания, милый Анатолий Федорович, найдите минутку и порадуйте меня весточкой об Остенде *poste-restante*. Крепко жму Вашу руку, желаю полного выздоровления и всех благ по возвращении в родной Петербург.

Ваша Савина

Дорогая Мария Гавриловна. Сегодня я видел одну даму, которая только что приехала из Карлсбада. Она видела вас слабою, больною, желтою. Вы же молчите на мое длинное послание — и я обуреваем страхом за Ваше здоровье. Что же это с Вами? И какая же это „анафема“ послала Вас в Карлсбад? Чувствовало мое сердце, что там вам будет нехорошо. Завтра я уезжаю, пробыв день в Берлине. Будьте добры, велите Жозе написать мне хоть одну строчку о Вашем здоровье в Берлин, *poste restante*, немедленно по получении этой почты. Она меня еще застанет там.

Ваш всей душой А. К.

Дорогая Мария Гавриловна.

Масса работы по Палате и постоянная боль горла, с которою не знаю, как и справиться, мешали мне до сих пор посетить Вас. А теперь скоро предстоит поездка в Новгород, которая продолжится, вероятно, с неделю... Но я не могу ждать свидания с Вами, чтобы поделиться моим огорчением, моим гневом по поводу того, что делают „услужливые медведи“ с памятью Тургенева. Мне думается, что Вы не отнеслись, не могли отнестись к этому хладнокровно. Ведь право — судьба выдающихся людей у нас ужасна. Уж если они, вопреки ей, несмотря на все ее ухищрения и гадости, все-таки выдвинутся, все-таки найдут поле для своего ума и таланта, то тогда она мстит им после смерти, посылая разных пошляков, которые дружными и дружескими усилиями стараются стянуть умершего с пьедестала на землю, со всею ее грязью и пылью. Вы посмотрите на трагизм судьбы Тургенева: умереть вдали от родины, на руках (вернее *в руках*) старой мегеры с голосом сирены⁵⁸ — и вызвать своею смертью ряд воспоминаний и мемуаров — одни тупее других, начиная с признания какой-то девы (вероятно из раздела „рыл и мордемонд“), что он был „любезным и вполне приличным *кавалером*“, каких редко можно встретить даже и в высшем кругу“, и кончая странными откровениями „святого“ Иакова Полонского.⁵⁹ — Не встретить в родной критике ни одного слова серьезной достойной оценки, а лишь фразы и стремление порыться в его интимной жизни (лучший его некролог — в *Rigasche Zeitung*, лучшая оценка Георга Брандеса в его *Kritische Skizzen*), за исключением серьезного очерка, написанного *враждебным* пером (Буренина);⁶⁰

полать повод прожорливому идиоту Анненкову⁶¹ публично рассказывать о неблагоприятных поступках (не увлечениях. Это еще куда-бы ни шло...) молодости „его друга“ — и, в конце концов, вызвать издание писем⁶² для того, чтобы разным господам (не пришедшим однако на его могилу вместе с нами) дать право говорить: „я был с ним в переписке“, для того, чтобы всяческим врагам — личным и политическим (Катков,⁶³ Маркевич⁶⁴), всяческим завистникам и клеветникам — дать право говорить: „вот он, *ваш* Тургенев, *вами* собранный и *собственноручно* изображенный — вот он, — полюбуйте, вот он — мелочной, тщеславный, чуждый интересам к скорбям родины, двуличный, лицемерный, окружающий себя ничтожествами, непоследовательный — лживый в дружбе, несправедливый во вражде, эксплуататор друзей и неприличный ругатель. Вот он! *peint par lui-même!* Любуйтесь, но не смейте более говорить о его нравственной высоте, о его симпатичности... он *наш*, „плоть от плоти нашей“...

Больно думать все это, — больно слышать. Как объяснить всем читателям его писем, что это не весь Т., потому что не все его письма напечатаны, — что отдельные противоречивые письма объясняются расстоянием времени, в которое река событий могла многое смыть и много нагромоздить вновь, — что в его *коллекции* нет *злобности*, что смертный страх пред смертью, владевший его душою, зависел не от него, и заставляет его глубоко сожалеть, а не осуждать (да и много ли людей, которые, по его словам, у самой смерти *табачку попросят*); что среди вороха этих писем есть перлы суждений о поэзии, о творчестве, об искусстве; что мягкий характер европейски-образованного человека мешал ему говорить правду в той излюбленной русской форме, которая выражается словами „вы врете“, „плевать мне на вас“, „ну вас к чорту“ и т. п... Как это все и всем объяснить? Как уяснить всем, что не Тургенев виноват в том, что в безвестные годы молодости он написал плохое стихотворение, с пошлою строфою „графиня ехала домой“, — а г. Гаевский⁶⁵ виноват в том, что с чисто адвокатскою быстротою поспешил представить этот „документик“ на суд... публики, в сборнике XXV-летия Литературного фонда?..⁶⁶

Я часто эти дни думал о Вас — и хотя читал, что, блистая бриллиантами, Вы составляли *great attraction* какого-то благотворительного бала, но все-таки думал, что среди этого блеска, среди суеты и огня восторженных любопытных и „лакомых“ взглядов — пред Вами иногда носилась фигура дорогого гиганта, с седою головою — и Ваше сердце сжималось от грусти при мысли, что равнодушной толпе доставлен еще раз случай многократно тревожить его прах и рыться в его душе нечистыми и падкими

на скандальчики пальцами. — Скажите мне, что Вы думали, что Вы чувствовали все эти дни, после того, как перелистали эту изящно изданную книгу с надписью „*первое* (значит чаша еще не выпита до дна, — будет и второе, и третье...) собрание писем И. С. Т“.

Вы великая русская артистка — я скромный приказный, — но мне хочется думать, мне хочется верить, что есть пункты, в которых и мысли и чувства у нас одни. — Вчера я на минутку зашел в одно высокопоставленное общество, где были старые друзья Тург. — из которых многие задеты его письмами — и не столько тем, что он писал, сколько тем, что это сделалось теперь общим достоянием. Послушали бы Вы, как начинают они относиться к И. С. — „В нем жило крепостное право, жил дух его матери, — сказал один из оскорбленных друзей, — ему надо было окружить себя приживалками, вроде Маслова⁶⁷ Топорова⁶⁸ и т. п. и он не терпел людей, стоявших пред ним прямо...“ Так говорят друзья, а П. Д. Боборыкин рассматривает его в микроскоп своего фельетона как интересное насекомое, а враги захлебываются от радостного и злорадного смеха.⁶⁹ Бедный, бедный И. С. — Слава богу еще, что Житова⁷⁰ печатает свои милые, сердечные и превосходно написанные (я утверждаю, что по языку и простоте изложения — они идут к ряду с семейною хроникой Аксакова) воспоминания. Нравятся они Вам? Простите, что так расписался, — но я не могу позабыть октябрьские дни прошлого года, когда мы так много говорили с Вами о нем. Да и хочется получить весточку от Вас. Будьте добры попросите Н. Н.⁷¹ прислать „Les blasphèmes“. Их у меня требуют. Целую руку, не давшую писем Тургенева.

Ваш душою А. К.

Дорогая Мария Гавриловна.

Вот я и опять к Вам с письмом и просьбою — и извинением, что беспокою Вас.

Подательница этого письма вдова прис. повер. Александра Николаевича Ордина, — у коей детей „мал-мала меньше“ много, а средств (муж был адвокатом старой школы — и оставил вещь ценную, но не имеющую реальной стоимости — доброе имя) совсем нет. Овдовев лет десять назад, она билась, как рыба об лед, — давала уроки, переписывала лекции, переводила, одним словом занималась всеми теми занятиями, которые дают возможность быть уверенной, что быть может голодная смерть не наступит. Теперь она взялась за материальную работу и стала де-

лать артистические цветы из перьев. Это ее последний расчет, — последняя надежда на успех. Она просит меня выхлопотать у Вас 5 минут, чтобы поглядеть на ее изделия. Ваше одобрение, Ваше „прикосновение“ к ним будет лучшею ее рекомендациею. Не могу отказать ей в этой просьбе, ибо давно уже чем могу поддерживаю бодрость в этой несчастной, но глубоко порядочной и образованной женщине. Могу ли отказать, когда дело идет о том, чтобы замолвить доброе слово той, которая сама есть изящество, доброта и участие. Итак — я замолвлю это слово — и прошу Вашего внимания и участия к моей бедной.

Ваш преданный А. Кони

31

18 ноября 84 года

Я исполнила отчасти Ваше желание, дорогой Анатолий Федорович, относительно г-жи Ординой и буду хлопотать всеми силами. К сожалению ею выбран самый неблагодарный труд, и я не ручаюсь за успех. Что Вам сказать насчет писем? Я страдала не менее Вас. Ведь мы это предвидели, хотя, впрочем, подобного я не ждала. Сегодня „Театральный мирок“ (есть такая газета) упрекает меня за сокрытие „интересной переписки“ и говорит, что письма „такого лица есть общее достояние“, что имена современников можно заменить инициалами и что я зарываю талант в землю. Воображаете Вы себе, какой переполох произвели бы эти „интересные“ письма и как бы их разобрал Боборыкин? Истинно — бедный Иван Сергеевич. Я предчувствовала, что получу от Вас весточку по этому поводу и не ошиблась, спасибо Вам. Дома говорить не смею, да и не с кем: у нас даже кажется и не знают, что „письма“ вышли, и я прячу книгу. Стыдно, да что же делать. Измучилась я новыми ролями до болезни: третий день лежу, да беру тридцатиградусные ванны, что по мнению доктора непременно должно меня успокоить. Попала я в трагедию с „зелеными“ стихами и вот неделя, придти в себя не могу.⁷² Когда Вы едете в Новгород и надолго ли? Очень хотелось бы поговорить и послушать Вас — душу отвести, а то уж я близка к одурению от этой непосильной работы и бессмысленной зубрежки. С постели в театр, из театра в постель — вот моя жизнь с семнадцатого октября. Чтобы встрепенуться хочу слушать дело Мионовича (мне очень интересна Семенова), но не знаю, будут ли пускать женщин, кажется при закрытых дверях.⁷³ Давно не была в суде, а дело выходящее из ряда вон. Аверкиев вздумал переделывать „Три портрета“ в трагедию (?), назвал ее „Столичный слеток“ и в пятницу эта чудная вещь, искаженная фантазией автора,

предстанет на суд публики. Это портреты, на которые я засматривалась в бытность в Спасском (а И. С. добавлял их биографии, т. к. это истинное происшествие и все они были ему близки) появятся на Александринском в лицах: я, Петипа и Панчин.⁷⁴ Лучше уж и не думать, а то... Крепко, крепко жму Вашу руку, дорогой Анатолий Федорович, а уж как благодарить не знаю. Ваше внимание и такое милое внимание дороже всего и Вы это помните.

Савина

32

17. XII. 84

Дорогая Мария Гавриловна.

Сердечно благодарю Вас за память, выразившуюся в такой милой форме. Она мною не заслужена. Но я и в большом горе, ибо не могу воспользоваться присланным Вами билетом,⁷⁵ так как должен завтра вечером ехать в Новгород, чтобы успеть к заседанию земского собрания, которое продолжится только до четверга и в котором мне необходимо принять участие в качестве душеприказчика сестры поэта Некрасова, оставившей мне землю и дом в Чудове для устройства школы в память ее брата.⁷⁶ Теперь дело идет о том — какую школу устраивать и как наиболее целесообразно распорядиться пожертвованными в мое ведение на эту же школу деньгами, собранными Салтыковым и Краевским в память Некрасова.

Без моего присутствия — ничего окончательно решить нельзя, а откладывать дело до следующего земского собрания, в декабре 1885 года, было бы несогласно с пользою местного населения.

„А счастье — было так возможно, так близко...“ — счастье видеть Вас, чье сердце теплится чистою любовью к памяти Тургенева, без чаду и копоты, как у его так называемых друзей — и видеть в исполнении его же произведения.

Вообще судьба ко мне немилостива эту осень. Она совсем завалила меня работою и лишила тем возможности до сих пор видеть Вас в „Divorçons“⁷⁷ и в „Чародейке“⁷⁸ — и, поставив на соседней сцене драму „Миронович и К°“,⁷⁹ где я охотно согласился бы играть все амплуа — и „благородного отца“ (председателя), и „резонера“ (прокурора), и „первого любовника“ (адвоката), и пожалуй даже „таинственного незнакомца“, т. е. эксперта (я когда-то много занимался судебною медициною) — обрекла меня играть немую роль (в роли дядюшки в „Соли супружества“) ⁸⁰ в водевиле „о плавающем в водопроводных трубах ерше“, т. е. обрекла на громадное и трудное дело городских водопроводов.⁸¹

Как давно я не видал Вас и до начала января не увижу, ибо едва ли раньше вернусь из Новгорода. Да и как придти к Вам? Днем некогда — а поздно вечером, когда Вы возвращаетесь усталая, измученная — и бесчеловечно, да и опасно. Где ручательство, что, мечтая об отдыхе, — Вы не воскликнете на изящном языке комедий Островского: „пошел вон, стрюцкэй!“ Будьте здоровы и проводите весело праздники.

Ваш душою А. К.

Еще раз благодарю Вас за память. Какая Вы добрая и бесконечно милая. Вы меня совсем трогаете Вашими строками. А что Вы скажете об юбилее Самарина? ⁸² Ведь хорошо? Это не чета Самойлову. ⁸³

33

84. XII. 18, вечер.

Собираясь уезжать в Новгород и не зная, удастся ли вернуться на праздниках и скоро увидеть Вас, дорогая Мария Гавриловна, я хочу теперь же переслать Вам прилагаемый листок, не дожидаясь возможности передать его лично. Я нашел его в бумагах отца и тогда же подумал о Вас, тем более, что в эти дни Вы молились на могиле другой безвременно угасшей, родной Вам, артистки. ⁸⁴

В Ваших руках этот „цветок засохший, безуханный“ приобретает особое значение. ⁸⁵ Вы, как не многие, умеете хранить в своем сердце культ того, что было светлого в прошлом русского искусства — и Вы же принадлежите, по праву преемства таланта и душевной прелести, к одной династии с Асенковой. Душевно преданный Вам

А. Кони

34

1885, I. 26. 2 часа ночи.

Дорогая Мария Гавриловна.

Я боюсь, что заседание Палаты протянется до такого позднего часу, что я не успею побывать у Вас и лично поздравить Вас с сегодняшним днем. ⁸⁶ Поэтому спешу это сделать письменно. Что пожелать Вам? Обыденные желания к Вам неприменимы или идут в разрез с Вашей личностью. Желать здоровья, т. е. спокойных нерв — значит желать для такой личности, как Вы — сна, апатии. Желать славы — она у Вас есть; желать успеха — смешно, когда желаешь его Савиной; желать достатка — но он есть, да и не о нем будет жив художник. Остается пожелать одного — честных (да, к несчастью приходится сказать это слово —

честных) ценителей и судей, таких, которые понимали бы ту бескровную жертву мозга и нервов, которую приносите Вы чуть ли не ежедневно, чтобы расшевелить тупую публику в тупых произведениях тупых авторов. Но где они?

Мне иногда представляется большой русский артист в виде Прометея, прикованного к скале. Да. Он скован — и чиновничьим управлением, и бездарностью авторов, и вульгарностью сотоварищей — и он тщетно рвется из цепей российской пошлости и недомыслия, а злобный коршун — площадной газетчик — клюет и терзает его печень... Да избавит Вас господь от *сих* и да раздавите Вы их, как мой Георгий в заголовке этого письма.⁸⁷ Я не мог быть в Вашем бенефисе⁸⁸ (опять ненавистное заседание), но я видел Вас в „Надо разводиться“.⁸⁹ Что же сказать Вам? „Юж лежу“ — вот последнее мое слово о Вашей игре в этой пьесе. Вы превзошли себя и оставляете впечатление глубокого, тонкого, изящного эстетического наслаждения. Да пошлет Вам господь всего, что Вы себе желаете.

Ваш А. Кони

Я только что возвратился с вечера Скальковской-Бертенсон,⁹⁰ где слушал декламацию В. Н. Давыдова.⁹¹

Она хороша, но выбор — боже мой...

35

28. I. 1885

Дорогая Мария Гавриловна. Я должен извиниться перед Вами в том, что, придя „проздравить“ Вас в субботу, не лично вручил Вам мое скромное подношение,⁹² а передал его с этой целью „скоропалительной“ Жозе.⁹³ Но вид молчаливого султана Киргиз-Кайсацкия орды⁹⁴ меня смутил и я устыдился моего дерзновения. Не сердитесь! *Es war nicht böß gemeint*, как говорят немцы, но мне было бы приятно думать, что среди роскошных, пахучих и скоропреходящих подарков, полученных Вами, — строго-величавые черты величавой артистки скромно обратили на себя Ваше внимание. — Мне больно думать, что Вы так расходуете свои силы и свой талант на этой неделе. Для масляничной публики можно бы ограничиться „Львом Гурычем“⁹⁵ или „Вот так пилюли“⁹⁶ (знаете ли Вы эту пьесу?). Я буду ожидать первой недели, чтобы повидать Вас хоть на время свободной от театральных уз. Меня очень просят испросить у Вас аудиенцию одному молодому автору, который написал, как говорят, хорошую пьесу и очень хотел бы ее представить на усмотрение „чародейки“. Но я покуда Вас не прошу, а желаю собрать о нем сведения поподробнее. Ваш преданный

А. Кони

15 июня 85 г.

Сива. Пермская губерния, Оханский у.

Мне всегда приходится благодарить Вас за что-нибудь, дорогой Анатолий Федорович.

Сейчас получила, прочла и вникла (насколько позволяет малокровие моего мозга) Вашу статью о Кавелине.⁹⁷ Просто, ясно, „изящно“, как будто я всю жизнь знала этого симпатичного Кавелина с его страстью к Петру. Но зачем он любил Некрасова, и (Вам на ушко) зачем его похоронили рядом с Иваном Сергеевичем? Не смейтесь надо мной, но я не люблю Некрасова, может быть потому, что не умею отделить человека от поэта. А что Вы скажете о письме?⁹⁸ Совесть упрекает меня и хотя я совершенно согласна с Вами, что такие письма не жгут, несмотря на обещание (почему я и решилась отдать его Вам), но все-таки... Жду от Вас с большим нетерпением хоть словечко по этому поводу. Доехала я вполне благополучно, если не считать бессонных ночей, благодаря беспокойству о Коке,⁹⁹ которого все принимают за моего сына и даже находят сходство со мной. Первый раз в жизни путешествуя с ребенком, я вообразила, что над ним надо сидеть всю ночь, почему, приехав в Сиву¹⁰⁰, целую неделю не могла придти в себя от усталости. Мужа нашла на вид пополневшим, но в сущности больным, раздражительным, нервным, ему Карлсбад нужнее, чем мне, но он об этом и слышать не хочет. Он поручил мне поцеловать Вас за окончание какого-то Сорокин-ского дела, что я готова исполнить с удовольствием и без его поручения. Отдохнув, собираюсь заняться разборкой моих бумаг (привезла целый сундук за четыре года), что займет пожалуй недели две, а затем начать „растительную“ жизнь. Сегодня ездила в соседнюю волость (в 11 верстах) по приглашению управляющего отслужить молебен и приложиться к „явленной“ иконе. И в Сиве бывают чудеса... На прошлой неделе, в деревне за 18 верст от нас, у очень бедного, честного и трезвого мужика „явилась“ в клетушке икона, окруженная сиянием, а по выражению хозяйки „на ей горела звезда“. Ночью баба проснулась от шума и, подумав, что к ним забрались воры, разбудила мужа; придя в клетку, они увидели свет и, приняв его за пожар, стали звать на помощь. Сбежавшимся оставалось только констатировать факт, выражаясь высоким слогом, а священнику — успокоить бабу, которая вопила, чтобы у нее взяли икону, „а то с нами несчастье будет“. Несчастье, конечно, заключается (конечно) в приезде станового, исправника и т. д. На месте явления мужики решили строить

часовню, а икону поставить в церковь. Маленький складень в 3—4 вершка ширины, медный, старинный, но как будто вызолоченный; с одной стороны б. мать всех скорбящих радость, а с другой св. Зосима и Саватий. „Бедный и трезвый мужик“ действительно очень симпатичен на вид, но перепуган на смерть и как будто просит у всех прощенья за переполох. На мои вопросы священник ответил следующее: „Владыке тотчас было дано знать, и вчера приезжал благочинный, но так так явлений не приказано допускать, разве в крайних случаях, то поставить икону в ризницу и признать только тогда, когда будет какое-либо чудо“. Скоро, милостиво и справедливо. Будем ждать чуда согласно распоряжению начальства, а пока я сделала чудную прогулку (простите невольный каламбур). Я всегда применяю к Сиве слова Кречинского: и даль-то синяя и та моя. Невообразимы простор и замечательно красивые, благодаря горам, виды, глаза тонут в пространстве, а воздух пьешь как живительную влагу. Я восхищаюсь природой в полном смысле этого слова, до умиления, до слез.

Вынужденная любоваться всю жизнь лиловыми розами и зелеными облаками декораций, вдыхать пыль и краску кулис, я при виде настоящего леса, да еще здешнего, дохожу до смешного. Вот я начала другую страницу, забыв, что Вы к сожалению не можете вести растительную жизнь, и отнимаю Ваше дорогое время. В будущем Вы не рискуете получать таких длинных посланий. Жизнь моя слишком однообразна, чтобы ее описывать. Что Вы будете делать летом, когда переезжаете на новую квартиру и как Ваше здоровье? Отчего Вы мне не сказали о том, что я поеду с Покровскими? Мы встретились в Москве на Нижегородском вокзале и потом вместе сели на пароход. Она совсем не такая дурнушка, как уверяет Юлия Михайловна,¹⁰¹ хотя должна сознаться, что в роли молодой она была менее интересна, чем теперь. От нее веет чем-то хорошим, свежим, спокойным, а их общее восхищение „малышкой“ даже трогательно. И в самом деле, девочка прелестна. Я боюсь, не сглазила ли я ее, редко можно встретить такого тихого и вместе с тем веселого ребенка. Я чрезвычайно приятно провела с ними время и очень желала бы видеть их иногда в Петербурге. Почтарь не может ждать дольше, и я принуждена кончить мою болтовню. До свидания, милый Анатолий Федорович. Не забывайте и подарите в свободную минуту словечком далекую деревенскую жительницу. Крепко жму Вашу руку и также целую Вашу богатую голову, на этот раз без поручения Никиты.¹⁰²

Савина

СПбГУ

А. Ф. Кони
С портр. раб. И. Е. Репина

Сегодня мне прислали, дорогая Мария Гавриловна, целый пакет писем, полученных на мое имя в Петербурге со времени моего отъезда, 1 июня, — и в том числе и Ваше милое, драгоценное по блеску ума, таланта и остроумия письмо. Отвечаю на него тотчас же, боясь, что отчет уже не застанет Вас в Сиве. Начну с вопроса о письме Т. Зачем Вы его мне дали? — Да затем, что такие вещи не рвут и не бросают, какие бы мольбы о том в письме ни заключались. Вы исполнили его волю, — письма у Вас более нет и оно хранится в руках, которые с трепетом его разворачивали, как святыню и спрятали его в свою „святая святых“. Это одно из ненапечатанных „стихотворений в прозе“ — и если бы Вы не были *Савина*, то одного этого письма было бы довольно, чтобы, впоследствии, с гордым сознанием того чем Вы, хотя в частной жизни, *были* — протянуть такое письмо Вашим внукам и сказать им „вот“. — Слава Богу — Вы в этом не нуждаетесь — и свет изящества и ума, в связи с талантом — проливаемый планетою, называемою Мария Гавриловна, вовсе не нуждается в позимствовании от лучей солнца, именуемого Тургеневым. Но тем дороже это письмо. Сколько в нем „дерзостной чистоты“ помыслов, какой язык и какая реальная поэзия. Он весь тут — этот гигант, этот Монблан русской литературы, с ребячески чистым и воспламеняющимся ко всему прекрасному сердцем. Но Вы, М. Г., Вы выходите из этого письма, как античная статуя из рук ваятеля. Вы ослепляете чрез передачу Т. и всякого читателя, Вы оставляете в нем впечатление гармоническое и цельное, — привлекательное и... холодное, недоступное, как недоступна Милосская богиня, смело открывающая смертному чары своих божественных форм. Но я рад этой недоступности. Все иное — было бы банально — было бы недостойно и Вас и Тургенева. Вы были с ним, как Еллис из „Призраков“ — и в его памяти остались такою же как она — бестелесною и увлекательною. Это письмо — Ваше право на гордость, на сознание своего превосходства над многими. Благодарю Вас очень, что Вы мне дали его. Я умею ценить такое доверие. Но если вздумаете — скажите слово — и письмо в скорости ляжет к Вашим ногам, как оно и было когда-то положено. — Что сказать Вам о себе? После Вашего описания настоящей, живой русской жизни — водяная и водянистая немецкая жизнь не может показаться интересною. Да она Вам ведь и известна в общих чертах. Несколько толстых дам, лечащихся от „нечего делать“, вроде московской миллионерши Ермаковой, князь А. И. Урусов,¹⁰⁸ пустой в серьезном и серьезный в пустом, два-три желчных губернатора — и Ваш покорнейший слуга „бледный и нервный“, вот

и все общество русских на этих водах, под дождливым небом и среди совершенно особенной, баварской скуки. Дни тянутся быстро, но до скуки однообразно, — ничего не делаешь, а между тем работать некогда — и ждешь не дожدهшься того времени, когда пред глазами мелькнут милые швейцарские Альпы и заструится живительный ручей „Рагатца“. Нет, — я, вероятно, в последний раз за границей. Год от году она мне становится тошней, с ее, как выражается Щедрин, „проплеванным комфортом“. Все это „чужое“, не свое — больше не интересует и не привлекает, все оно изведено и чуждо, главное — чуждо. Родина имеет притягательную силу. Много в ней плохо, неустроено, безалаберно, но надо всем этим чувствуется живая струя понятной нам жизни. В старые годы я говаривал, на вопрос „не чувствую ли я за границей тоски по родине“, что „тоску по родине“ я чувствую обыкновенно „на родине“ — но теперь я этого не скажу. Я чувствую настоящий Heimweh и притом в самой чистой его форме. Меня не личные отношения тянут к Руси — не семья, не собственность, не привязанность, не служение искусству, — нет, просто тянет страна. Может быть, чрез много лет, уже в наступившей старости, если господь не окажет мне величайшей любезности позвать меня „на суд и расправу“ раньше — я еще съезжу в Италию. Но затем лишь сильная болезнь и настойчивое требование докторов может меня заставить покинуть родину.

Пред отъездом я справлялся по Вашему делу, но оказалось, что Крестьянов ¹⁰⁴ (товар. председ.) в отпуску до 20 августа; около 25-го я возвращаюсь и увижусь с ним. Постараюсь сделать все возможное, чтобы устроить Вашу явку, но за успех не ручаюсь: Кр. человек упорный и отличающийся особым честным тупоумием, которое заставляет видеть существо дела в его форме. Если я когда-либо жалел, что оставил председательство в суде, то это теперь. Я бы взял это дело — и устранил бы неловкость, вызванную непонятною мне тактикою Кедрина. ¹⁰⁵ Ваш отзыв о статье и Кавелине ¹⁰⁶ — заставляет меня покраснеть от удовольствия. Вот уж подлинно „не знаешь — где найдешь, где потеряешь“. Я получил со всех сторон похвалы этим строкам, между прочим, за отделанный изящный язык. А между тем, на похоронах Кавелина ко мне приставали, чтобы я что-нибудь сказал. Я отказался, но обещал написать — и тогда же сказал моей приятельнице старушке Плетневой ¹⁰⁷ „позовите меня обедать и затем запирайте на ключ, покуда я не напишу о Кавелине. Дома мне помешают.“ Она так и сделала, и в 2 ч. ночи статья была написана, наскоро и кое-как и тотчас же опущена в почтовый ящик. Вот как образуется „выработанный язык“. Будьте же здоровы, дорогая Мария Гавриловна и очень поклонитесь от меня Н. Н.

Сива, 26 августа 1885 г.

Я немножко запоздала с ответом, дорогой Анатолий Федорович, отчасти поджидая Вашего возвращения в Петербург, и вернее благодаря моему нездоровью. По этим строкам можете видеть, как у меня дрожит рука. Даже Тарновский находит, что „с Карлсбадом перехитрили“, а я так убеждена в этом и часто вспоминаю, как Вы отговаривали меня ехать. Карлсбад усиливает малокровие, а я и больна только потому, что малокровна, в результате полный упадок сил, обмороки, сердцебиение (чего прежде никогда не было) и т. д. Все лето пролежала, а теперь десятый день не выхожу из своего кабинета, т. к. везде холодно, а я ужасно кашляю. В первых числах августа у меня появилось что-то вроде изнурительной лихорадки, и Никита так перепугался, что немедленно собрал всех управляющих и решил отправить меня в Каир или Канн на всю зиму. Как Вам это понравится? И не сказав мне ни слова. Гости (которыми Сива полна все лето) очень способствовали этому быстрому решению, и если бы я была малодушна, то легко могла бы догадаться, что мне осталось жить несколько часов. На мое счастье выдался солнечный день, меня перенесли на балкон, где, пролежав несколько часов на солнце, я совершенно ожила и могла уговорить Никиту отложить поездку до октября хоть. О театре, о контракте, о моих нравственных обязанностях он и слышать не хочет и я молчу пока. Сильно уповаю, что петербургская суэта опять поднимет мои нервы и все будет по-прежнему. Вот какие невеселые новости приходится мне сообщать Вам, дорогой Анатолий Федорович, простите... Что же касается Вашего упрямого председателя, то он ни в коем случае меня не увидит (хотя я теперь равнодушно почти отношусь к моему появлению в качестве свидетельницы), т. к. при малейшем волнении, а иногда даже без причины у меня показывается кровь горлом и такой спектакль слишком дорого обойдется. Да меня и не пустят. По всей вероятности, в этом году придется покончить со сценой, если не навсегда, то хоть на некоторое время. У нас уже осень, но приятная: холодная, сухая, и большею частью солнечные дни. Я хочу остаться до половины сентября и проводить мужа на прииски: мы опять расстанемся надолго. Через три недели я надеюсь Вас увидеть и потому не отвечайте на это письмо. Ваш ответ ни в коем случае не застанет меня здесь. Никита и Жозефина просят Вас поцеловать, а я отлагаю это до свиданья. Крепко жму Вашу руку.

Савина

Вы конечно были уверены заранее, что я прошу Вашего совета, дорогой Анатолий Федорович, и потому напоминаю Ваше обещание — уведомить „тупицу“. Об одном молю, чтобы меня отпустили скорее,¹⁰⁸ т. к. новая пьеса идет в пятницу обязательно и репетиция более чем необходима.¹⁰⁹ На всякий случай прилагаю повестку. Попросите его помолчать до времени для избежания любопытства публики. Кашляю вдобавок ужасно и это еще больше смутит меня. Карабчевский¹¹⁰ сообщил по телефону, что прокурор сильно возбужден против меня. Бедная я, несчастная. Заступитесь хоть Вы за без вины виноватую

„Савочку“.

Дело назначено в 10¹/₂ ч. завтра.

27 ноября (1885 г.)

40

85. XI. 29

Дорогая Мария Гавриловна, — я жажду узнать от Вас самой — как „выпили Вы чашу“, поднесенную Вам русскою Фемидой, и была ли эта подчас суровая старушка благосклонна к любимому и изящному детищу Мельпомены?

Была ли вам оказана надлежащая аттенция? не долго ли томили Вас? справились ли Вы с Вашими нервами? Ответьте два слова

душевно преданному Вам

А. Кони

41

29 ноября 1885 г.

„Я был умен как бес“.

(Дневник глупого человека.)

Не сочтите меня неблагодарной, чудный из всех „тоточек“, но я вчера так была взволнована, что не могла писать, а сегодня с десяти часов утра репетировала до 3-х. Сережа¹¹¹ сказал: „честное и веселое показание“. Прокурор и председатель пытались меня сбить, но я счастливо избегла подводных камней и так пленила всех, что после меня объявили перерыв для сохранения приятного впечатления. Ридигер¹¹² невыносим. — „Свидетельница *Всеволожская* (показывая повестку) больна и должна быть на репетиции, ее надо отпустить, не имеете ли еще что спросить?“ Как Вам это нрвится? Или „не извоили ли Вы быть под судом?“ Протомил до трех часов. Крестьянов¹¹³ сделал больше, чем мог,

и я очень прошу Вас послать прилагаемый конверт ему (с моим посланием). Вас лично благодарю, а пока целую Ваш умный лоб.

„Савочка“

При этом письме М. Г. Савиной имеется письмо В. Н. Крестьянова к А. Ф. Кони следующего содержания: „27 ноября 85 года. Глубокоуважаемый Анатолий Федорович. Приношу Вам тысячу благодарностей за успешное содействие и дивлюся, как это только Вам удалось уговорить г-жу Всеволожскую бросить напрасные ее опасения каких-то неприятностей на суде. Хотя дело ведет Ридигер, но я обещаю и за него, что всяческие возможные любезности ей будут оказаны настолько, чтобы ее первую допросили и отпустили. Присланную Вами повестку возвращу ей завтра на суде, хотя лучше бы ее оставить при деле, чтобы она служила доказательством того, что освобождение Марии Гавриловны последовало по поводу действительной необходимости, ей же ведь она вовсе не нужна

Преданный Вам душою В. Крестьянов

42

Дорогая Мария Гавриловна, я передал г. Живковичу¹¹⁴ Ваше милое обещание дать ему свой портрет „с крылушками“. Молодой человек в совершенном восторге, но глаза его увлажняются слезами печали, когда он вспоминает, что „иметь в виду“ — термин очень неопределенный и могущий затеряться „во мраке времен“. Я утешал его сколько мог. При этом он сказал мне, по секрету, что момент, когда он мог сделать свое слабое перо выразителем чувств целой массы поклонников Ваших и высказать все, что у него на сердце и в сердце, присоединив свой слабый голос к восторженному хору, был одним из дорогих в его жизни.¹¹⁵ Я с ним совершенно согласился, великодушно скрыл от него, что адрес некоторым компетентным лицам кажется неграмотным. Увы, на всех не угодишь. Я нарочно пишу Вам о чувствах сего молодого человека, чтобы укрепить Вас в добром намерении дать ему портрет. От себя же скажу, что вчера глубоко и сердечно был рад узнать, что Вы не покидаете императорской сцены и продолжаете служить искусству под эгидою государства, а не частной предприимчивости. Ваше место на подмостках, которые носили на себе Веру Самойлову и Асенкову, на которых плакала и заставляла плакать Снеткова,¹¹⁶ а не на досках, чуждых всяких традиций и преемства. Радуюсь за Вас. Я слушал Ваши предположения об уходе с тем же скорбным чувством, с которым стал бы слушать опытного и даровитого государственного человека, который, вследствие неприятностей, собирается выдти в частную службу акционерной компании. Денег у него будет больше, но ему уже нельзя будет сказать:

Блажен, кто свой челнок привяжет
К корме большого корабля.¹¹⁷

Смотрю на карточку Вятской (или Пермской?) незабудки и недоволен ею: в ней не передано выражение строгой и вместе с тем наивной чистоты, свойственной ее лицу.¹¹⁸

Ваш А. К.

Гунгербург, близ Нарвы, Эстляндской губ.

Дорогая Мария Гавриловна, — я не знаю, возвратились ли Вы в Петербург и застанет ли, или только встретит Вас мое письмо, — но мне хочется приветствовать Вас с новым успехом и новыми лаврами, пожатыми во время Вашего путешествия.¹¹⁹ Теперь Вы уже не только петербургско-московская знаменитость, — Вы все-российская. Вас знали на юге по старым отрывочным воспоминаниям и по доверию к отзывам компетентных людей. Теперь — вера обратилась в убеждение, — лишенное живых красок доверия, перешло в реальное, яркое, полное наслаждений эстетических сознание. Нужно ли говорить Вам, что каждое известие о непосредственном, иногда выраженном наивно, но несомненно всегда искреннем, восторге публики от Вашей художественной игры, — известие, возбуждавшее в „препротивных“ господах плач и скрежет зубовный, радовало меня до глубины души. И не потому, что это было шумным и сердечным признанием Вашего таланта (могло ли быть иначе?), но, главным образом, потому, что после мелочных дразг и мещанских отношений к Вам со стороны Дирекции, — после многих личных и домашних тревог, опасений и докук — Вы нуждались в забвении, в смене впечатлений, как моряк нуждается в буре, для того, чтобы увидеть, что он может бороться с ветром и что руль, сжатый твердою и знающею рукою, покорно повинуется и в свисте и вое разыгравшихся стихий, когда „заплясало сине море — заходил сердечный вал“ — позабыть мелкие житейские дразги, свивальники, пеленки и т. п., оставленные на берегу. Вам нужно было освежиться — не так ли? И судьба, повидимому, быть может даже ценою физической усталости — дала Вам это освежение.

Но как Вы чувствуете себя теперь по возвращении? как нашли Вы все дома? что делает Никита Никитович? осуществилось ли его сладкое (но мне кажется несбыточное) предположение? Какой ответ на его ходатайство?¹²⁰ Увы, я предвижу результаты. В тех сферах, где он вращался — эгоизм и боязливое самоограждение еще сильнее, чем где-либо — и на человека смотрят так, как на лимон, который выжимают, а затем... addio! mio caro! — Вот вопросы, которые меня живо интересуют и ответ на которые меня

весьма бы обрадовал здесь, на берегу дождливого, унылого, бурного, но все же милого Балтийского моря, где обитаю я в тиши и уединении, после очень интересной поездки по России, при чем видел Л. Н. Толстого и совсем им очарован, как человеком.

Ваш душою А. Кони

44

12 июля 1887 г.

С. Петербург. Царицын луг, 7

Более, чем обрадовалась Вашему письму, дорогой Анатолий Федорович, и сердечно благодарю Вас. Приехав, справлялась, но никто не мог сказать где Вы, а я горела нетерпением поделиться с Вами моей радостью, более — моим счастьем. Я почти счастлива, по крайней мере в два месяца моего путешествия я чувствовала себя на седьмом небе. Ничего подобного мне не снилось. Рассказать нет слов. Что Вы читали в газетах — сотая доля действительности. Как же я играла? Двадцать три спектакля лучших, любимых ролей: я жила на сцене, бледнела, худела, краснела и умирала на глазах у публики, которая, притаив дыхание, следила за каждым моим движением. Этих минут, вернее часов, я не забуду никогда, как не забуду Тифлиса и его обитателей. Я была счастлива.¹²¹ После всего этого вернуться в Петербург с его „оскорбительным“ (по выражению И. А. Гончарова) климатом и сразу окунуться в „дела“ да еще наши — более чем грустно. Выехав из Тифлиса 8 июня, я играла по дороге во Владикавказе, Ростове, Новочеркасске, Таганроге и Воронеже без отдыха семнадцать спектаклей в девятнадцать дней: из вагона на сцену, ночь укладывалась, на утро опять в путь. Клянусь, я ни разу не почувствовала усталости и один раз испытала головную боль. Здесь же, на другой день приезда, получила припадок печени, продолжающийся до сих пор. Дела мужа очень и очень скверны и Ваше (да и мое) предположение осуществилось. Это была химера, и только Никита, этот большой ребенок, мог верить такой несбыточной вещи. На вид он здоров, но постоянно жалуется, и я знаю, что он болен и серьезно, ему необходимо ехать в Карлсбад, но „дела“ мешают. В сущности, мешает только мнение света „как можно ехать за границу при таких обстоятельствах“. Глупо, но для него и его общества это очень важно. Отсюда каждодневные неприятности и споры, т. к. я не могу допустить его хворать из-за таких нелепых причин, и сама лежу целый день с грелкой на боку. Приехала я, по выражению одного из знакомых, с „фейерверком в глазах и вся теплая“, а теперь опять завяла и пожелтела. И было отчего гореть моим глазам и самой согреться. Что за чудный край, какие милые, теплые, умные люди. Вообразите, за мной никто не ухаживал. Никто

не обидел меня: обожали, восхищались актрисой и уважали женщину. Военно-грузинская дорога свела меня с ума, а в Дарьяльском ущельи я испытала священный ужас. Никакие описания, никакие картины не могут передать всей прелести этих чудных мест. Иллюстрация к Дантову аду. На Гудауре вечная Вальпургиева ночь, и Млетская долина с Арагвой чудный уголок рая. Казбек представлялся мне головой богатыря из Руслана, а Терек... А милый Владикавказ, — „там голубые небеса и фиолетовые горы“. Вообще я в полном восхищении и эти два месяца считаю лучшим временем моей жизни. Когда вернетесь, покажу вам рецензии, подарки и речи, а адрес... Он почти так же хорошо написан, как здешний 26 января, там тоже нашлись сердечные люди, как милый Живкович.¹²² В этом адресе есть что-то вроде покорения Кавказа, чуть ли не мне это приписывают. Дамы плакали и осыпали меня цветами, а овации дошли до пределов невозможного: буквальноезде носили на руках. Труппа была очень порядочная, а главные персонажи даже талантливые и все милые, образованные люди. Два месяца совместной жизни и общих интересов очень сблизили нас и я с грустью покинула их в Москве. Прилагаю описание последнего обеда (прошу возвратить для моей коллекции) в Славянском базаре. Провинция, т. е. товарищи хоть бы и случайные, роднее мне петербургских долголетних: то товарищи, а здесь сухие, казенные люди. Может быть мне все казались милыми и добрыми благодаря настроению, но все равно, я не хочу нарушать впечатления анализом и остаюсь при первом мнении. Я была счастлива, порадитесь, чудный друг, за меня. Когда Вы вернетесь? Крепко целую Вас.

Савина

45

СПБ. 7 сентября 1887
Малая Мастерская, 11

Спасибо Вам, дорогой Анатолий Федорович, за Ваше доброе сердечное письмо. Впрочем, Вы других писать не умеете. Очень огорчена Вашим нездоровьем, а про свое лучше и не говорить. Милую дирекцию очень потревожили мои провинциальные лавры и она отомстила мне со свойственной ей порядочностью. Из Саратова я выехала 31-го и, приехав сюда 2 сентября, узнала, что 1-го на афише стояло „Укрощение строптивой“ и снято по моей „внезапной болезни“, а 2-го прямо из вагона я должна была играть „Соловushку“.¹²³ Г. Потехин¹²⁴ на взрыв моего негодования хладнокровно заявил, что хотел на афише поставить „за невякою Г-жи Савиной“. Как вам это нравится? Этот человек даже азбуки не знает. Как будто я хористка, за которой посылают и приказывают петь, а не первая актриса, не появлявшаяся пять месяцев

перед своей публикой после ряда провинциальных триумфов. Сравнение, конечно, дерзкое с моей стороны, но поступок этот сильно напоминает генерала Дитятина, упорно называющего Ивана Сергеевича: „Кол. секретарь Ив. Тургенев“. Приехала я простуженная благодаря резкой перемене климата, сразу стала играть каждый день и репетировать; в квартире сквозняки от переноски вещей, металась по лавкам, приискивая мебель подешевле, и кончилось тем, что вчера едва доиграла Чародейку.¹²⁵ Надорвала горло окончательно, получила воспаление в правом ухе и острый ветвистый бронхит. Весь день страдала от кашля ужасно, но теперь благодаря двум докторам, Пруссаку и энергичным мерам, в силах ответить на Ваше письмо, хотя голова очень кружится и жар усиливается. „Буня“ торжествует: Пушкин родился.¹²⁶ Я очень рада за них, но кумиться нам с Вами не придется. Крестить будет Вера Николаевна¹²⁷ и Коломнин.¹²⁸ До свиданья, дорогой Анатолий Федорович, храни Вас бог и пошли он Вам полного спокойствия и здоровья.

Крепко жму Вашу руку.

С а в и н а

46

87. X. 6.

Царское село, Широкая у.
у Штейнфогель

Дорогая Мария Гавриловна, — мне пришлось уехать из Петербурга, чтобы хоть немного урегулировать свое сердце, которое стало „шутки шутить нехорошие“. Здесь, в тихом немецком семействе, проживая *en pension* в совершенном уединении — я думаю вздохнуть и поправиться от усталости — невероятной, которая владеет мною.

Но не для этого пишу я все это, а чтобы сказать Вам, что мое скверное сердце сжалось от новой боли, когда я узнал, что „свершилось“¹²⁹ — и не то, что произошло меня огорчает (мы ведь это предвидели), а та масса пошлых житейских мелочей, которая должна была посетить Вас и язвить вашу чуткую душу. Обстановка для Вас должна, сама по себе, много значить. Бриллиант, даже и оправленный в хомут, остается все-таки бриллиантом. Так и Вы... И даже в мансарде, со свечкой, вставленной в выдолбленную репу (какова картина!), в холстинном платье — Вы все-таки остались бы в глазах всех знающих Вас тем же, — тою же проводницею высоких эстетических наслаждений, так как с Вами, где бы Вы ни были, поселяется светозарный гений искусства, любимого и понимаемого Вами, как редко кем. „Свет и во тьме светится — и тьма его не объят.“ — Дай бог Вам только физических сил

и бодрости. Да, я знаю, что на Вас-то это мало могло подействовать, но „внешность“ — улы — действовала всегда на Н. Н.¹³⁰ Как-то он, голубчик добрый и беззаботный, перенес все последние перипетии? Что он Вам пишет? Как его здоровье? Перешлите ему мой сердечный поцелуй. Невольно хочется повторить слова старого Тараса Бульбы — Андрию, который весь отдался своим „новым“ друзьям: „что, сынку, помогли тебе твои ляхи?“ Простите, что пишу Вам о неприятных вещах, но ведь в моем большом и старом подъясческом сердце есть уголок, где Вы поселены прочно и навсегда. Вот оно и тревожится за Вас и скорбит, что, отправляясь в ссылку, не покидало Вас. А что Казанско-Самарское путешествие — сплошной триумф!¹³¹

Ваш душою А. Кони

47

88. III. 3

Дорогая Мария Гавриловна.

Посылаю Вам мое детище.¹³² Хотел препроводить его Вам к 16 марта (не так ли?)¹³³, но быть может Вы до тех пор взмахнете крылышками и мы Вас не увидим. Поэтому прочтите книжицу теперь авансом. Быть может, — когда-нибудь Вы в нее и заглянете. Тогда прочтите дело об убийстве Чихачева и дело об убийстве Солодовникова, имя которого связано с хроникой Александринского театра.

Ваш преданный А. Кони

Как дела? Как настроение? Если книга Вам понравится — пожмите руку милому Алексею Петровичу,¹³⁴ без его инициативы и настояния она бы не появилась на свет. — Целую Вашу руку.

48

1889. IV. 12.

Дорогая Мария Гавриловна.

Сегодня, говорят, день 15-летия Вашего появления в Петербургской сцене, — день 15-летнего упорного артистического труда и непрестанного, широкою рукою даваемого наслаждения зрителем.¹³⁵ Примите мои сердечные поздравления и наилучшие пожелания. Только в творчестве и есть радость, — все остальное прах и суета. Пусть господь пошлет Вам силы на дальнейшее служение искусству — и пусть скорее разрушится тот мелочной житейский омут, в который, вместо достойной Вас оправы, вставила Вас — наш бриллиант — злая судьба.

Ваш душою А. Кони

14 апреля (1889)

Уж как Вы милы и добры, Анатолий Федорович,— сказать не умею. Хотела прибежать сама поблагодарить за Ваше сердечное письмо и поздравить... да так измучена нашей неожиданной бедою, что боюсь показывать свое лицо. Вы, конечно, слышали о самоубийстве любимого племянника моего мужа? ¹³⁶ Узнали мы об этом перед заутреней, и все хлопоты, конечно, пали на меня. К моим познаниям прибавились новые знакомства с участками и больницами. Боже мой, что это за ужас. Я нечаянно попала в мертвецкую, где было 11 трупов. Но о судебных порядках в этих случаях надо бы подумать. Ведь власть имеющие не подозревают, что творится их именем. Если бы бедный мальчик знал каким мытарствам подвергнется его тело после смерти, то, конечно, не решился бы на самоубийство. В 20 лет пришел к заключению, что жизнь, да еще с неприятностями совершенно бесполезна. У нынешней молодежи даже идеалов нет... Простите за болтовню и примите мой крепкий поцелуй.

М. Савина

50

Дорогая Мария Гавриловна.

Берусь за перо, чтобы поздравить Вас — как это ни странно сказать — с тем, что Вы — „несчастная“. ¹³⁷ Дай бог, чтобы это окончание дела было для Вас и концом вызванных им претензий.

Душевно Вам преданный Ваш А. Кони

51

90. VIII. 4

Дорогая, милая и добрая Мария Гавриловна. Великое Вам спасибо за Ваше письмо. Оно было для меня первою благоухающею радостью по возвращении моем в отечество. Я еду около 20-го в Крым, а до тех пор провожу, по возможности, время в зеленых окрестностях Петербурга. Вот и завтра еду (и обязательно, ибо за мною вышлют на станцию Лисино лошадей) в деревню к друзьям и потому не успею „пасть к Вашим ногам“ и поцеловать руку, написавшую мне милые строки. Вернусь во вторник.. Застану ли Вас? Черкните строчку, когда Вы едете в Финляндию и когда возвратитесь для поездки в Нижний. ¹³⁸ Хочу урвать у Вас хоть

минутку, чтобы взглянуть на Вас и поздравить с колоссальным успехом на Юге.¹³⁹ Это общее, яркое признание Вашего таланта и Ваших заслуг для русской сцены должны освежать Вас и мирить с невзгодами жизни. Не так ли?

Ваш душою А. Кони

Я только от Вас узнаю, что Вы были в Карлсбаде. „Когда б я знал!“ особенно будучи, до июля, в 2 часах езды в Теплице.

52

92. XII. 1. 3 часа ночи.

Отрываюсь от удручающих меня дел, чтобы написать Вам, дорогая Мария Гавриловна, — во 1-х, что я „юж лежу“, во 2-х, что до разрешения дела нашего Африканца¹⁴⁰ Соединенным присутствием Сената (о чем я ему подробно объяснял) никаких ходатайств о нем быть не может; в 3-х, что он „не ведает, что творит“, желая попасть в Уфу, где при введении в будущем году реформы, как представитель старого суда может остаться за штатом и в 4-х, чтобы повторить, что „юж лежу“. Ваш душою

А. Кони

У Сципиона вопрос запальчивого самолюбия. Ему нужна большая выдержка, а служебное повышение от него не уйдет. Вероятно тут желание его жены. Недаром моя Катя, подперев щеку рукою, говорит „а ведь все это, барин, чрез бабов“... разумея под „бабом“ — женщину.

53

93. II. 1

Дорогая Мария Гавриловна, нездоровье и сознание того, что Вы чрезвычайно заняты — не дали мне возможности до сих пор придти „пасть к Вашим стопам“ с выражением теплой благодарности за память о 28 январе, за такую благоухающую память...¹⁴¹

Позвольте отложить это до поста, когда я буду ждать трапезы с Вами и с „милым человеком“ Верою Васильевною.¹⁴² — А теперь у меня просьба. Приехала сюда старая приятельница моей матери („артистки Сандуновой“)¹⁴³ на несколько дней и изводит меня желанием попасть в оперу. Так как я не хочу непосредственно обращаться к Всеволожскому,¹⁴⁴ а сам лично не имею протекции у барышень „кассы театральных ссуд“, то не можете ли мне Вы? Хотелось бы очень иметь 2 кресла 5, 6 или 7 ряда в Мариинском театре на пятницу вечером. Простите, что прибегаю к Вашему содействию.

Ваш „рап по груп“ А. Кони

(2 февраля 1893 г.)

Дорогой Анатолий Федорович.

Я получила Ваше письмо, возвратясь от Дяди¹⁴⁵ с Крестовского (в 10 ч. вечера) и ничего сделать не могла. Пошлите как можно скорее прилагаемую карточку в Мар. театр, хотя я не ручаюсь за результат. Если бы знать за несколько дней, то я как-нибудь ухитрилась бы. Сделайте мне большое удовольствие,—придите в пятницу поужинать ко мне: играю к сожалению и потому зову поздно. Будут Бильбасовы,¹⁴⁶ Головины,¹⁴⁷ Пузыревский¹⁴⁸ и Жулева,¹⁴⁹ Верочек¹⁵⁰ — конечно. Я вернусь из театра к 11, а Вы приезжайте (если!) когда угодно.

Ваша Савина

27 июня 93. Друсkenики

У меня прелестная дачка, уютная в высшей степени, вся обвитая ползучими растениями и с балконами кругом, как швейцарский домик. Сад тенистый с крутым обрывом, на дне которого бежит каскадами речонка „Родничанка“; в нескольких местах деревья, сложенные бурей, образуют на ней мостики; шумит она очень поэтично. Огород (моя заветная мечта) полон всяких прелестей, и я до ребячества восхищаюсь им, собирая собственноручно припасы для кухни и крупную, душистую землянику для себя. Тишина нарушается иногда пением петуха или лаем собаки... Я чувствую, как расплываюсь в блаженстве и боюсь пошевелиться, чтобы „не расплескать“ этого блаженства. У Островского есть объяснение такого состояния: „душа тает“. И все-таки я с удовольствием поеду через неделю в утомительное путешествие.¹⁵¹ Милый, чудный, добрый, хороший Анатолий Федорович, спасибо за Ваше письмо и милую память. Прошу Веру Васильевну поцеловать Вас за меня.

„Савушка“

3 сентября 1893. Фонтанка, 38

Спасибо милый, чудный Анатолий Федорович, что вспомнили меня на „старом пепелище“ и конечно приду поздравить Вас с новосельем. За что же Вы покинули наши края?¹⁵² О „новом режиме“¹⁵³ пока ничего не могу сказать, так как только завтра начинаю службу... Я охотно верю в безусловную некрепкость

добрых намерений Крылова,¹⁵⁴ но... добрыми намерениями вымощен ад. Начинаю 8 сентября¹⁵⁵ и все старыми пьесами: „покормить авторов“ и 16-го назначено давно забытое „Горячее сердце“.¹⁵⁶ Островского и самое это „сердце“ изображаю я к собственному огорчению: вряд ли мне удастся олицетворить идею автора. Как вы провели лето и здоровы ли? Я — даже пополнила. Кока¹⁵⁷ чрезвычайно поправился в Друскениках, и я в восторге от этого прелестного уголка. До скорого свиданья. Крепко жму Вашу руку.

Савина

57

94. I. 25

Дорогая Мария Гавриловна — сердечно благодарю Вас за билет и заранее предвкушаю наслаждение, которое мне придется испытать в четверг.¹⁵⁸ Нет никакого сомнения, что *именно* Вам надлежит играть роль Лизы и что Вы одна способны внести в образ ее тот нежный оттенок, который дает право видеть в этом чудном создании Тургенева „чистойшей прелести — чистойший образец“, как выражался Пушкин.¹⁵⁹

Предприятие переделки романа в драму представляется мне несколько рискованным, особенно в виду невозможности передачи некоторых сцен (между прочим разговора Михалевича с Лаврецким), но конечно наш милый Петр Исаевич¹⁶⁰ произвел эту переделку со свойственным ему искусством и уважением к памяти Ивана Сергеевича.

Заранее поздравляю Вас с новым листом в лавровом и неувыдающем венке Вашей артистической деятельности.

Душою преданный Вам А. Кони

58

18 апреля (1894 г.)
Фонтанка, 38.

Спасибо Вам, дорогой, милый Анатолий Федорович, за весточку из далеких стран,¹⁶¹ пришедшую в самый праздник порадовать меня. У нас тоже Италия. Светло, тепло, даже жарко. Сказать Вам не могу до чего удивилась, увидев Вас в первом ряду в Варшаве,¹⁶² но до получения Вашей карточки была убеждена, что ошиблась. Какой же Вы коварный друг! Посыльный с моим письмом бегал целый день в поисках за Вами: мне так хотелось знать Ваше мнение о „Симфонии“, которую здесь Вы кажется не слышали.¹⁶³ Устала я тогда невероятно, и все спектакли в Варшаве

были для меня очень утомительны, но успех сильно поддерживал нервы и все сошло благополучно. „Гнездо“¹⁶⁴ произвело фурор, чему конечно я безмерно радовалась. Выезжаю в tougnée 30 апреля, а к половине июня надеюсь быть в Карлсбаде и отдохнуть от трудов праведных в этом симпатичном зеленом уголке. Нижний, Казань, Симбирск, Самара, Саратов, Астрахань, Баку, Тифлис, Батум, Новороссийск, Феодосия, Севастополь, Симферополь и... через Одессу в Вену nach Carlsbad. 80 тысяч верст водой, пешком и верхом. Дай бог сил только.¹⁶⁵ Когда Вы намерены вернуться домой и где будете на даче? Если не успеете черкнуть строчку сюда, то адресуйте в Казань, городской театр: по расписанию мы там от 8-го до 13 мая. Уж как я Вам желаю здоровья, спокойствия и всего, что есть лучшего на свете, Вы сами знаете. До свиданья.

Савина

59

Дорогой Анаголий Федорович, меня очень огорчила Верочек,¹⁶⁶ сказав, что Вы браните меня за выбор.¹⁶⁷ Прочтите пьесу, будьте милы. „Ренана“ перевели и читали у меня в субботу, но увы, — цензура не может пропустить.¹⁶⁸

Ваша Савина

7 декабря 94.

60

16 ноября (1895 г.)

Дорогой Анатолий Федорович.

Большой поклонник Вашего таланта, пожилой человек, живущий постоянно в деревне,¹⁶⁹ просит меня достать „хорошую фотографию нашего гениального оратора и юриста“. Спешу исполнить его просьбу и надеюсь, что Вы не откажете моей. Если уж хотите (со свойственной Вам милотою) облагодетельствовать совсем, то напишите маленькое изречение и выберите фотографию Шапиро: по моему, они самые лучшие из последних. Крепко жму Вашу руку и заранее приношу сердечную благодарность.

Ваша Савина

Когда же Вы пойдете смотреть „Власть тьмы“?¹⁷⁰

61

95. XI. 17

Всегда покорный Вашим велениям, спешу исполнить Ваше желание, дорогая Мария Гавриловна, в полной уверенности, что карточка эта попадет в руки человека порядочного и к судебным

делам не причастного. У меня столько дела, что я просто не знаю, когда соберусь на „Власть тьмы“. Не знаю, где бы занять времени, хоть под учет „судьбой отсчитанных дней“.

Ваш душою А. Кони

62

96. I. 1

Дорогая Мария Гавриловна! и я сердечно желаю Вам всего хорошего в наступившем году, а главное здоровья и сознания, что Ваша личная прелесть и артистическая высота все более и более ценятся всеми, „на враги же победу и одоление“.

Из немногих светлых воспоминаний прошлого года — для меня одно из самых светлых — о Вас такой, какой я видел Вас у Тарновских.¹⁷¹ Вы были такая прелестная, умная и лучезарная, что мне, подобно Фаусту, хотелось сказать времени: „остановись, прекрасное мгновение!“

Вы не забудете дать мне какой-нибудь уголок в Ваш бенефис?¹⁷²

Душевно Ваш А. Кони

63

96. I. 7

Дорогая Мария Гавриловна.

Сердечно благодарю Вас за билет и заранее предвкушаю наслаждение, которое испытаю во вторник.¹⁷³

Желать Вам успеха — смешно и неуместно, — желать *здоровья* и сил никогда не устанешь.

Преданный Вам всею душою А. Кони

64

96. I. 9

Дорогая Мария Гавриловна.

Всем сердцем присоединяюсь к Вашей радости и полагаю, что это первое вполне достойное Вас и Вашего громадного таланта чествование Вашего имени. Я не слыхивал, чтобы что-либо подобное дельвалось и за границей.¹⁷⁴ Целую Ваши „лапки“ (помните, что писал Тургенев).¹⁷⁵

Ваш всею душою А. Кони

65

5 сентября 1897

Напрасно Вы не приказали позвонить ко мне, дорогой Анатолий Федорович. „Час обеда“ был для Вас, а я всю жизнь обедаю по возвращении с репетиции, около трех. Еще напрасно потому,

что я третий день лежу и не знаю, когда встану, т. е. когда мне это позволит брат нашего общего друга „Мини“. ¹⁷⁶ С удовольствием достану Вам ложу на понедельник, ¹⁷⁷ но вряд ли сама буду играть, т. к. на другой день идет в первый раз (по возобновлении) „Иванов“ Чехова, и у меня очень трудная, новая для меня роль. ¹⁷⁸ Дирекция вернулась к старой системе и уничтожила „контору записей“, но конечно я достану Вам лучшее место, чем посыльный. „Ревизор“ и с внешней стороны обставлен с небывалой роскошью в смысле верности эпохи, ¹⁷⁹ но Дальский ¹⁸⁰ и Абаринова ¹⁸¹ слабы. Жду Вашего ответа и крепко жму руку.

Савина

66

9 сентября 1897 г.

Дорогой Анатолий Федорович.

Адрес Верочка: ¹⁸² Манежный 11, кв. 13. Вы очень огорчили меня Вашим нездоровьем и настроением. Мне тоже нужно поговорить с Вами (юридическое дело), но не знаю, когда Ияполит выпустит меня из дому. Во всяком случае, лежу до пятницы и, если бы силы Вам позволили зайти ко мне, то я была бы вдвойне рада: видеть Вас и познакомиться с „сюжетом“ очерка. С 11 до пяти, когда хотите и никого не встретите кроме Верочка. Крепко жму Вашу руку.

Савина

67

97. X. 2

Дорогая и глубокоуважаемая Мария Гавриловна. Я нашел в бумагах отца портрет старинной московской артистки Акимовой. ¹⁸³ Я ничего о ней не знаю, но очевидно она была талантливою и любимую артисткой, если ее литографированный портрет продавался. Но какова прическа? Позвольте положить его к „Вашим стопам“.

Ваш душою А. Кони

68

25 декабря 1897 г.

Поздравляю Вас с праздником, дорогой Анатолий Федорович. Не лишите меня большого удовольствия послушать Ваше чтение о Горбунове и пришлите билеты. ¹⁸⁴ Я замотана бенефисными хлопотами ¹⁸⁵ и к тому же хандрю невообразимо. Жму крепко Вашу руку.

Савина

28 января 98

Дорогой Анатолий Федорович, сердечно благодарю Вас за память и поздравление, а упреком огорчена до слез. Неужели Вы допускаете мысль, что я не хотела слушать Ваше чтение, да еще о Горбунове? Через Прасковью Николаевну¹⁸⁶ я достала билет за две недели, но вышел репертуар, и я, несмотря на просьбы и мольбы, вынуждена была играть в этот вечер „Волки и овцы“.¹⁸⁷ Не обижайте меня, милый Анатолий Федорович.

Надписывая число, сообразила, что сегодня Ваше рождение и я не могу сама придти к Вам. *Не могу*. Спросите Верочка,¹⁸⁸ она скажет, что я изображаю из себя эти дни и вынуждена играть да еще по две пьесы в вечер. Пошли Вам бог сил и здоровья.

70

2 апреля 1898

Очень Вам благодарна, дорогой Анатолий Федорович, за память и сообщение. Конечно, очень, ужасно(!) хочу слушать Ваше чтение, но... Буду ли я свободна в этот вечер. Во всяком случае, билетом запасусь.¹⁸⁹ 9 апреля (день моего дебюта) устраиваю утренний спектакль на памятник Горбунову и думаю, что Вы придете посмотреть меня в „Женитьбе“.¹⁹⁰ У меня большое горе: Кока¹⁹¹ захворал инфлуэнцией, которая обострилась и легким грозит опасность, тем более, что наследственное его здоровье более чем плохо. Если через неделю лихорадка не уменьшится, то надо немедленно увезти его из Петербурга. Но как, с кем и куда? Поездка моя, составленная на 2 месяца, с 1 мая не состоится и придется платить арендную плату за все нанятые театры, не говоря о 20 человеках труппы.¹⁹² Без себя Коку я отпустить не решусь, а до 1 мая должна играть, да еще четыре новых пьесы.¹⁹³ Пожалейте.

Ваша Савина

71

19 мая 1899. Среда.

Я уже уехала, дорогой Анатолий Федорович. А о приказании Вашем не забыла.¹⁹⁴ — „Мочалов“ появится в книжке приложения, в первых числах сентября.¹⁹⁵

„Верочек“¹⁹⁶ дразнит меня тем, что Вы дали ей билет на торжество 26-го.¹⁹⁷ А я в это время буду глотать кипяток.¹⁹⁸ Ведь Ваша речь будет напечатана. Бедная! Никогда-то я ничего хорошего не вижу и не слышу. Успеха Вам желать нечего, а здоровья от души Вам желаю и полного отдыха летом. Крепко жму Вашу руку. До свиданья.

Ваша Савина

25 октября 99

Дорогой Анатолий Федорович.

Я пересмотрела весь „Ежегодник“ (могу прислать Вам весь комплект, если пожелаете), но кроме статьи С. В. Максимова ничего о Горбунове и „горбуновского“ нет.¹⁹⁹ Как это Вам бог помог упасть?²⁰⁰ Я, кажется, здорова, но нахожусь в великом беспокойстве по поводу постановки „Идиота“.²⁰¹ До того это неладно и нескладно на сцене и так невыполнимо, что ужас берет. Крепко жму Вашу руку.

Ваша Савина

Дело, о котором я просила Вас узнать, разрешилось следующим образом. — Б.²⁰² отверг третейский суд и к 1-му числу уплатил все. Так он по крайней мере заявил. По мнению лиц окружающих „сумнительно“.

Этот симпатичный человек сошел с ума или жертва многочисленных управляющих.

73

(1899)

Дорогой Анатолий Федорович.

Перебирая „материалы для биографии“ я еще глубже запрягала письма Ивана Сергеевича и вспомнила о том, которое у Вас. Я чувствую угрызение совести: это единственное, назначенное им самим к уничтожению.²⁰³ Привезите мне его. Я всегда дома от 4 до 6, но если это время для Вас неудобно, черкните строчку и я приеду к Вам. Я все время хвораю и наполовину волнением предстоящего юбилея.

Крепко жму Вашу руку.

Савина

74

(на карточке)

С новым годом. 1900.

Шлю Вам самые лучшие пожелания, дорогой Анатолий Федорович. Мне все-таки грустно, что Вы мною недовольны и... несправедливы. Я ведь объяснила Вам уважительную причину. Бюст привезу Вам сама. Не грех ли Вам было напоминать о нем? Будьте здоровы и возвращайтесь к нам скорее.

Савина

1900. I. 26

Дорогая Мария Гавриловна.

От всей души приветствую Вас с сегодняшним днем и шлю Вам самые лучшие и теплые пожелания.²⁰⁴ Впрочем и пожелать-то Вам можно немного. Будьте только здоровы, — а лучи общего поклонения всех истинных ценителей искусства и его воплощений — согреют Вашу жизнь, на зло зависти и шипению злобы.

Мне очень больно, что я не могу лично „повергнуть к стопам“ Вашим мои поздравления.

Продолжительное и рано начинающееся заседание в Сенате меня этого лишает.

Примите же мой привет письменно и живите долго и долго на славу искусства и русской сцены — и на радость всех любящих Вас, из них же единый

А. Кони

В последних словах я, кажется, обокрал Живковича,²⁰⁵ но да простит мне его тень. А знаете ли Вы, что в Малом Театре идет очень интересная и хорошая переделка „Отцов и детей“?²⁰⁶ Но что бы *Вы* сделали из Одинцовой!?

76

17 сентября 1900

Дорогой Анатолий Федорович.

Сейчас от „Верочка“²⁰⁷ узнала о несчастии, постигшем Вас и о Вашей болезни.²⁰⁸ Я не подозревала, что Вы в Петербурге. Я здесь с 20 июля и охотно пришла бы развлечь Вас. Очень, очень хочу Вас видеть, но до 25-го каждый день играю и репетирую новую пьесу.²⁰⁹

Неужели нельзя застать Вас среди дня? Я не отниму у Вас более четверти часа. Крепко жму Вашу руку и жду двух строчек.

Ваша Савина

77

15 ноября 1900

Дорогой Анатолий Федорович, охотно исполню Вашу просьбу как только здоровье позволит: десятый день я в постели. Играла в юбилейный спектакль Александровой²¹⁰ через силу и этим навредила себе. Я очень виновата перед Вами²¹¹, но (всегда есть „но“) Вы снисходительны, а у меня есть оправдание. Вряд ли Верочек,²¹² по своему легкомыслию передала Вам, о чем я ее

просила. Когда Вы были на костылях и я хотела навестить Вас, у меня вдруг заболела мать, ²¹³ да так серьезно, что пришлось делать намеренную операцию (68 лет, два часа под хлороформом!) и я три недели жила между клиникой и театром. А потом Вы уехали. О Вашем возвращении я узнала накануне чествования памяти Мочалова и тотчас распорядилась, чтобы Вам был послан билет на торжественное заседание, но Вы не почтили нас своим присутствием. ²¹⁴ А были хорошие речи и вышло все действительно торжественно вопреки желанию „Нов. Времени“ вышутить этот праздник. ²¹⁵ Свою книгу „Ежегодник“ я отдала для литературного вечера и до сих пор не получила, но завтра же пришло Вам. 30 была у Вас с чудным букетом роз и никак не ожидала коварного умысла с Вашей стороны. ²¹⁶ До свиданья, коварный человек. Крепко жму Вашу руку.

Савина

78

Я опять лежу, дорогой Анатолий Федорович. Насилу добилась возвращения моей книги ²¹⁷ и посылаю Вам ее вместе с двумя программами торжества. Вам нужно что-нибудь еще о Мочалове или „Ежегодник“ за этот год вообще?

Ваша Савина

21 ноября 900

79

Катюшу „закатали“ на вечные времена и без снисхождения. ²¹⁸ Сипягин ²¹⁹ даже задал вопрос на бумаге кн. Шаховскому: ²²⁰ „неужели правда, что появилась такая пьеса?“ Я еще в четверг чувствовала себя худо и на другой день не могла играть. А Танечка-то Горбунова! ²²¹ Вообразите, Амалия Ивановна ²²² явилась ко мне и в истерике билась об пол, уверяя, что нечем хоронить. Я делаю подписку в театре. Крепко жму Вашу руку, дорогой Анатолий Федорович.

Савина

80

Дорогой Анатолий Федорович.

28 января 1902

Благодаря тому, что дирекция превратила меня в „конку“ Александринского театра я лишена возможности быть где-нибудь кроме репетиций и спектакля: качусь на рельсах одного и того же пути. С субботы буду свободна по утрам и выберу одно с протекцией Кати, ²²³ чтобы пожелать Вам всех благ за сегодняшний день, ²²⁴ а пока делаю это письменно. Будьте здоровы и покойны.

Ваша Савина

Кашляю за четверых.

Дорогой Анатолий Федорович.

Сейчас получила письмо от графа П. С. Шереметева²²⁵ с просьбой „поделиться письмами И. Ф. Горбунова“ для биографии. Все письма, какие были, у Вас? Вы совсем забыли бедную Савину.

6 октября 1903

6 ноября 1903

Дорогой Анатолий Федорович.

Вынуждена воспользоваться Вашим любезным предложением насчет копии письма Ив. Фед. Горбунова.²²⁶ Я так занята, что не имею времени пообедать, а не только рыться в сундуке, где у меня сложены бумаги за тридцать лет. Будьте добры, одолжите копию на один денек. Крепко жму Вашу руку.

Савина

Вы не подозреваете, как успокоило меня Ваше чудное письмо (относительно отставки), и как я Вам благодарна за него.²²⁷

30 января 1904

Сердечно благодарю Вас, глубокоуважаемый Анатолий Федорович, за память и дорогой подарок.²²⁸ Простите, что только сегодня собралась это сделать, но за три дня произошло столько ошеломляющих событий, что и до сих пор не соберусь с мыслями.²²⁹ Вот грянул гром. Мой племянник²³⁰ того и гляди вытянет жребий, а его свадьба назначена в апреле (после трех лет томительного ожидания), и невеста с бабушками причитывают на все лады. Это аккомпанемент к моей расстроившейся поездке по Сибири. Антрепренера я никак не могу уверить, что не только мне, но и ему неприлично везти труп (для наживы) в одном поезде с людьми, едущими умирать за родину. Плачу неустойку (хотя поездка как „хлеб на корню“ наполовину истрачена уже) и примусь за шитье белья для Красного Креста. Газеты без слез читать нельзя... Целую Вас и еще раз благодарю.

Савина

1904. IV. 14

Дорогая Мария Гавриловна.

Сердечно благодарю Вас за милое внимание, выразившееся в присылке мне приглашения на бракосочетание племянника Вашего.²³¹ Но *увы*, желая новобрачным всевозможного счастья и

удачи в совместном плавании по морю житейскому, я не могу воспользоваться этим приглашением, ибо *уже ранее* обещал быть в тот же самый час на свадьбе дочери моего товарища по службе и друга И. А. Игнатьева в Сенатской церкви.

Вы меня, конечно, простите... А какие дела? а какие скорбные дни?

Я избран в состав жюри по „Грибоедовской“ и „Островской“ (если можно так выразиться) премии,²³² но боюсь, что масса занятий заставит отказаться от этих обязанностей.

Да и какой я судья драматических произведений.

Вот все восхищаются „Юлием Цезарем“,²³³ а я, будучи „довольно очень необразован“ и не имея „никакого такого полного права“ (как говорят в Москве) нахожу, что и пьеса скучна, многоглагольна и неверна исторически — и исполнение московских гастролеров — очень и очень неважное. Обстановка удивительная, но она слишком развлекает внимание и поселяет в нем *смятение жадности*. Видите, как я не готов для присуждения премии.

Будьте здоровы. Господь да хранит Ваши силы еще долго для славы и благотворного процветания родного искусства.

Душевно Ваш А. Кони

85

Примите мое поздравление, дорогой Анатолий Федорович, с самыми искренними пожеланиями всего лучшего.²³⁴ Вторую неделю лежу в постели, а завтра „возьму одр свой и пойду“ играть новую роль (с одной репетиции) в пользу М. И. Писарева.²³⁵ Уж как противно играть теперь, вообще... Будьте здоровы.

Савина

23 апреля 1904.

86

1904. X. 11

Дорогая, несравненная Мария Гавриловна.¹

Знаю, что очень виноват пред Вами, но „повинную голову и меч не сечет“ и я кладу ее к Вашим ногам.

Вы спрашивали у меня весною письмо Горбунова и я отозвался тем, что возвратил его Вам, твердо убежденный, что это так и было, ибо после издания полного собрания сочинений Горбунова²³⁶ я разослал по принадлежности все бывшие у меня материалы. И вдруг — „ах, какой пассаж!“ — среди портретов Горбунова я нахожу это письмо, как-то втершееся между ними. Спешу возвратить его и просить прощения.²³⁷

71

Знаю, что Вас еще нет, ²³⁸ — но пишу теперь же, чтобы облегчить свою совесть.

Когда приедете и найдется у Вас свободный часок (?), черкните мне — и я приду. Так давно я Вас не видел.

Душевно Ваш А. Кони

87

За письмо гениального поэта и за восхитительное предисловие Анатолия Федоровича. ²³⁹

27/XI 1904.

Савина.

88

1904. XI. 29

Дорогая, несравненная Мария Гавриловна.

Как мне Вас благодарить за внимание и за чудесные строчки Вашей записочки ? Увидев Вас в зале издали, ²⁴⁰ я впервые, после 35 лет моей ораторской жизни, оробел и смутился — так ценю я Ваш приговор и Вашу критическую оценку. *Ужасно* рад, что письмо Пушкина Вам понравилось. Я боялся, не преувеличиваю ли я его стоимости. Я ведь яростный поклонник Пушкина — и, когда нашел это письмо, то в умилении поцеловал эти пожелтевшие страницы.

Ваш сердечно А. Кони

89

А я и до сих пор в „умилении“ от письма, дорогой Анатолий Федорович, но как Вы его „доложили“...

Очень хочу Вас видеть, и, если мы не будем убиты до седьмого (как обещают), то выпрошу у Вас хоть полчаса вечером, пока я еще немного играю. Целую Вас.

29. XI. 1904

Савина

90

1906. 1 января

Дорогая и несравненная Мария Гавриловна, я радуюсь начать новый год письмом к Вам с горячими пожеланиями всего, всего хорошего. Хорошее же для Вас будет хорошим и для искусства, которому Вы так доблестно, так неотразимо проникновенно служите. Я все еще под впечатлением Фимки. ²⁴¹ Это просто подвиг с Вашей стороны. Взять роль из чуждого и неведомого мира в пьесе мертвой

по движению, нелепой по замыслу, плоской по тенденции — и следовать из нее то, что Вы сделали — для этого нужен не только огромный талант, но то, что называется в поэзии интуицией. Здесь никакая наблюдательность не поможет. Да за один Ваш приход (в 1 действии) проститься... с „профессором мудрорыбницей“ в стареньком бурнuse поверх яркого и дорогого платья, высокоприподнятого над кричащими яркими шелковыми юбками и безобразными калошами, — да за ломаную и „невинную“ позу этих ног, привыкших „соблазнять“, следует Вам поклониться. А как тонко проведена Вами внутренняя личность Фимки, несчастной птицы, в которой одновременно сидят коршун и канарейка и которая, вся сотканная из *вранья*, тем не менее гораздо глубже чувствует ложь жизни, чем ее резонер брат, который к сожалению не забастовал лишь от словоизвержений в изобличительно-фельетонном вкусе. Спасибо, великое спасибо за высокое наслаждение, доставленное Вами и заставившее на несколько часов забыть печальную и чреватую еще большими печальми действительность. Но Ваши критики! Боже мой! Какое надменное непонимание, какие невозможные требования!

Они находят, что Вы не были достаточно реальны, не понимая, что художественная реальность не то же, что реальность фактическая. Однако я заболтался. Еще раз желаю Вам всего хорошего. Завтра мы обедаем вместе и так как там придется быть на „тонких деликатностях“ (по некоторым причинам это необходимо: будут лица, которые не понимают *простоты* обращения, считая ее за фамильярность), то я уже теперь говорю Вам, что с глубоким и нежным уважением целую Ваши руки и „юж лежу“.

Ваш А. Кони

1906. I. 28

Дорогая, несравненная Мария Гавриловна, — за что Вы меня так балуете? Мне ведь розы уже скоро понадобятся для „венка“... Сегодня мне 62 года, хотя все конечно относительно, ибо вчера в заседании Сената Ваш сосед, старый хрыч Цеэ²⁴² выражал мне радость, что такой *молодой* человек как я удостоился такой высокой награды, как Белый Орел и был очень сконфужен, заметив, что я не надеваю этой глупой и дорогой (400 р. пошлины) игрушки. — Среда 1-го мне кажется более подходящею для обеда со старцем Василием,²⁴³ так как, вероятно, и Вы и я будем на юбилейном спектакле „Жизнь за царя“.²⁴⁴ Поэтому, если Вам удобно — назначим среду. Нет ли у Вас известий о Праск. Никол. Тарновской.²⁴⁵ Ужасно она меня тревожит. Просто не могу при-

мириться с мыслью о возможности ее потерять. Уж лучше пусть умирает Вен. Мих.²⁴⁶, обратившийся в какого-то тяжкодумного мас тодонта.

Целую Ваши „лапки“ (следуя терминологии Ивана Сергеевича).

Душевно Ваш А. Кони

92

1. II. 1906

Я свободна в пятницу, дорогой Анатолий Федорович, и с во-
сторгом побегу на Вашу лекцию, но прошу прислать два билета.²⁴⁷

М. Савина

Четверг.

93

1906. II

Дорогая Мария Гавриловна. Я самым искренним образом и без всяких фраз счастлив, что Вы будете на моем чтении. Наконец-то я буду иметь счастье видеть Вас не на мимолетном этюде, а на настоящей лекции, предмет которой составляет плод моей вдумчивой и самостоятельной работы. Посылаю Вам 2 билета. Так как чтение делается в пользу бесплатной школы Пален, то за них требуется плата в размере 3 руб. за каждый. Только ради создателя, если лекция покажется Вам не стоящей 3 руб., не выражайте этого громко и не требуйте „сдачи“. От „Фимки“ это ведь может стать.

Известный Вам прикащик в магазине „Фемида и К⁰“.

94

1906. II. 3

Дорогая Мария Гавриловна.

Сердечно благодарю Вас за малых школьников. Начало будет не позже 8 ч. 20 м. и я постараюсь окончить к 10-ти и, в крайнем случае, если понадобится перерыв к 10½ — приезжайте пожалуйста. Если Вам удобнее, чтобы я начал позже, я готов начать в 8½ и даже в 8¾. Напишите мне об этом.

А жаль, что Вы не были сегодня:²⁴⁸ было очень трогательно. Инда слеза прошибла.

Ваш душою А. Кони

Дорогая Мария Гавриловна.

В виду необходимости Вам участвовать в юбилее Каменской,²⁴⁹ спешу сообщить Вам, что лекцию свою²⁵⁰ начну ровно в $\frac{1}{2}$ 9-го и сделаю перерыв на 20 минут около 9 $\frac{1}{4}$. Если Вам предстоит прослушать одну из частей лекции, то лучше пропустите не *вторую*, а *первую*, — вторая интереснее. Окончу около $\frac{1}{2}$ 11-го.

Ваш А. Кони

Дорогая Мария Гавриловна.

Меня спрашивают (это откуда *меж нами*) — не соглашусь ли я быть членом — Конференции драматических курсов.²⁵¹ Что это такое? и что бы Вы посоветывали?

Душевно ваш А. Кони

Простите, дорогой Анатолий Федорович, я была невменяема все это время, готовя новую роль.²⁵² „Меж нами“ я не думаю, чтобы предлагаемое место было интересно для Вас, но отчего же и не попробовать. Надо судить о степени талантов, избылиующих отсутствием одного и иногда бывать на курсах при Театральном училище. Больше, кажется, ничего не требуется. Крепко жму Вашу руку.

Савина

Генерал²⁵³ расскажет Вам о вчерашнем спектакле. Завтра я еду в Москву играть в пользу Театр. Общ.²⁵⁴ и вернусь в понедельник.

Дорогой Анатолий Федорович.

У меня большое горе, и бог знает когда я успокоюсь, оттого и не написала Вам к именинам. А в San Remo послала carte-postale. 1 апреля мой брат²⁵⁵ пошел в гости вечером и там внезапно скончался от сердечной жабы, полученной им от контузии на войне. Целую зиму я надрывалась в поисках за местом для него, он, конечно, очень волновался и вот, в момент получения этого

желанного места (регистратора Государств. Думы) с окладом в 3 т., он умер... от радости. Назначили его 30-го числа, в день моего рождения, мы пили шампанское, поздравляя его, а через день его не стало. 30 апреля ему минуло 40 лет. Me voilà с семьей в пять человек на руках. Материально, она и всегда у меня была отчасти, но теперь является нравственная ответственность, т. к. моя belle soeur совершенно беспомощная женщина, безумно его любившая. А нашей матери, ²⁵⁶ неделю тому назад стукнуло 75 лет и она гораздо бодрее меня. Где же справедливость? Чувствую себя, конечно, отвратительно, а надо выучить новую роль ²⁵⁷ в 22 листа к 1 мая, — „бенефис суфлеров и помощников режиссера“. Как и где проведу лето, не знаю, но Карлсбада на 3 недели не миновать. Имеею приглашение на 50 спектаклей в Харбин, Владивосток, Хабаровск. Предлагают вернуться по Амуру и побывать в Японии, куда два дня езды по морю и там живут „на дачах“. Заманчиво. Но на эти 50 спектаклей с дорогой надо истратить 4½ месяца. Будь я здорова, не задумалась бы. Завтра провожаю в Ялту Прасковью Николаевну, ²⁵⁸ которая замечательно поправилась и ожила. До свиданья, дорогой Анатолий Федорович. Крепко целую Вас.

99

V. 2. 1907

Дорогая и сердечно любимая Мария Гавриловна — великое Вам спасибо за письмо и за телеграмму. Я был очень тронут последнею, а Ваше письмо, посвятившее меня в Ваши домашние дела, еще раз доказало мне, что Вы не считаете меня для себя чужим. Как горестна смерть Вашего брата. И снова Вам благотворительная тягота. Уж видно нам (я тоже, почти всегда, в таком же положении и относительно quasi-родных и относительно старой прислуги) с Вами так на роду написано. Хоть бы благодарность за это бы была, или, лучше сказать, — хотя бы за это неблагодарности (в смысле учинения всяких неприятностей и скверных сюрпризов) — не было. Наш незабвенный И. С. Тургенев (кстати читали ли Вы или слышали о мерзостях, которые пишет про него дочь г-жи Виардо, ²⁵⁹ которая утверждает, что И. С. будто бы жил на счет „ейной маменьки“, объедал ее, опивал — и, одним словом, состоял у ней на каком-то платоническом содержании. — Немецкие газеты горячо за него заступились, доказав его же письмами к Маслову, ²⁶⁰ что он этой даме в последние годы жизни передал не менее 70 тысяч рублей. Наш „Вестн. Европы“ был гораздо слабее в защите памяти своего славного сотрудника ²⁶¹ — вспоминал в письмах к Полонскому, что в труд-

ные минуты его молодой жизни в Петербурге его квартирная хозяйка, немка, говорила ему: „Эк, И. С. — это ничего. Жизнь есть как мух (муха). Пренеприятный *наксеком*, что делать. Терпеть надо“. Станем и мы с Вами „терпеть“. Россия, наша бедная Россия, — как терпит. Я читал, что Дальский ²⁶² приводит в восторг толпу словами Дон Карлоса: „государь, дайте свободу мысли...“ Позвольте послать Вам вырезку из литературного прибавления к Figaro с чудными, тонкими и глубоко-женскими письмами знаменитой Дежазэ. ²⁶³ Я уверен, что они Вам понравятся. Господь да хранит Вас для искусства, для всех друзей Ваших. Вернусь после 1 июня. Застану ли Вас в Питере? Сомневаюсь...
Ваш А. Кон и

100

10/V 1907

Дорогой Анатолий Федорович,

Письмо Ваше я получила в день побега моего в деревню и только сегодня собралась отвечать Вам. Мне надо было „бежать“, иначе я никогда не выбралась бы. Вы вообразить не можете до какой степени я обязана всякими обязанностями (простите плохой каламбур) и до какой степени я мало принадлежу себе. Один телефон может довести до отчаяния. Помимо болезни и совершенно расшатанных нервов я так устала от моих печальных хлопот и бесконечных разговоров о делах покойного, ²⁶⁴ что доктор прямо выгнал меня из Петербурга. Ни с кем не простаясь, скрывая даже от прислуги свой адрес, я убежала на две недели. Только так и можно отдохнуть, чтобы никто не знал и не беспокоил. Веду „растительную жизнь“ в полном смысле этого слова и начинаю приходить в себя. Развлечением и огромным удовольствием мне служит березка, постепенно распускающаяся перед окнами; я слежу за каждым листком и по-детски радуюсь. Солнце ярко и тепло, птицы поют, вода сверкает и чудный аромат от почек. Моя мечта — проводить начало весны в деревне и видеть, ощущать пробуждение природы. Живя всю жизнь в бутафорском лесу и дыша пылью кулис, в настоящем — можно дойти до экстаза. Увы, я могу пользоваться этой прелестью только две недели и Вы найдете меня в Петербурге по Вашему возвращении. Весь июнь я буду играть в окрестностях, чтобы поправить свои финансы. Карлсбада не миновать, но я поджидаю большую компанию, которая отправляется во второй половине июля. Спасибо за письма Дежазэ. Очень интересно, но мне больно было читать их и я не хотела бы быть на ее месте. Я еще раз похвалила себя за то, что исполнила приказание Ив. Сергеев. сжечь письмо, вызвав этим

Ваше порицание. Несчастные „знаменитости“ не имеют собственности и должны отдавать на суд (а в большинстве и на потеху) толпы свою душу и сердце. Конечно, я читала о гнусном поступке дочери Виардо и очень хотела бы знать, которая это? Он очень любил Марианну²⁶⁵ и говорил мне в Спасском, что „она одна пойдет за его гробом и будет жалеть“, а привезла его Clodine²⁶⁶ и не только не плакала, а даже была в цветном платье. Что особенно возмутительно, что „заступились“ немецкие газеты, а мы молчим. Одни по равнодушию, другие по неграмотности, третьи из скромности. Я например. Целую книгу могла бы написать, но искренно говорю: „боюсь обвинения в жажде рекламы. Хотя всякий умный человек поймет, что она мне не нужна и проч. Да я и никогда не была нескромной и даже на сцене стремилась тушевать эффектные места. Вот куда завела меня березка: разболталась во всю и Вы уже устали читать, простите дорогой Анатолий Федорович. Что касается Дальского,²⁶⁷ то никого он „в восторг“ не привел, ибо играл отвратительно, и мне до слез больно было смотреть, как он гастролерски ломался, погубив окончательно свой прекрасный талант. А юбилей Суворина²⁶⁸ удался и имел симпатичный характер и старик плакал. Кстати, тещ, которого я выписала из Одессы, имеет единственную цель: прочесть свои рассказы перед А. Ф. Кони. Avis aux lecteurs. Целую Вас и до свиданья. Ваша Савина

Если захотите ответить, то — на Фонтанку.

101

1907. IX. 3

Дорогая Мария Гавриловна. Как здоровье Ваше? Как настроение? какие виды на урожай? — конечно в духовном смысле и даже еще более тесно — в смысле драматическом? А наш-то приятель — милый и добрый „благородный отец“ В. Д. Скалон²⁶⁹ — ушел безвозвратно... Он Вас сердечно любил, а это „по нынешним временам“ редко. Когда можно Вас заставить — Вам не помешавши? С 1-го я перебираюсь на новую квартиру — Фурштадтская 56. Душевно преданный Вам А. Кони

102

5/IX. 907

Дорогой Анатолий Федорович.

Чрезвычайно обрадовалась я Вашей весточке и сердечно благодарна, что вспомнили обо мне. „Виды на урожай“ благоприятны в этом году и начала я сезон с большим успехом.²⁷⁰ Если бы Вы пожертвовали вечерок (суб. или среду на будущей неделе), чтобы просмотреть „Грозу“, ²⁷¹ я была бы совершенно счастлива. О ми-

лом Василии Даниловиче²⁷² я погоревала: я очень дорожила его отношением ко мне. О здоровье моем не могу сказать ничего определенного, т. к. Nachkur после Карлсбада проделала за кулисами Александринского театра: из вагона прямо на репетицию, и теперь это сказывается. Не успела сыграть „Грозу“, как на другой день начались репетиции новой пьесы Рышкова „Склеп“.²⁷³ Кроме этого теперь экзамены во всех драмат. школах, начиная с императ., и я должна присутствовать в качестве почетного члена конференции. Устраиваю еще семью моего покойного брата „на зимние квартиры“, словом хлопот полон рот и времени не хватает. Если же Вы не на словах только хотите побывать у меня, то, конечно, я найду время и буду ждать Вас с обычным нетерпением.

Ваша С а в и н а

От Прасковьи Николаевны²⁷⁴ вчера получила письмо жизнерадостного характера: Париж увлекает ее. Если вздумаете посмотреть „Грозу“, то я пришлю Вам казенное кресло.

103

1907. IX. 12

Дорогая Мария Гавриловна.

Сердечно благодарю Вас за милое и заманчивое приглашение посмотреть Вас в „Грозе“,²⁷⁵ но увы, воспользоваться им на этой неделе никак не могу: я получил Ваше письмо от 5/IX лишь сегодня, ибо еще не переехал на новую квартиру, а буду там лишь в субботу, когда у меня будет на целую неделю „хаоса бытность довременна“, при которой нечего и думать о театре. Но если бы после 22-го Вы нашли возможным дать мне посмотреть Вас в „Грозе“ (я видел Снеткову²⁷⁶ и Федотову²⁷⁷), то Вы бы весьма порадовали.²⁷⁸

Душевно Ваш А. К о н и

104

(28 января 908)

Я так хотела лично поздравить Вас, дорогой Анатолий Федорович²⁷⁹, и сговорила быть у Вас вместе с Верой Васильев-ной.²⁸⁰ Не сообразила, что генеральная репетиция²⁸¹ затянется до шести, а вечером участвую в концерте (Городск. Дума) в пользу студентов. Крепко целую Вас и шлю самые сердечные пожелания здоровья.

Ваша С а в и н а

105

1908. III. 23

Дорогая Мария Гавриловна, со счастьем буду ожидать Вас в пятницу, от 2-х до 4-х дня. Поговорим о Тургеневе и я, в свою очередь — попрошу у Вас разрешения прочитать Вам страничку моих воспоминаний о нем, приготовленных к печати.²⁸²

Душевно Ваш А. К о н и

Глубокоуважаемый и дорогой Анатолий Федорович.

Только сейчас вернулась из Финляндии, где провела 10 дней из-за бронхита и, увы, привезла его обратно. Нашла Вашу очаровательную *carte-postale* и спешу поблагодарить Вас от всего сердца за милую память и внимание. Прощаю, что Вы состарили меня на две недели,²⁸³ а ведь в мои годы каждый день дорог. Совсем вы стали невидимкой. Я в этом сезоне так много играла, что сама, кроме присных театру, никого не видела и нигде (кроме двух спектаклей Дуэ) не была.²⁸⁴ Очень хотела бы поговорить с Вами по поводу того, как ко мне пристают с письмами Ивана Сергеевича, придираясь к 25-летию со дня его кончины. 25 лет я свято хранила их и кроме Вас (да и то одно письмо) никто не видал их. Если бы Вы уделили мне свободную минутку на этой неделе (днем), я пришла бы взглянуть на Ваше новоселье.²⁸⁵ 5-го апреля уезжаю в Одессу и Киев (милый юг!) на гастроли,²⁸⁶ а потом в Карлсбад, где надеюсь встретить Прасковью Николаевну.²⁸⁷ Крепко жму Вашу руку и жду ответа.

Ваша Савина

23. III. 08

7

4. IV. 08

Дорогой Анатолий Федорович.

Исполняя Ваше приказание, посылаю фотографию²⁸⁸ и пьесу „Склеп“, которую следовало бы назвать: „пьяная Россия“. Если захотите обрадовать меня несколькими строчками, то до 20 апреля я должна быть в „любезной мне Одессе“, Ришельевская, 17.

Целую Вас трижды и заранее поздравляю со Светлым праздником.

М. Савина

108

Одесса, 11 апреля 1908

Вы не ошиблись, дорогой Анатолий Федорович: березки доставили мне большое удовольствие, а Ваше милое внимание — еще больше. Что касается г-жи Эльдиновой, то я в большом затруднении. В первый раз в жизни слышу эту фамилию, а „устроить“ совершенно неизвестную мне актрису никогда не возьмусь. Кроме того в Красном селе играют только артисты императорских театров, и в Павловске группа составлена из них же. Прикажите мне

исполнить что-нибудь другое. Юг встретил меня негостеприимно: один день было тепло, а теперь дошло до снега — и я, конечно, простудилась. Репетирую два раза в день — и лба некогда перекрестить в такие дни.²⁸⁹ Будьте здоровы и благополучны. Крепко жму Вашу руку и еще раз поздравляю с праздником.

Ваша Савина

109

1908. VIII. 15. Берлин.

Дорогая и сердечно уважаемая Мария Гавриловна, — в последние дни моего пребывания в Петербурге до меня доходили вести о Вашем сильном нездоровьи. Нужно ли говорить Вам, как это меня тревожило. Под конец жизни (а мой, повидимому, очень близок) и оглядываясь назад, мало видишь людей, которые до последних дней сохранили притягательную силу духовной прелести, физического обаяния и умения воздействовать на душу. Когда немного остается существовать — вспоминаешь, что нужно покинуть — с сожалением природу, искусство и очень немногих людей. Дав мне жизнь в России, природа в Вашем лице дала мне высокую возможность насладиться и восхищаться искусством. Кроме того нас соединяют и некоторые личные воспоминания о днях печали и грусти. Но „что прошло, то будет мило“. Вот почему я был и продолжаю быть очень встревожен слухами о Вашем нездоровьи. А спросить — в летнем пустынном Петербурге — было не у кого... Теперь приближается сезон и Вы, быть может, уже дома. Вот я и пишу Вам, лежа в Берлине в клинике внутренних болезней, куда меня уложили здешние врачи в виду совершенно невозможного состояния моего сердца. К нему применяются стихи Байрона, говорящего обо всем, пережитом его сердцем:

„И вот — оно уж вынести не может!
То, что вынесло оно“.

Так и с моим. И это „очень обидно“, ибо теперь настала для меня деятельность, на которой я чувствую, что могу быть очень полезен, вступив в наиболее свойственное мне амплуа „резонеров“ — в Государственном Совете.²⁹⁰ Когда меня выпустят и куда затем пошлют — не знаю еще, но во всяком случае раньше Октября не вернусь. Покуда я лег в больницу — я успел посетить здесь дважды театр (что так редко удается мне в Петербурге) — и видел пьесу „Im Walzertraum“.²⁹¹ Я не узнал моих милых скромных немцев: какая роскошная постановка, какие декорации — и какая „откровенность“ исполнения. Это будет почище французов... Если захотите меня обрадовать — черкните строчку

в Berlin—Postlagern Herrn Kony, который целует Ваши ручки.

Я написал воспоминания о Толстом²⁹² и приказу прислать Вам оттиск, но с просьбою *прочсть* и сказать мне мнение. А бедная В. В. Т.²⁹³ как больна, Господь с Вами.

110

(1908. VIII. 31)

Дорогая Мария Гавриловна — спешу поблагодарить Вас за письмо и поскорбеть, что Вы все-таки не сказали своего мнения о моей статье.²⁹⁴ Знаки восклицания меня не удовлетворяют, — я могу за ними подозревать? или... Ну бог с Вами. О гнусности с Вами содеянной узнал уже из письма Стасюлевича и писал Вам по этому поводу открытку;²⁹⁵ о гнусном чествовании Тургенева увидел из газет.²⁹⁶ Вы одна умеете его ценить как следует, и радуюсь Вашей афише безмерно.²⁹⁷ Но что меня ужасает, так это судьба несчастной вдовы нашего милого Василия Даниловича:²⁹⁸ в течение четырех лет она потеряла дочь, мужа и двух взрослых сыновей — и при этом несведуща в жизни как мокрая курица. Храни Вас господь. Я плохо поправляюсь, но все-таки вернусь к 15-му (пора начинать лекции в Лицее).

Душевно Ваш А. Кони

111

8/21. IX. 08

Дорогой Анатолий Федорович.

Я не владею Вашим пером и могу только ахать, т. е. ставить знаки восклицания. А Вы все кокетничаете, спрашивая мое мнение. Вам оно хорошо было известно, когда Вы давали читать мне „корректуру“.²⁹⁹ Кто же может написать лучше? А уж что писали вообще... Я все это время серьезно хворю, хотя аккуратно исполняю свои обязанности по службе. Благодаря сильному сердцебиению не могла писать, потому и опоздала с ответом на Ваше письмецо. А что Вы скажете о статье „М-г Экривенко“ во вчерашнем № Нов. Времени?³⁰⁰ Двадцать пять лет я молчу о Тургеневе, а мне приписывают то, что и не снилось. Если Вас зовут на лекции, т. е. необходимо вернуться, то нечего делать, а любя Вас, я посоветовала бы подальше отойти, подальше от Петербурга с его слепотою внешней и внутренней. Или уж это у меня такое настроение в данную минуту... Целую Вас, дорогой Анатолий Федорович. До свиданья.

Савина

28 марта 1909 г.

„Забытый“. Вашу прелестную картинку с такими добрыми пожеланиями я получила накануне моего отъезда — вернее побега. в Одессу и рассчитывала ответить Вам оттуда, дорогой Анатолий Федорович, но... собралась я на юг совершенно неожиданно и с большой радостью, придравшись к случаю поехать навстречу Анатолию Евграфовичу³⁰¹. Его спутник был вытребован экстренно домой, а для Анатолия Евграфовича рано было и опасно возвращаться из тропической жары в наш климат. Узнав, что я „не нужна“ для Гоголевских спектаклей,³⁰² а перед ними поставили „Дядю Ваню“³⁰³ тоже без меня, я воспользовалась случаем, взяла отпуск на две недели и умчалась в Александрию или хотя бы в Константинополь. Увы... В вагоне схватила простуду, слегла в Одессе и, пролежав в холодном номере десять дней, сегодня вернулась с сухим плевритом, не видав солнца. „Существовал ли в Венеции дворянин несчастнее меня?“ — говорится в одной из пьес Лопе де-Вега. Ничего и никого, кроме доктора, я не видала, но, в утешение, солнце засияло во всей красе в момент моего отъезда на вокзал. Анатолий Евграфович очень похудел и необычайно загорел: медно-красное лицо и руки изъедены комарами. Рассказывает он чудеса о своем путешествии, очень доволен и чувствует себя куда хорошо. Прилагаемую картинку хотела послать Вам из Одессы, — да забыла Ваш новый адрес.³⁰⁴ Прилагаю — хотя она не хороша. Целую Вас, дорогой Анатолий Федорович.

Савина

113

23/VI. 09

Примите, глубокоуважаемый и дорогой Анатолий Федорович, мое поздравление и самые сердечные пожелания: здоровья, бодрости духа и сил на радость Ваших друзей и почитателей.³⁰⁵ Сейчас отправляюсь в Кронштадт (играть там сегодня), иначе сама пришла бы поцеловать Вас, что делаю заочно.

Ваша Савина

114

909. IX. 27

Надеждинская, 3.

Дорогая Мария Гавриловна, я уверен, что Вы разделите мое негодование по поводу прилагаемой статьи об И. С. Тургеневе³⁰⁶ и мою радость, что раньше ее появления в свет я уже успел „авансом“ оценить ту „мечь врагов и клевету друзей“, которыми она проникнута.³⁰⁷ Когда прочтете — верните мне. Будьте здоровы. Завтра еду в Москву на открытие памятника Гаазу.³⁰⁸

Ваш душевно А. Конн

Дорогой Анатолий Федорович.

Возвращаю статью, прочитанную мною с превеликим негодованием. Какая цель подобного писания? Кто такой „Борис Садовский“? и почему он компилирует только худое о Тургеневе? Почему через двадцать пять лет после смерти понадобилось обливать помоями такое имя? Меня больше всего возмущает безнаказанность таких поступков. „Русский архив“ будет выходить еще сорок семь лет и на основании этой статьи явится еще несколько „Садовских“, которым захочется написать еще несколько „историко-психологических исследований“. Тысячу раз был прав И. А. Гончаров, умолявший не печатать его писем после смерти. Какой-то с луны Б. Садовский лягает Тургенева. Талант писателя, художника, артиста — достояние толпы, а тут подай все. Под видом „чрезвычайного интереса“ анатомирует душу и в большинстве случаев — грязным ножом. „Какой смелый русский народ“ — повторяю я за Гоголем. Крепко жму Вашу руку, дорогой Анатолий Федорович, и благодарю за память. М. Савина

У меня жестокий бронхит и я взяла отпуск на две недели, чтобы „переменить воздух“ по предписанию доктора. Возможен ли Сестрорецк в данное время?

Дорогая, несравненная Мария Гавриловна.

Приношу Вам мою повинную в том, что не поблагодарил за за милый знак внимания — цветы, присланные мне в день моего 66-летия — и в том, что не присоединил моих восторженных рукоплесканий к буре таковых, встречавшей и провожавшей Вас в вечер Вашего бенефиса.³⁰⁹ Я глубоко скорбел об этой невозможности, но с конца января я нахожусь в каторжной работе по Госуд. совету — и всю неделю прошлую у меня было по два и по три заседания в день, а в день бенефиса я должен был говорить в Общем собрании Совета по двум вопросам (во время второй речи мне стало дурно и я на короткий срок потерял сознание от крайней усталости), а вечером неизбежно участвовать в важнейшем заседании Комиссии о старообрядцах. Я это знал заранее и потому и не хлопотал о билете. Не писал же Вам потому, что надеялся, что Вы увидите мою подпись на адресе Кружка имени Полонского. Однако и ее не успел я сделать, не имев времени заехать к Полонским для подписания адреса. Поэтому — не гневайтесь и „поло-

жите гнев на милость". За цветы я Вас своевременно не поблагодарил все потому, что надеялся забежать к Вам лично. Будьте же здоровы и да продлит господь Ваши дни на славу русского искусства.

Ваш душою А. Кони

Я зайду как-нибудь подписать адрес кружка, если позволите.

117

Дорогой Анатолий Федорович.

У меня и в помышлении не было „сердиться“, а я беспокоилась только. Кресло было приготовлено, но я не смела навязывать его, зная, как Вы заняты, но в душе надеялась видеть Вас на моем празднике. Посылаю адрес и сердечно радуюсь увидеть на нем Вашу подпись.

Крепко целую Вас.

М. Савина

4 марта 910

118

910. III. 7

Дорогая, душевно любимая Мария Гавриловна.

Только что вернувшись из Сестрорецкого курорта, нашел я Ваше милое письмо и адрес, который подписав, спешу послать. Я утомился до последней крайности и даже три дня, проведенные в Сестрорецке, не подкрепили меня. Господь с Вами. Благодарю его, что он дал мне быть Вашим современником и хоть изредка созерцать ваш талант. С нежным уважением целую Вашу руку.

А. Кони

119

911. II. 7

Дорогая Мария Гавриловна — в воскресенье 13-го я должен читать лекцию в Еленинском клиническом институте³¹⁰ и поэтому прошу у Вас разрешения придти в другой раз, напр. в субботу 26-го. Время обеда для меня безразлично, и к тому времени (а лучше было бы, если бы и еще...) А. Е.³¹¹ приготовит мне справку о том, кто представлял об ассигновании на убежище и в *каком порядке*. Буду ждать милостивого ответа.

Ваш А. Кони

120

1911. III. 16

дорогая Мария Гавриловна.

С горестью берусь за перо, чтобы сообщить Вам и А. Е.³¹², что из совещания моего с членами нашей (Гос. сов.) Финансовой комиссии я убедился в том, что вопрос об ассигновании 10 т.

в пользу Учреждений театрального общества не может прийти до Государственного Совета, в виду возбуждения вопроса в порядке законодательном,³¹³ а не сметном, т. е. бюджетном, так как отвергнутые Г. Думой законопроекты рассмотрению Г. Совета не подлежат. Очень прискорбно.

Я пришло Вам бумаги, переданные мне на днях.

Душевно Ваш А. Кони

121

1911. VIII. 30
Надеждинская, 3.

Дорогая Мария Гавриловна.

В „Русских ведомостях“ напечатана статья Гальперин-Каминского о „любвях“ Тургенева, которая, в виду известного письма к Вам, должна, вероятно, заинтересовать Вас.³¹⁴ Посылаю ее Вам с просьбою вернуть. Поклон Анатолию Евграфовичу и самый сердечный привет Вам.

Душевно Ваш А. Кони

Довольны ли Вы Вашим летом? Я моим совсем недоволен: усталость, ревматизм и Апухтинская старуха.³¹⁵

122

4 сентября 1911 г.

А как мы ждали все Вас в Кисловодске, дорогой Анатолий Федорович. Я тоже недовольна своим летом. Вернее — я его совсем не ощущала. Не в смысле погоды, а в смысле отдыха. Ан. Евгр.³¹⁶ привезли в Кисловодск на костылях, и четыре недели его там пребывания были для меня совершенно незаметны: личная жизнь ушла куда-то в сторону. Теперь, слава богу, он ходит даже без палки иногда, но боли продолжают. Сезон начался ужасным скандалом с Вашим коллегой, вздумавшим нажаловаться в „Петерб. газету“ на одолевших его якобы „заслуженных“ и вынудившего нас отвечать.³¹⁷ „Беспримерная конфузия“. Репетируем „Труп“.³¹⁸ Но это подлинный труп в смысле сценического представления, и Толстой хорошо понимал это, не давая его на сцену. Даже не конспект пьесы, а только набросок. Мейерхольд³¹⁹ и К⁰ додумались пригласить настоящий хор цыган из уважения к автору и желая доказать бездарность артистов императорской сцены. От пьесы остался бы дивертиссемент, что большей части публики было бы очень приятно. Я заявила, что если такое безобразие допустят, то я отказываюсь от участия. Одобрите? Спасибо большое за присланную вырезку³²⁰ и позволяете задержать ее еще немного для Анатолия Евграфовича: он страшно

занят весь день, а вечером „плохо соображает“, по его словам. Крепко жму Вашу руку, дорогой Анатолий Федорович, и надеюсь увидеть Вас скоро на Карповке. „Лишь только позвоните“, как поется в каком-то водевиле...

Ваша Савина

123

15|IX. 1911

Возвращаю Вам, дорогой Анатолий Федорович, присланную статью с большой благодарностью.³²¹ Мне бросилась в глаза тождественность некоторых фраз в письмах И. С. и поразила верность характеристики, сделанная Я. П. П. Мне очень хочется за-сесть в угол, в тишину и перечитать мой „ценный материал“,³²² но... ни угла, ни тишины, ни времени в Петербурге нет и быть не может. Все куда-то спешу, куда-то надо бежать, и все чужие дела. Хотите ли Вы видеть пьесу Толстого? 22-го первое представление³²³ и я могу достать Вам место (я знаю, какое Вы любите), если Вы сегодня сообщите Ваш ответ по телефону. Когда же Вы соберетесь обедать к нам. Целую Вас.

Савина

124

911. IX. 16

Очень благодарю Вас, дорогая Мария Гавриловна, за Ваше милое предложение, но, увы, воспользоваться им не могу, ибо — нездоровится, много дела и самая пьеса по моему мнению (я ее слышал в чтении) слаба. Едва ли бы сам Толстой решился ее в таком необработанном виде поставить.³²⁴ Относительно обеда — я в Вашем распоряжении каждую субботу, кроме 1 октября. Я кончаю лицей в 4 часа и могу быть с 1/25 в Вашем распоряжении. Выберите день сами.

Ваш душевно А. Кони

125

22 сентября 911

Я расхворалась, дорогой Анатолий Федорович, меня усылают на Юг и 1 октября намерена двинуться в путь. Не еду сейчас потому, что пьеса Толстого идет первый раз в бенефисе вторых артистов и меня упросили сыграть хоть один раз.³²⁵ По возвращении жду Вас обедать каждую субботу, и Анатолий Евграфович присоединяется к моему приглашению. Он начинает ходить с палкой, но все еще плохо себя чувствует. Его тоже посылают в Египет. „Молодые“³²⁶ не годятся никуда. Целую Вас. До свиданья.

М. Савина

26. I. 1912

Шлю Вам, дорогая и несравненная Мария Гавриловна, мои лучшие пожелания к сегодняшнему дню.³²⁷ Не знаю, что просить для Вас у судьбы к нынешнему Вашему празднику? Она дала Вам самый опасный дар — великое дарование, способное возбуждать и зависть и злобу. Но это дарование засияло так ярко и бесспорно, что, как мне кажется, давно уже притаились и умолкли эти гнусные чувства. Пускай же продолжает оно сиять еще долгие, долгие годы, на радость всем знающим Вас.

Ваш А. Кони

127

1912. IV. 24

Дорогая, душевно любимая Мария Гавриловна — Ваши вчерашние розы³²⁸ меня и сконфузили и обрадовали, так что через много лет, если их мне пошлет судьба, я с благодарным чувством буду говорить „Как хороши, как свежи были розы.“ Я все это время так каторжно занят, что когда меня спрашивают, где я провожу все свое время, я отвечаю: „на Сахалине у Синего Моста“.³²⁹ Вот почему мы так давно не виделись... Но если бы в мае Вы назначили мне день и час, когда я могу повидать Вас и Анат. Евгр. (которому усердно кланяюсь), то я явился бы с радостью. Целую Вашу руку и „юж лежу“.

Ваш А. Кони

128

1913

Дорогая Мария Гавриловна, примите сердечные пожелания самого счастливого нового года. Пусть будет он хорош не только для несравненной представительницы искусства (как восхищался я Вами в „Ассамблее“!),³³⁰ но и для самого искусства, которое, в последнее время, начинает обращаться в орудие пошлости и цинизма. Усердно кланяюсь Ан. Евгр.

Ваш А. Кони

129

I. 26. 913

Дорогая Мария Гавриловна, — запряженный в ярмо заседаний Госуд. Совета, я лишен возможности поздравить Вас лично с наступающим днем Вашего Ангела, но шлю Вам самые горячие пожелания здоровья, душевного спокойствия и всего, что есть на божьем свете хорошего. В нынешнем году исполняется 30 лет нашего личного знакомства;³³¹ благодарю Вас сердечно за все отрадное, яркое и светлое, что я из него извлек.

Ваш А. Кони

1913. IV. 27

Дорогая, несравненная Мария Гавриловна.

Только сегодня встал с „одра болезни“, на котором я пребывал в течение двух недель с температурой в $40\frac{1}{2}^{\circ}$ и, разбирая газеты, встречаю известие о том, что Вы повредили себе ногу.³³² Нужно ли говорить, как это меня встревожило, несмотря на то, что, вероятно, с тех пор прошло уже много времени. Не откажите черкнуть мне строчку. Целую Ваши руки.

Ваш А. Кони

29. IV. 13

Дорогой Анатолий Федорович.

Сердечно тронута Вашей заботой и милым вниманием. Моя „нога прошла“, выражаясь литературным языком, а остальное все болит, но лечиться некогда. Теперь я потонула в хлопотах устройства спектакля в пользу Отдела Красного креста и сегодня выпускной акт в школе. Как сбуду все это, позвоню к Вам, а пока крепко Вас целую и радуюсь, что Вам лучше.

Ваша Савина

1913. X. 24

Дорогая Мария Гавриловна.

Извините, что я ограничился лишь подписью на книге³³³ и — притом — довольно неудачно, а не написал Вам немедленно ответа на Ваше доброе и лестное для меня письмо: я был окружен целым сонмом посетителей и всевозможных просителей — и не хотел задерживать Вашу посланную. Теперь же спешу поблагодарить Вас и выразить сердечную радость, что Ваш недуг прошел. Я не мог раньше справиться о Вашем здоровье, потому что сам хворал. Совсем отказывается служить мое сердце. К нему применимы слова Байрона: „И вот — оно уж вынести не может всего, что вынесло оно...“

Ваш отзыв о моей книге³³⁴ мне очень ценен, но я хотел бы, чтобы Вы прочли и II том. Там есть и воспоминания о театре, о Щепкине и т. д. Вам, с Вашим многосторонним умом, могут быть не безинтересны и некоторые речи в Госуд. Совете, хотя бы те, которые касаются женских прав и женской адвокатуры.

Да, бедные Тимофеевские³³⁵ очень огорчены и подавлены и посетить их — доброе дело. А знаете ли Вы, что Ю. М. Ан-

древскую³³⁶ постиг второй удар от закупорки вен в мозгу: она едва передвигается и у нее заплетается язык и мысли.

Можно себе представить, как ей это тяжело при ее жизнерадостности. Господь да хранит Вас.

Душевно Вам преданный А. Кони

133

913. XI. 9

Дорогая Мария Гавриловна.

У меня был барон Дризен,³³⁷ просил быть у него вечером в среду, 20 ноября, чтобы „вспомнить общими силами“ забываемого современною молодежью Тургенева. Он хотел обратиться и к Вам. Как бы это было хорошо, если бы Вы приехали. Ведь мы с Вами немногие из уцелевших его современников... Вот почему и я „бью Вам челом“ дать радость видеть Вас у Дризена.

Как хорошо, что Вы поправились. Как тревожно, когда тучки нездоровья заволакивают яркую звезду нашего искусства...

Вам душевно преданный А. Кони

134

11—XI—13

ул. Литераторов, 17

Дорогой Анатолий Федорович.

Хотя я имею некоторое основание не принять приглашение хозяина, но цель вечера и Ваше чтение возьмут верх над моими соображениями. Благодарю и буду³³⁸ „колы не здохну“, как сказала своим поклонницам М. К. Заньковецкая³³⁹ на вокзале. Целую Вас.

М. Савина

А боли мои все не унимаются, чему способствует новая роль с падением.³⁴⁰ Надо же играть эту роль именно теперь!

135

(19. XI. 13)

Вторник

Дорогой Анатолий Федорович.

Я не решилась бы беспокоить Вас своим посещением, а предполагала поговорить завтра у барона.³⁴¹ Вы забыли о чтении воспоминаний об Иване Сергеевиче? Ведь это завтра, 20-го числа. Спасибо за любезное внимание к моей просьбе и простите, что я утруждаю Вас. До завтра.

Савина

19. XI. 13.

Дорогой Анатолий Федорович.

Умоляю Вас найти сегодня свободную минутку, чтобы прочесть прилагаемую пьесу кумира современной толпы³⁴³ и сказать мне завтра при свидании Ваше мнение. „Чи я дурна“, или он шарлатан, а не драматург.

Завтра репетиция и спор наш должен решиться.

„Вообрази: я здесь одна,
„Никто: меня не понимает...“

Целую Вас.

Савина

20. XI. 13

Дорогой Анатолий Федорович.

Прошу Вас возвратить пьесу³⁴³ моему посланному и еще раз извиняюсь, что беспокою Вас. Затем, увя, еще просьба. — Взгляните на прилагаемую записку и скажите: можно ли мне ходатайствовать об этом несчастном, с женой которого (умершей в прошлом году) я была в дружеских отношениях? Буду ждать исполнения Вашего обещания пообедать у меня как можно скорее.

Целую Вас.

М. Савина

Ах, какие скверные и неверные вещи читал вчера Боря³⁴⁴ от имени Садовникова.

(1914) IX. 20

Дорогая Мария Гавриловна — как здоровье и настроение Ваше? помиловал ли Вас бог, не пустив за границу? и как здоровье Анатолия Евграфовича? Какие мы времена переживаем. Я, впрочем, уверен, что война, как бы она ни кончилась, возродит Россию. Но какова распротокалия Вильгельм?

Душевно Вам преданный А. Кони

1915. I. 25

Заседание Совета.³⁴⁵

Дорогая Мария Гавриловна.

Сию, прикованный, днем и вечером к своему креслу в Государственном Совете по вопросу о борьбе с пьянством — и мыслью

переношусь к Вам и приветствую с наступающим днем Вашего ангела.³⁴⁶ В феврале буду посвободней — и тогда спрошу у Вас разрешения — придти обедать. Господь да хранит Вас для всех любящих Вас и, в том числе — для русского искусства, которое должно быть Вам бесконечно благодарно. Очень кланяюсь Анатолию Евграфовичу.

Сердечно целую Вашу руку.

А. Кони

140

1915. III. 16

Дорогая и сердечно чтимая Мария Гавриловна — приветствую Вас с днем Вашего рождения³⁴⁷ и от души желаю, чтобы новый год Вашей жизни принес Вам здоровье, душевное спокойствие и силы для тех двух служб, которым Вы отдаете себя: страждущему человечеству³⁴⁸ и искусству. Пусть Ваш будущий год, в 1917 году, встретит всех нас в состоянии мира, а не настоящего озлобления, растворившего все клетки „зверинца человеческого сердца“.

У меня два заседания в понедельник (я совсем опутан председательством в трех комитетах, посвящающих всецело или отчасти заботам о раненых и о жертвах войны) и поэтому я, к великому сожалению, не могу принести Вам лично мое поздравление и пожать руку Анатолию Евграфовичу, которому очень кланяюсь.

Душевно Вам преданный А. Кони

Р. С. В „Русском слове“ читал нелепые изобличения по поводу Ревизионной комиссии Театрального общества.³⁴⁹ Вот уж можно сказать много шума из ничего!

¹ Гончаров, Иван Александрович (1812 — 1891) — знаменитый писатель.

² В „Ревизоре“ Гоголя М. Г. Савина с 23 января 1881 г. на сценах императорских театров играла роль Марьи Антоновны, дочери городничего. Впоследствии, с 24 января 1912 г., артистка стала играть жену городничего — Марью Андреевну.

³ С 1882 по 1883 г. включительно М. Г. Савина состояла членом Театрально-литературного комитета при Дирекции импер. театров и аккуратнейшим образом посещала все его заседания, на которых происходила литературная и сценическая оценка пьес, представляемых авторами в дирекцию.

⁴ Речь идет о пьесе отца А. Ф. Кони — драматурга, театрального критика, издателя и редактора журнала „Пантеон“ — Ф. А. Кони (1809 — 1879) — „Не муж, а золото“, комедия в двух действиях, в стихах.

⁵ И. А. Гончарову предстояла глазная операция.

⁶ 31 декабря 1882 г. исполнилось 50 лет литературной деятельности И. А. Гончарова. Болезнь глаз писателя помешала торжественному чествованию, но друзья писателя чествовали Гончарова в тесном кругу и преподнесли ему кабинетные часы, украшенные бронзовым бюстом молодой девушки, с надписью „Марфинька“ — имени героини „Обрыва“. В этом подношении и чествовании участвовали: А. Ф. Кони, А. Н. Пыпин, А. А. Краевский, М. М. Стасюлевич, К. Н. Арсеньев, Я. П. Полонский, В. Д. Спасович, Е. И. Утин и Д. И. Цертелев.

⁷ Дети лакея И. А. Гончарова, к которым он относился с глубокой нежностью.

⁸ Асенкова, Варвара Николаевна (1817 — 1841) — артистка Александринского театра. Обаяние молодости, красоты, изящества и таланта доставило ей громадную славу, в разгаре которой, на 24-м году жизни, она скончалась от скоротечной чахотки. Портрет Асенковой (литография Gravedona с портрета работы Гау) украшал гостиную Савиной. Под этим портретом, в рамке, под особым стеклом имеется собственноручная надпись Савиной: „Этот портрет получен мною от Елис. Матв. Левкеевой 1-й, за две недели до ее смерти, со словами: „Пусть он напоминает тебе, — Савушка, что сцену бросать нельзя“. М. Савина“. Ленингр. Театральный музей.

⁹ Самойлова, Вера Васильевна (1824 — 1890) — известная драматическая артистка Петерб. импер. театров. Оставила сцену в расцвете таланта 18 февраля 1853 г., выйдя замуж за полковника А. М. Мичурина. Изыщество, задушевность и правдивость в выражении душевных движений на сцене были характерными чертами ее дарования. С исключительным мастерством играла роли светских женщин в комедии и драме. Мать народной артистки Республики В. А. Мичуриной-Самойловой. М. Г. Са-

вина могла ее видеть еще и на сцене, но уже в любительских спектаклях, в которых В. В. Самойлова нередко участвовала во второй половине 70-х годов. В одном из некрологов Самойловой вот что говорится о последнем свидании М. Г. Савиной с артисткой: „Незадолго до кончины она (т. е. В. В. Самойлова) пригласила к себе нашу артистку М. Г. Савину и убеждала ее не изменять своему призванию, которое всегда считала святым для художника, обладающего творческим огнем...“ („Всемирн. иллюстр.“ 1881, № 1). В дневнике своем М. Г. Савина об этом свидании записала следующее: „Ее мать (т. е. В. А. Мицуриной-Самойловой) знаменитая Вера Васильевна Самойлова, умирая, послала мне сказать через своего племянника, что хочет меня видеть. Результатом нашего свидания было мое обещание, почти клятвы — помочь Вере (т. е. В. А. Мицуриной) при поступлении на сцену...“ (Ленингр. Театральный музей).

¹⁰ „Красавец-мужчина“ — комедия А. Н. Островского, впервые представленная на сцене Александринского театра в прощальный бенефис Ф. А. Бурдина. С января 1883 г. М. Г. Савина исполняла в этой пьесе роль Зои.

¹¹ М. Г. Савина познакомилась с И. А. Гончаровым в 1874 г. и до последних дней жизни писателя поддерживала с ним самые горячие дружеские отношения. На главном листе первого тома „Обыкновенной истории“, поднесенного артистке, И. А. Гончаров сделал следующую надпись: „Славной артистке, очаровательной женщине и милой, доброй приятельнице Марии Гавриловне Савиной — сердечное приношение от старика-автора на доброе о нем воспоминание. И. Гончаров, 4 марта 1887 года“. „Эта книга одна из самых дорогих для меня моих вещей, — писала артистка, вспоминая И. А. Гончарова. — Я часто перебираю ее страницы и часто вспоминаю человека, написавшего эти несколько строк, — его добрые, кроткие глаза, его тихую, ласковую речь...“ („Отрывки из воспоминаний М. Г. Савиной“ — „Петербургск. газета“ 1894, № 29). Умирая, Гончаров завещал ничего не печатать из его писем, и Савина свято хранила его волю и при своей жизни не напечатала и не огласила ни одного из тех многочисленных душевных, милых, остроумных посланий, которыми он ее часто баловал. Если не ошибаемся, М. Г. Савина сожгла письма И. А. Гончарова. „Обрыв“ был любимым произведением М. Г. Савиной, и она с глубоким чувством играла 9 февраля 1913 г. роль Татьяны Марковны Бережковой в спектакле Литературного фонда в ознаменование 100-летия со дня рождения И. А. Гончарова.

¹² Юлия Михайловна Андреевская.

¹³ Мердер, Надежда Ивановна (1839—1908), писавшая под псевдонимом: Северин. Ее пьесы „Супружеское счастье“ (1883), „За Волгой“ (1887) — в сотрудничестве с П. М. Свободным и „Генеральша Матрена“ (1896) — в сотрудничестве с В. А. Крыловым имели успех в Александринском театре. В письме идет речь о „Супружеском счастье“ (комедия-шутка в трех действиях), шедшем впервые на сцене 27 апреля 1883 г. М. Г. Савина играла в комедии роль Ольги.

¹⁴ И. С. Тургенев умер в Буживале, под Парижем, 22 августа 1883 г.

¹⁵ О взаимоотношениях И. С. Тургенева и М. Г. Савиной см. „Тургенев и Савина“, с предисловием и под редакцией почетного акад. А. Ф. Кони, при ближайшем сотрудничестве А. Е. Молчанова. Изд. Гос. театров, Пгр. 1918.

¹⁶ Село Спасское-Лутовино, Орловской губ., Мценского уезда — родовое имение И. С. Тургенева.

¹⁷ В комедии Тургенева „Месяц в деревне“ Савина в роли Верочки играла с 17 января 1879 г. и создала обаятельный образ девушки, едва отдающей себе отчет в том, что в сердце ее зародилось чувство любви.

¹⁸ То есть в траурные дни Тургенева.

¹⁹ И. С. Тургенев скончался, окруженный наиболее близкими ему людьми. У его смертного одра были: Полина Виардо, ее сын, две ее замужние дочери — Марианна и Клавдия — и их мужья — Дювернуа и Шамро, из русских — кн. А. А. Мещерский. Предсмертная агония Тургенева началась утром 21 августа (2 сентября н. с.). Кн. А. А. Мещерский, приехавший в Буживаль из Парижа в 10 ч. утра этого дня, застал его уже страшно ослабевшим. Знаменитый писатель лежал на постели с полузакрытыми глазами, зрачки которых уже закатывались. Лицо его, однако, сохраняло спокойное выражение. Все семейство Виардо было в сборе. В бреду он узнавал только Полину Виардо и называл ее „парлицеу цариц“. В таком состоянии Тургенев провел весь день 21 августа. Ночь он пережил сравнительно спокойно. 22 августа около полудня в комнату умирающего вошел художник В. В. Верещагин и громко зарыдал. К двум часам все было кончено. Тургенев скончался, не произнеся ни одного связного слова. Черты лица скончавшегося приняли спокойный, необыкновенно ласковый и мягкий отпечаток. (Подробнее см. „Последние минуты И. С. Тургенева“ — „Всемирн. илл.“ 1882, № 767.)

²⁰ Так в последние минуты жизни назвал Тургенев Полину Виардо. Дочь и ученица своего отца, знаменитого некогда тенора Гарсиа, Полина Гарсиа (1821—1910) — по мужу Виардо — знаменитая певица, композитор и даровитый педагог, сестра знаменитой Марии Малибран — украшала итальянскую оперу в Петербурге в 40-х и 50-х годах прошлого столетия, обладая исключительно по красоте и объему меццо-сопрано самого нежного тембра.

²¹ Об этом см. А. Ф. Кони „На жизненном пути“, т. II (СПб. 1913), стр. 80—85.

²² Этот интимный вечер памяти И. С. Тургенева состоялся на квартире Савиной 7 сентября 1889 г. На нем присутствовали только двое: М. Г. Савина и А. Ф. Кони — душевные почитатели Тургенева. Весь вечер прошел в сердечных воспоминаниях о писателе.

²³ Барон Кистер, К. К. (1821—1893) заведывал императорскими театрами в 1875—1881 гг.

²⁴ Билет представляет небольшую четырехугольную карточку розового картона, на одной стороне которой в вытесненной по краям виньете напечатано: „Креслы. № 82 (цифра приписана от руки). В. Н. Асенкова“. На другой стороне: „Порядок спектакля: 1) „Граф Литограф или Честолюбивая штопальщица“, вод. в 1 д. Д. Т. Ленского, 2) „Параша Сибирячка“, русская быль в 2 д. с эпилогом, соч. Н. А. Полевого, 3) „Ножка“, вод. в 1 д. П. А. Каратыгина и 4) „Фальшивая тревога“, вод. в 1 д. Н. А. Коровкина. Начало в 6 $\frac{1}{2}$ часов“.

²⁵ 10 сентября 1883 г. был двадцатый день кончины И. С. Тургенева.

²⁶ Топоров, Александр Васильевич (1831—1887) — поверенный по делам Тургенева, один из преданных Тургеневу людей.

²⁷ Громова, Пелагея Кузьминична (1819—1887) — артистка Александринского театра, талантливая исполнительница комических ролей.

²⁸ Марковецкий, Семен Яковлевич (1817—1884) — комический актер Александринского театра.

²⁹ Левкеева, Елизавета Матвеевна (по мужу Юнг) — актриса Александринского театра. Даровитая исполнительница ролей в репертуаре Островского, создательница Липочки („Свои люди“), Варвары („Гроза“) и др. На сцене пробывала с 1845 по 1881 г. Скончалась 19 февраля 1881 г. Дружила с Савиной.

³⁰ Сохранилось предание, что чахоточная В. Н. Асенкова после пер-

вых же дебютов, не достигнув еще восемнадцати лет, сделалась фавориткой брата Николая I, вел. кн. Михаила.

³¹ Горбунов, Иван Федорович (1831—1895) — артист Александринского театра, известный писатель и рассказчик. 14 сентября праздновал свои именины. В этот день собирались у него артисты, писатели, общественные деятели.

³² 27 сентября 1883 г., в день похорон И. С. Тургенева, в Александринском театре была дана комедия „Месяц в деревне“ с Савиной в роли Верочки.

³³ „Последнее свиданье“ — стихотворение в прозе Тургенева.

³⁴ 2 сентября 1883 г. Комитетом Литературного фонда в зале Петербургского кредитн. общества был устроен вечер в память И. С. Тургенева, в котором, между прочим, участвовала и Савина. Артистка прочла письмо из рассказа Тургенева „Фауст“ о смерти Верочки. Хотя рассказ по содержанию более подходит под мужское чтение, но Савина, как опытная артистка, умело выполнила свою задачу. Каждое слово, даже произнесенное почти шопотом, отчетливо и вполне было слышно в отдаленных углах залы. Оканчивая чтение словом „прощай“, артистка, видимо, не могла сдержать охватившего ее волнения и со слезами на глазах оставила эстраду. Последовал троекратный вызов, сопровождавшийся выражением шумного одобрения“ („Литературные поминки Тургенева“ — „Петербургск. газета“ 1883, № 288), А. А. Потехин читал „Живые мощи“, а В. Н. Давыдов — „Певцы“ Тургенева. Д. В. Григорович читал четыре вещи из „Стихотворений в прозе“.

³⁵ П. В. Анненков опровергал сложившееся в обществе мнение о Тургеневе, как о добродушном, мягкосердечном человеке, и в доказательство привел неуместный рассказ о том, как Тургенев, нуждаясь (после разрыва с матерью), похищал хлеб в трактире. Исчезновение хлеба в большом количестве было замечено хозяином, который обвинил в этом лакея. Впоследствии Тургенев разыскивал пострадавшего по его вине человека, чтобы вознаградить за испытанные страдания, но розыски оказались тщетными.

³⁶ На Высших женских (Бестужевских) курсах Савина участвовала во всех концертах и спектаклях в пользу „Общества для доставления средств Высшим женским курсам“.

³⁷ „Неосторожность“ предполагалось поставить по инициативе Савиной 7 декабря 1883 г. в Большом театре в спектакле в пользу „Общества для пособия нуждающимся сценическим деятелям“. Спектакль был отменен по болезни Савиной.

³⁸ Масловский, Александр Федорович — тов. прокурора Судебной палаты. Альбом заключал в себе: портрет писателя, автограф и статьи, вызванные его смертью.

³⁹ А. В. П-в — „Из воспоминаний об И. С. Тургеневе“ — „Новое время“ 1883, № 2731.

⁴⁰ А. Ф. Кони самым сделано примечание: „Объяснений давать не хотелось бы. Это интимные душевные страдания“.

⁴¹ Савина 5 марта 1884 г. в зале Кононова устраивала литературно-музыкальный вечер в пользу Вспомогательной кассы музыкальных художников, в котором участвовали: Каменская, проф. Зейферт, проф. Вурм, Montaland, Vaibel и др.

⁴² Тарновский, Ипполит Михайлович (1833—1899) — врач, постоянно лечивший Савину.

⁴³ Андреевские, Сергей Андреевич и его жена Юлия Михайловна — большие друзья Савиной.

⁴⁴ „И. С. Тургенев у себя в его последний приезд на родину“. Из воспоминаний Я. П. Полонского. — „Нива“ 1884, № 1—8.

⁴⁵ П. В. Анненков „Молодость Ивана Сергеевича Тургенева 1840—1856“. „Вестник Европы“ 1884, № 2.

⁴⁶ Полонский, Яков Петрович (1820—1898) — известный поэт и драматург, и жена его Жозефина Антоновна (рожд. Рюльман) — душевные друзья Савиной. См. ст. А. Ф. Коня: „Памяти Ж. А. Полонской“, „Вестник литературы“ 1920, № 1.

⁴⁷ Савина в шутку называла „семейством Виардо“ Юлию Михайловну и Сергея Аркадьевича Андреевских.

⁴⁸ Боткин, Сергей Петрович (1832—1889) — известный клиницист.

⁴⁹ Памятник на могиле И. С. Тургенева на Волковом кладбище открыт 16 июня 1884 г. и представляет собою большую плиту из полированного черного сердобольского гранита. Надпись на камне ограничивается словами: „Иван Сергеевич Тургенев“, под которыми даты „1818—1883“. Бюст писателя, работы Полонской, установлен в день второй годовщины смерти Тургенева, 22 августа 1885 г.

⁵⁰ Жозефина Иосифовна Сетгоффер — компаньонка Савиной.

⁵¹ По мужу. Никита Никитич Всеволожский (1846—1896), офицер Конного полка, второй муж М. Г. Савиной, глубокая привязанность к которому принесла артистке много счастья, но и много страданий.

⁵² „Нора“, — драма Ибсена, шла в бенефис Савиной 8 февраля 1884 г. в Большом театре. Доктора Ранка играл И. П. Киселевский, не зная роли, бледно, деревянно.

⁵³ Никита Никитич Всеволожский, муж М. Г. Савиной.

⁵⁴ Театр Вагнера в Байрете был открыт в 1876 г. и стал местом, куда в летнее время съезжались со всех стран любители музыки, желавшие ознакомиться с образцовым исполнением вагнеровских опер. В этом театре в 1882 г. была впервые дана опера Вагнера „Парсифаль“.

⁵⁵ Ришпен (Jean Richerpin) (1849—1926) — французский поэт.

⁵⁶ Кока (Николай Николаевич Соболев) остался круглой сиротой после смерти матери, Елены Гавриловны Стремляновой (сестры Савиной), и был воспитан с нежной заботой Савиной.

⁵⁷ Елена Гавриловна Стремлянова (1857—1883) — родная сестра М. Г. Савиной, артистка Александринского театра.

⁵⁸ То есть Полины Виардо.

⁵⁹ Из воспоминаний Я. П. Полонского „Иван Сергеевич Тургенев у себя, в его последний приезд на родину“. — „Нива“ 1884, №№ 1—8.

⁶⁰ Критический этюд В. П. Буренина „Литературная деятельность Тургенева“, „Новое время“ 1883, №№ 2705, 2712, 2726, 2733 и 2740.

⁶¹ „Молодость И. С. Тургенева 1840—1856“ П. В. Анненкова. — „Вестник Европы“ 1884, № 2.

⁶² „Первое собрание писем И. С. Тургенева. 1840—1883“. — „Издание Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым“, СПб 1884.

⁶³ Катков, Михаил Никифорович (1818—1887) — публицист, редактор „Московских ведомостей“, издатель-редактор „Русского вестника“ — ярый защитник самодержавия.

⁶⁴ Маркевич, Болеслав Михайлович (1882—1884). Под псевдонимом „Иногородный обыватель“ напечатал в „Московских ведомостях“ статью с нападка на Тургенева по поводу устроенных ему молодежью оваций в 1879 г., вызвавшую ответ И. С. Тургенева (см. „Письмо к редактору „Вестника Европы“ — и несколько слов по поводу его“. — „Вестник Европы“ 1880, № 2 и ранее: „Молва“ 1879, № 30, декабрь).

⁶⁵ Гаевский, Виктор Павлович (1826—1888), — присяжный поверенный, литератор, один из основателей и деятельных членов Литературного фонда.

⁶⁶ „XXV лет“ (1859—1884). „Сборн. Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым, СПб 1884. Здесь были напечатаны стихотворения И. С. Тургенева, не вошедшие в „Полное собрание сочинений“: 1) „Графиня Донато“. Начало поэмы, 2) „Филиппо Стродзи“, 3) „С кем спорить?“ и 4) „Строфы из поэмы“.

⁶⁷ Маслов, Иван Ильич — большой приятель И. С. Тургенева.

⁶⁸ Топоров, Александр Васильевич. См. прим. 26.

⁶⁹ Относится к фильтону П. Д. Боборыкина „Папеньки и маменьки“. — „Новости“ 1884, № 315.

⁷⁰ В. Н. Житова, „Воспоминания о семье И. С. Тургенева“. — „Вестник Европы“ 1884, кн. 11 и 12. (В. Н. Житова — б. воспитанница матери И. С. Тургенева.)

⁷¹ Никита Никитич Всеволожский, муж Савиной.

⁷² Савина говорит о „Чародейке“, трагедии И. В. Шпагинского, поставленной первый раз 12 ноября 1884 г. Роль Настасьи играла М. Г. Савина. Пьеса имела громадный успех.

⁷³ Дело об убийстве Сарры Беккер, в котором обвинялись отставной полковник Иван Миронович, отставной поручик Михаил Безак и дворянка Екатерина Семенова; слушалось в Петерб. окружн. суде, в ноябре 1884 г.

⁷⁴ Трагедия Д. В. Аверкиева „Столичный слеток“ была представлена в Александринском театре 23 ноября 1884 г., в бенефис А. И. Абариновой, и успеха не имела. Савина играла Ольгу, М. М. Петипа — Петра Лукича и А. С. Павчин — Семена Тенькова. То, что у Тургенева облечено в сжатую форму и проникнуто большою силою драматизма, — у Аверкиева вышло бесцветным, водянистым и натянута.

⁷⁵ В зале Министерства иностранных дел в пользу Красного креста 19 декабря был дан благотворительный спектакль по особым приглашениям, в котором впервые была представлена пьеса Тургенева „Вечер в Сорренто“, с участием Савиной в роли Марии Петровны. На этот вечер и приглашала артистка А. Ф. Кони. Пьесу Тургенева Савина включила вскоре в программу своего бенефисного спектакля (18 января 1885 г.), и она имела большой художественный успех.

⁷⁶ Об этом рассказывает А. Ф. Кони в своих воспоминаниях „На жизненном пути“, т. II (СПБ 1913), стр. 121—125.

⁷⁷ Комедия Сарду „Divorçons“ шла на сцене Александринского театра в переделке В. Крылова и называлась „Надо разводиться“. Савина играла Шубину.

⁷⁸ „Чародейка“ — трагедия И. В. Шпагинского, первый раз на сцене Александринского театра была дана 12 ноября 1884 г. Савина играла роль Настасьи.

⁷⁹ См. прим. 73.

⁸⁰ „Соль супружества“, — комедия, переделанная с немецкого В. Пенъковским.

⁸¹ Знаменитый процесс города Петербурга с Обществом водопроводов (об устройстве фильтра). Слушался в Петерб. судебной палате под председательством А. Ф. Кони. Представителями сторон в этом деле были М. М. Стасюлевич и В. Д. Спасович.

⁸² Юбилей (50-летней сценической деятельности) артиста Ив. Вас. Самарина праздновался торжественно в Москве 16 декабря 1884 г. В этот праздник внесли свою лепту А. Н. Островский, П. И. Чайковский, А. С. Аренский и др.

⁸³ Юбилей (50-летней сценической деятельности) Вас. Вас. Самойлова праздновался в Мариинском театре 5 октября 1884 г., но не носил того задуманного характера, каким было проникнуто чествование И. В. Самарина в Москве.

⁸⁴ 18 декабря 1884 г. исполнился год со дня смерти сестры М. Г. Савиной — Е. Г. Стремляновой, артистки Александринского театра.

⁸⁵ Лавровый листок с могилы артистки Александринского театра В. Н. Асенковой (1817—1841), наклеенный на лист бумаги со стихотворением Д. Сушкова, посвященным памяти Асенковой.

⁸⁶ 26 января — именины М. Г. Савиной. В этот день А. Ф. Кони ежегодно присылал сердечное поздравление артистке или поздравлял лично.

⁸⁷ Некоторым лицам, к которым А. Ф. Кони питал особое душевное расположение, он в торжественные дни писал на почтовой бумаге, украшенной вытисненным изображением Георгия Победоносца.

⁸⁸ Бенефис Савиной состоялся 18 января 1885 г. Шла пьеса П. В. Корвин-Круковского и С. С. Татищева „Анюта“ с Савиной в заглавной роли. Затем шла в первый раз одноактная пьеса И. С. Тургенева „Вечер в Сорренто“, в которой Савина играла роль Марьи Петровны.

⁸⁹ См. прим. 77.

⁹⁰ Скальковская, Ольга Аполлоновна — жена доктора Льва Бернардовича Бертенсона, бывшая артистка Мариинского театра (1875—1877).

⁹¹ Давыдов, Владимир Николаевич (1849—1925) — артист Александринского театра, впоследствии народный артист Республики.

⁹² Кони поднес Савиной большой гравированный портрет знаменитой актрисы Рашель.

⁹³ Жозефина Иосифовна Сетгоффер, компаньонка М. Г. Савиной.

⁹⁴ Генерал князь Чингис-Хан, — муж артистки Ф. Н. Велинской.

⁹⁵ „Лев Гурыч Синичкин“ — водевиль Д. Т. Ленского.

⁹⁶ „Вот так пилюли, что в рот, то спасибо“, волшебство в трех действиях и двенадцати картинах. Переделано с франц. Д. Т. Ленским.

⁹⁷ Статья А. Ф. Кони, „Памяти Константина Дмитриевича Кавелина“, напечатана в „Русской старине“ 1885. № 6.

⁹⁸ Одно из писем Тургенева Савина, боясь, что ей придет в голову мысль сжечь его, отдала на хранение Кони.

⁹⁹ Кока — Николай Николаевич Соболев, сын сестры Савиной — Е. Г. Стремляновой (Соболевой).

¹⁰⁰ Сива — имяние мужа Савиной, Н. Н. Всеволожского, в Пермской губернии.

¹⁰¹ Юлия Михайловна Андреевская — жена юриста С. А. Андреевского.

¹⁰² Никита Никитич Всеволожский, муж М. Г. Савиной.

¹⁰³ Урусов, Александр Иванович (1843—1900) — известный судебный оратор и публицист.

¹⁰⁴ Крестьянов, Василий Николаевич — тов. председателя окружного суда.

¹⁰⁵ Кедрин, Евгений Иванович, присяжный поверенный.

¹⁰⁶ Кавелин, Константин Дмитриевич (1818—1885) — умеренно-либеральный историк, юрист и публицист.

¹⁰⁷ Плетнева, Александра Васильевна (1826—1901) — вдова известного критика, ректора университета и акад. П. А. Плетнева. См. о ней: „На жизненном пути“ А. Ф. Кони, т. II, СПб 1913.

¹⁰⁸ Савина была вызвана в суд в качестве свидетельницы по делу кордебалетного танцовщика Николая Гензеля, секретаря Ссудо-сберегательной кассы артистов императорских театров, растратившего и присвоившего крупную сумму.

¹⁰⁹ 29 ноября 1885 г. первый раз шла новая пьеса В. Тихонова „Байбак“, где Савина играла роль Наташи.

¹¹⁰ Карабчевский, Николай Платонович — известный адвокат.

¹¹¹ Сергей Аркадьевич Андреевский — юрист, поэт и критик.
¹¹² Ридигер, Николай Егорович — член Петерб. окружного суда, председательствовал на процессе.
¹¹³ Крестьянов, Василий Николаевич — тов. председателя окружного суда.

¹¹⁴ Живкович, Дмитрий Александрович — вице-директор департамента Министерства юстиции.

¹¹⁵ В сезоне 1886—1887 гг. Савина была лишена бенефиса за отказ от роли княгини Надежды в пьесе кн. В. П. Мещерского „Миллион“, которую сыграла только один раз, 11 декабря 1886 г. Многочисленные почитатели таланта артистки все же выразили свои приветствия М. Г. Савиной подношением адреса в день ее именин 26 января 1887 г. Адрес был составлен Д. А. Живковичем и поднесен артистке в Александринском театре. На нем имеется 110 подписей, среди них: А. Кони, И. Репина, Владимира Стасова, Якова Полонского, И. Крамского, В. Спасовича, Петра Вейнберга, Д. Стасова, Над. Стасовой, Н. Бенуа и др. Адрес хранится в Музее Гос. акад. театров в Ленинграде.

¹¹⁶ Знеткова, Феодосия (Фанни) Александровна — артистка Александринского театра. На сцене пробыла очень недолго (с 1856—1862 г.).

¹¹⁷ В ответ на это письмо М. Г. Савина прислала Кони свой фотографический портрет и написала на нем эти же две строки:

„Блажен, кто свой челнок привяжет
К корме большого корабля“;

как бы вновь подтверждая свое решение не бросать казенную сцену.

¹¹⁸ Это относится к фотографии Савиной, присланной Кони в 1887 г. Артистка проживала летом в имении Сива, Пермской губ. Отсюда Кони называет артистку „Пермской незабудкой“.

¹¹⁹ 1887 г. был одним из боевых в артистической деятельности М. Г. Савиной. Она в течение года не выходила из театра. В январе и феврале играла почти каждый день. Весь пост участвовала в многочисленных благотворительных вечерах, а весной уехала в артистическое путешествие (Тифлис, Владикавказ, Ростов, Таганрог, Новочеркасск, Воронеж). Грандиозный успех Савина имела в Тифлисе, где с 10 по 31 мая сыграла 18 пьес.

¹²⁰ Имелось в виду утверждение по „высочайшему повелению“ опеки во избежание объявления несостоятельности Н. Н. Всеволожского.

¹²¹ Гастроли М. Г. Савиной в Тифлисе прошли с выдающимся успехом. Артистка сыграла следующие пьесы: „Общество поощрения скуки“ (Люба), „Нищие духом“ (Кондорева), „Майорша“ (Феня), „Надо развиться“ (Шубина), „Вокруг огня не летай“ (Плешанская), „Как поживешь, так и прослывешь“ (Маргарита Готье), „На хуторе“ (Соня), „Женитьба Белугина“ (Елена), „В осадном положении“ (Лиза), „Последняя жертва“ (Тучина), „Ревизор“ (Марья Антоновна), „Дикарка“ (Варя), „Вечер в Сорренто“ (Елецкая), „Тетенька“ (Пушинская), „Маруся“ (Маруся) и „Гамлет“ с А. И. Южиным (Офелия). Бенефис артистки 1 июня был величественным триумфом артистки.

¹²² Живкович, Дмитрий Александрович — вице-директор департамента Министерства юстиции, автор текста адреса, поднесенного Савиной 26 января 1887 г. в Петербурге.

¹²³ Весенние и летние гастроли 1887 г. Савина закончила в Саратове 30 августа и на другой день выехала в Петербург. 1 сентября на афише Александринского театра было поставлено: „Укрощение строптивой“ Шекспира, с Савиной в роли Катарини, которую артистка исполняла с 30 января 1887 г. Приехав 2 сентября, Савина прямо с вокзала

поехала в театр играть комедию И. Шпажинского „Соловушка“ (роль тети).

¹²⁴ Потехин, Алексей Антипович (1829—1908) — известный писатель, с 1882—1890 г. управлял Александринским театром.

¹²⁵ Роль Настасьи в трагедии И. В. Шпажинского „Чародейка“.

¹²⁶ Буней Сергей Аркадьевич Андреевский называл свою жену Юлию Михайловну. Родившегося у них сына они назвали Александром. Новорожденного Александра Сергеевича в шутку называли Пушкиным.

¹²⁷ Вера Николаевна Андреевская — мать С. А. Андреевского.

¹²⁸ Коломнин, Алексей Петрович (1848—1900) — присяжный поверенный, управляющий делами А. С. Суворина. Позже был одним из инициаторов Литературно-артистического кружка и еще позже товарищем председателя и членом театральной дирекции Литературно-художественного общества (Малого театра в Петербурге).

¹²⁹ Были объявлены несостоятельными Н. Н. Всеволожский и М. Г. Савина (Всеволожская).

¹³⁰ Всеволожский, Никита Никитич (1846—1896) — муж Савиной.

¹³¹ В июле—августе 1887 г. Савина гастролировала в Казани, Самаре и Саратове с большим художественным успехом.

¹³² А. Ф. Кони, „Судебные речи 1868—1888“. СПб 1888 г. На экземпляре, поднесенном М. Г. Савиной, А. Ф. Кони сделал следующую надпись: „Первому сюжету“ русской драматической сцены, ее украшению и опоре — от „полезности“ на русской судебной сцене, переставшей с изданием этой книги быть лицом без речей“.

¹³³ 17 марта — день первого выступления М. Г. Савиной в Петербурге. Она появилась на сцене Благородного собрания 17 марта 1874 г. в роли Елены Васильевны в комедии Л. Н. Антропова „Блуждающие огни“. В определении даты дебюта Савиной Кони ошибается на один день.

¹³⁴ Коломнин, Алексей Петрович (1848—1900), присяжный поверенный.

¹³⁵ На сцене Александринского театра М. Г. Савина первый раз играла 9 апреля 1874 г. (роль Тани в комедии В. А. Крылова „По духовному завещанию“ и роль Невской в переводном водевиле В. И. Родиславского „Она его ждет“). 12 апреля 1889 г. на сцене было отмечено 15-летие сценической деятельности М. Г. Савиной. Артистка выступила в комедии М. Достоевского „Старшая и меньшая“ (роль Авдотьи Петровны) и в комедии П. Гнедича „Женя“ (роль Жени).

¹³⁶ Всеволожский, Дмитрий Андреевич покончил самоубийством в вагоне Балтийской жел. дороги во время хода поезда.

¹³⁷ Савина была объявлена несостоятельной вместе с мужем, Н. Н. Всеволожским. Несостоятельные объявлялись по Торговому Уставу или неосторожными, или *несчастливыми*, или злыми.

¹³⁸ Савина имела ангажемент на гастроли в Нижний-Новгород на 10 спектаклей, с 17 по 27 августа 1890 г.

¹³⁹ В течение апреля и мая 1890 г. Савина была в артистической поездке и играла в Одессе, Николаеве, Таганроге, Ростове, Владикавказе и Тифлисе.

¹⁴⁰ Сципион, Александр Адамович — юрист.

¹⁴¹ В день рождения А. Ф. Кони, 28 января, М. Г. Савина преподнесла А. Ф. громадный букет роз.

¹⁴² Тимофеевская, Вера Васильевна — жена сенатора Виктора Ивановича Тимофеевского, дружившая с Савиной.

¹⁴³ Сандунова, Ирина Семеновна, урожденная Юрьева (1811—1891) — жена Ф. А. Кони и мать А. Ф. Кони, писательница и драматическая

артистка провинциальных, петербургских и московских императорских театров.

¹⁴⁴ Всеволожский, Иван Александрович (1835—1909), бывший (с 1881 по 1899 г.) директором императорских театров.

¹⁴⁵ Труворов, Аскалон Николаевич (1819—1896) — директор Археологического института.

¹⁴⁶ Бильбасова, Ольга Андреевна — дочь А. А. Краевского, издателя „Голоса“ и „Отеч. записок“, жена историка и публициста Василия Алексеевича Бильбасова, внучка артиста Я. Г. Брянского. Задуманный друг Савиной с первого дебюта артистки в Петербурге.

¹⁴⁷ Головин, Владимир Евгеньевич, присяжный поверенный, и жена его Евдокия Платоновна.

¹⁴⁸ Пузыревский, Александр Казимирович — генерал, начальник штаба Варшавского военного округа.

¹⁴⁹ Жулева, Екатерина Николаевна (1830—1905) — заслуженная артистка императорских театров. На сцене была с 1846 по 1905 г. Во времена Савиной исполняла с исключительным мастерством роли гранд-дам.

¹⁵⁰ Тимофеевская, Вера Васильевна.

¹⁵¹ С 8 по 30 июля 1893 г. М. Г. Савина гастролировала в Севастополе, Симферополе, Ялте, Феодосии, Бердянске и Мариуполе.

¹⁵² А. Ф. Кони переехал с Караванной улицы (дом № 20) на Фурштатскую (дом № 27).

¹⁵³ С 1 мая 1893 г. управляющим труппой Александринского театра был назначен Виктор Александрович Крылов, сменивший Петра Михайловича Медведева, который именовался „главным режиссером“.

¹⁵⁴ Крылов, Виктор Александрович (1838—1906) — драматический писатель, переводчик и театальный критик. С 1 мая 1893 г. по 1 мая 1896 г. был управляющим труппой Александринского театра. Его сменил Евт. Павл. Карпов.

¹⁵⁵ Первое выступление М. Г. Савиной в сезоне 1893—1894 г. состоялось 8 сентября 1893 г. в роли Настасьи в трагедии И. В. Шпажинского „Чародейка“.

¹⁵⁶ Первое по возобновлению представление комедии А. Н. Островского „Горячее сердце“ состоялось не 16-го, а 23 сентября 1893 г. в Александринском театре. Савина играла роль Параша.

¹⁵⁷ Николай Николаевич Соболев — племянник Савиной.

¹⁵⁸ В четверг 27 января 1894 г. в Александринском театре состоялся бенефис Савиной, носивший особенно торжественный характер, так как он совпал с 20-летием сценической деятельности Савиной в Александринском театре.

¹⁵⁹ В свой бенефис 27 января 1894 г. Савина поставила „Дворянское гнездо“ (драма П. И. Вейнберга, переработанная для сцены из известного романа И. С. Тургенева). Роль Лизы исполнила бенефициантка. Второй пьесой бенефиса была комедия-балет А. А. Шаховского „Батюшкина дочка, или Нашла коса на камень“ с Савиной в роли Любушки.

¹⁶⁰ Вейнберг, Петр Исаевич (1830—1908) — поэт, критик, переводчик, профессор литературы, дружелюбно относившийся к Савиной.

¹⁶¹ Кони был в заграничном путешествии (Маршрут: Петербург, Вена, Земмеринг, Венеция, Флоренция, обратно — Рим, Висбаден, Берлин).

¹⁶² Кони присутствовал в театре в Варшаве 25 марта 1894 г. на представлении комедии М. И. Чайковского „Симфония“ с Савиной в роли Елены Протич. Гастроли М. Г. Савиной в Варшаве (с 25 марта по 4 апреля 1894 г.) прошли с выдающимся успехом.

¹⁶³ Комедия М. И. Чайковского „Симфония“ была представлена первый раз 2 ноября 1890 г. на сцене Михайловского театра в Петербурге.

¹⁶⁴ „Дворянское гнездо“ — драма П. И. Вейнберга, по роману И. С. Тургенева.

¹⁶⁵ Часть этих предположений не была осуществлена. В указанный маршрут были внесены изменения. Поездка закончилась в Екатеринославе в конце июля, откуда Савина приехала в Петербург. Мысль о Карлсбаде была оставлена, и артистка (с 19 июля по 7 августа) играла в Красносельском театре, а с 8 по 24 августа гастролировала в Воронеже.

¹⁶⁶ Тимофеевская, Вера Васильевна.

¹⁶⁷ Для своего бенефиса (3 февраля 1895 г.) Савина выбрала драму Г. Ибсена „Праздник в Сольгауге“, чему Кони не сочувствовал. Савина играла роль Маргит.

¹⁶⁸ Савина усиленно добивалась постановки драмы Ренана „L'Abbesse de Jouarre“. О чтении этой пьесы артистка писала В. И. Базилевскому: „Вчера у меня читали пьесу Ренана „L'Abbesse de Jouarre“, переведенную по моей просьбе Вейнбергом. Это чудная вещь по мысли, изложенной и сценическим условиям. И какая роль! Но, кажется, цензура не пропустит; цензор, присутствовавший на чтении, морщился и ушел, не сказав ни да, ни нет...“ (Письмо от 4 декабря 1894 г. Архив Нар. хозяйства). Пьесу эту рекомендовал артистке А. Ф. Кони.

¹⁶⁹ Виктор Иванович Базилевский — золотопромышленник, большой друг Савиной.

¹⁷⁰ Постановка „Власти тьмы“ Л. Н. Толстого предполагалась еще в 1887 г. по инициативе М. Г. Савиной. Лев Николаевич Толстой еще в корректурных оттисках прислал артистке свою драму и писал: „Посылаю Вам, Мария Гавриловна, свою пьесу, очень желал бы, чтобы она Вам понравилась. Боюсь, что она покажется петербургской публике и Вам слишком грубою. Четвертый акт, с того места, где отчеркнуто красным карандашом, мною изменен. Вариант этот, если не будет готов нынче печатный, то я пришлю его Вам завтра. Все, что найдете нужным театральная цензура изменить, чтобы смягчить, я на все согласен, если такие изменения будут одобрены А. А. Потехиным, которому я вполне доверяю. Роль Ваша мне представляется Мариной. Желая быть Вам полезным и приятным. Ваш Л. Толстой“. Пьеса, однако, цензурой не была разрешена. Вновь хлопотал о ней для своего бенефиса П. М. Свободин, но драма увидела свет ramпы лишь в 1895 г. Первое представление ее на сцене Александринского театра состоялось в юбилейный бенефис (25 лет деятельности) Н. С. Васильевой, М. Г. Савина играла Акулину. — „Я внимательно перечла ее, пришла в восторг, — писала артистка в своих воспоминаниях, — но решила играть не Марину, как этого желал граф, а Акулину. На это меня прежде всего натолкнули заключительные слова Акулины, которая в тот момент, когда вяжут ее мужа, выходит вперед и „смело становясь“ (так буквально сказано в ремарке) произносит: „и я виновата“... Когда же я глубже вдумалась в образ Акулины, то не только не отказалась от своего намерения, но еще сильнее в нем укрепились...“ („Отрывки из воспоминаний М. Г. Савиной“. — „Петербург. газета“ 1894, № 29).

¹⁷¹ Вениамин Михайлович Тарновский, его жена Парасковья Николаевна — друзья и почитатели Савиной.

¹⁷² 9 января 1896 г. в Александринском театре в бенефис Савиной шла комедия В. А. Крылова и Н. И. Мердер „Генеральша Матрена“. Савина играла роль Матрены Савишны.

¹⁷³ Вторник 9 января 1896 г. — бенефис Савиной.

¹⁷⁴ Бенефис Савиной 9 января 1896 г. носил торжественный и пышный характер. Артистка получила ряд ценных подношений, из которых одно

обращало особенное внимание. Некто, не пожелавший назвать своего имени, внес в Русское театральное общество 6000 руб. на учреждение в „Убежище для престарелых сценических деятелей“ стипендии имени Савиной, с предоставлением права замещать эту вакансию по личному усмотрению артистки.

¹⁷⁵ И. С. Тургенев в письме к Савиной от 29 октября 1882 г. писал: „Сизокрылая моя голубка — спасибо за Вашу вчерашнюю поздравительную телеграмму. Ваша память обо мне меня очень тронула. Тысячу раз целую Ваши ручки — следовало бы сказать: „лапки“, так как это слово может так же относиться к ножкам. Ваш Ив. Тургенев“. („Тургенев и Савина“, с предисловием и под редакцией почетного акад. А. Ф. Кони, при ближайшем сотрудничестве А. Е. Молчанова, Пгр. 1918, стр. 58.)

¹⁷⁶ Миня — Вениамин Михайлович Тарновский, известный врач сифилидолог и дерматолог; его брат — Ипполит Михайлович Тарновский, врач-терапевт.

¹⁷⁷ В понедельник 8 сентября 1897 г. шел „Ревизор“. Савина играла, как всегда, роль Марии Антоновны, так как первое представление (по возобновлении) „Иванова“ А. П. Чехова было отложено на 17 сентября.

¹⁷⁸ В постановке 1889 года Савина играла в „Иванове“ роль Саши, а при возобновлении драмы (17 сентября 1897 г.) — роль Анны Петровны, (Сарра Абрамсон).

¹⁷⁹ „Ревизор“ Гоголя был возобновлен 31 августа 1897 г.

¹⁸⁰ Дальский, Мамонт Викторович — ум. 8 июня 1918 г., драматический артист; играл роль Хлестакова в „Ревизоре“.

¹⁸¹ Абарина, Антонина Ивановна, (ум. 16 июля 1901 г.) — драматическая артистка; исполняла роль Анны Андреевны в „Ревизоре“.

¹⁸² Тимофеевская Вера Васильевна.

¹⁸³ Акимов Софья Павловна — комич. арт. Моск. Малого театра.

¹⁸⁴ 18 января 1898 г. А. Ф. Кони читал лекцию об И. Ф. Горбунове в зале генерал-прокурорского дома. Лекция имела блестящий успех. Кони воссоздал живой образ Горбунова и впервые установил серьезный взгляд на его деятельность.

¹⁸⁵ Бенефис Савиной состоялся в Александринском театре 15 января 1898 г. Шла пьеса И. А. Всеволожского „Марианна Ведель“. Заглавную роль играла Савина.

¹⁸⁶ Прасковья Николаевна Тарновская — жена В. М. Тарновского.

¹⁸⁷ 18 января 1898 г. М. Г. Савина играла „Волки и Овцы“ Островского (роль Глафиры).

¹⁸⁸ Вера Васильевна Тимофеевская.

¹⁸⁹ А. Ф. Кони 23 апреля 1898 г. повторил свою лекцию о И. Ф. Горбунове.

¹⁹⁰ 9 апреля 1874 г. — первое выступление Савиной на сцене Александринского театра. 9 апреля 1898 г. артистка устроила дневной спектакль в Александринском театре, сбор с которого был предназначен на основание фонда для сооружения памятника Горбунову. Программа спектакля состояла из комедии Гоголя „Женитьба“ и сцен Горбунова „На реке“. Савина играла в „Женитьбе“ роль Агафьи Тихоновны.

¹⁹¹ Николай Николаевич Соболев, племянник Савиной.

¹⁹² Артистическая поездка Савиной все же состоялась. С 6 по 25 мая артистка играла в Минске, Вильно, Гродно, Варшаве и Киеве.

¹⁹³ Четыре роли: 8 апреля 1898 г. роль Коти в пьесе А. А. Вербицкой „Семья Волгиных“; 9 апреля 1898 г. — роль Агафьи Тихоновны в „Женитьбе“ Гоголя; 11 апреля 1898 г. — в утреннем благотворительном спектакле — роль Елены Дмитриевны в комедии В. А. Крылова „От пре-

ступления к преступлению" и 20 апреля 1898 г. — роль Зинаиды Павловой в драме З. Ю. Яковлевой „Поздно“.

¹⁹⁴ Просьба беречь свое здоровье.

¹⁹⁵ Кони интересовался биографией артиста П. С. Мочалова под впечатлением статей Белинского, а в частности — по воспоминаниям своего отца, Ф. А. Кони, который был личным свидетелем жизни и творчества артиста. У А. Ф. Кони хранились письма Рулье к Ф. А. Кони, с приложением писем Мочалова (напечатаны в журнале „Мир божий“ 1901, № 2, стр. 40—45. — „К воспоминаниям о П. С. Мочалове“. Письмо в редакцию). М. Г. Савина сообщает о большом биографическом очерке Мочалова, написанном А. А. Ярцевым и напечатанном в „Ежегоднике императорских театров“, сезон 1896/97 г. Приложения, книга третья. Этот том вышел в свет осенью 1899 г.

¹⁹⁶ Тимофеевская, Вера Васильевна.

¹⁹⁷ 26 мая 1899 г. в Академии Наук состоялось торжественное заседание по поводу 100-летия рождения А. С. Пушкина. Кони говорил речь „О нравственных и общественных идеалах Пушкина“.

¹⁹⁸ То есть лечиться в Карлсбаде.

¹⁹⁹ М. Г. Савина по просьбе А. Ф. Кони просмотрела „Ежегодник императорских театров“ с целью обнаружить в нем „горбуновский“ материал. Указывая на статью С. В. Максимова „Из давних воспоминаний“ (по поводу первой годовщины смерти И. Ф. Горбунова) — „Ежег. имп. театров“ 1895/96 гг., т. I, стр. 472—483, М. Г. Савина упустила из виду напечатанный в этом же томе (стр. 442—445) обстоятельный некролог И. Ф. Горбунова.

²⁰⁰ Кони, поскользнувшись, упал на Сергиевской улице, очень тяжело ушибся и лежал целую неделю в кровати.

²⁰¹ „Идиот“, — драма В. Крылова и С. Сутугина, переделанная из романа Ф. М. Достоевского, шла в бенефис П. М. Медведева. Савина играла роль Настасьи Филипповны (4 ноября 1899 г., Александринский театр).

²⁰² Виктор Иванович Базилевский, большой друг Савиной.

²⁰³ Письмо, о котором Кони говорит в письме М. Г. Савиной, — из Киссингена, от 29 июля 1885 г. Это письмо Тургенева было Савиной впоследствии сожжено.

²⁰⁴ 26 января — именины М. Г. Савиной.

²⁰⁵ Вероятно, последняя фраза письма Кони напоминала заключительные слова адреса, написанного Живковичем и поднесенного артистке в бенефисном спектакле 19 января 1900 г.

²⁰⁶ „Отцы и дети“, — драма в пяти действиях (по роману И. С. Тургенева) Л. Я. Никольского, была дана первый раз в театре Литературно-художественного общества в бенефис К. В. Бравича 21 января 1900 г. Роль Одинцовой играла Л. Б. Яворская.

²⁰⁷ Тимофеевская, Вера Васильевна.

²⁰⁸ Перелом головки бедренной кости и разрыв связок, следствием чего была трехмесячная болезнь и непоправимая хромота.

²⁰⁹ 25 сентября 1900 г. в Александринском театре шла первый раз пьеса А. М. Федорова „Бурелом“. Савина играла роль актрисы Нильской.

²¹⁰ Юбилейный спектакль Марии Михайловны Александровой (1839—1904) за 50-летнюю службу в императорских театрах состоялся 9 ноября 1900 г. в Александринском театре. Савина играла в драме И. В. Шпажинского „Предел“ роль Агнии Петровны.

²¹¹ „Вина“ Савиной состояла в том, что она не сообщила Кони о болезни своей матери.

²¹² Тимофеевская, Вера Васильевна.

²¹³ Подраменцова, Мария Петровна — мать М. Г. Савиной. Была провинциальной актрисой и играла под фамилией Стремляновой. С поступлением Савиной на петербургскую сцену бросила театр и, перебравшись в столицу, жила на средства дочери. Скончалась в 1917 г., пережив свою знаменитую дочь.

²¹⁴ Торжественное заседание в память П. С. Мочалова по поводу 100-летия со дня рождения состоялось по инициативе Савиной (внесшей предложение в Русское театральное общество отметить этот день) в Малом театре, днем 3 ноября 1900 г. Были произнесены речи: А. Е. Молчановым, П. И. Вейнбергом, А. А. Ярцевым, А. Р. Кугелем, А. Н. Кремлевым. Затем депутаты от разных учреждений и обществ огласили свои приветствия и возложили на бюст Мочалова венки.

²¹⁵ В „Новом времени“ № 8870, 1901 г., в отделе „Хроника“ была напечатана заметка, неодобрительно отзывавшаяся о стихотворениях А. М. Федорова, В. А. Мазуркевича и особенно А. Н. Кремлева, посвященных памяти П. С. Мочалова и читанных в заседании.

²¹⁶ 30 сентября 1900 г. исполнилось 35 лет юридической деятельности Кони. На этот день Кони покинул Петербург.

²¹⁷ „Ежегодник императорских театров“ 1896/97 гг., приложения, книга третья. Весь выпуск посвящен П. С. Мочалову.

²¹⁸ „Катюша Маслова“ — так называлась сценическая перделка романа „Воскресения“ Л. Н. Толстого, сделанная одновременно Г. Г. Ге и Н. Ф. Арбениным, и позже — В. Евдокимовым. Пьеса была разрешена к представлению (значительно сокращенная) в октябре 1904 г.

²¹⁹ Сипягин, Д. С. (1853—1902) — министр внутренних дел.

²²⁰ Шаховской, Н. В. — тогда начальник Главного управления по делам печати.

²²¹ Горбунова (по мужу Дмитриевская Татьяна Ивановна), — дочь И. Ф. Горбунова, артистка Александринского театра. Скончалась 10 ноября 1901 г.

²²² Амалия Ивановна Горбунова — вдова артиста И. Ф. Горбунова.

²²³ Екатерина Андреевна Пулликс — прислуга Кони, жившая у него более 30 лет.

²²⁴ 28 января — день рождения Кони, который никогда не забывала Савина.

²²⁵ Павел Сергеевич Шереметев был председателем Комиссии при Обществе любителей древней письменности, которая издавала „Собрание сочинений И. Ф. Горбунова“ (СПБ 1904—1907).

²²⁶ Савина предоставила Кони для работ о Горбунове все имеющиеся у нее письма артиста. Кони снял со всех копии и оригиналы вернул по принадлежности. В данном письме Савина, не найдя одного из писем в своем собрании, просит Кони одолжить ей копию с письма Горбунова, в котором он в шутилом тоне описывает одну из своих артистических поездок по провинции с оперным артистом И. А. Мельниковым. Письмо это М. Г. Савина обещала дать С. Д. Шереметеву для издания „Сочинений И. Ф. Горбунова“ (Обществом любителей древней письменности), где оно и напечатано, к сожалению, не полностью.

²²⁷ Письма этого нам не удалось обнаружить ни в бумагах Савиной, ни в архиве Кони. О нем Кони упоминал в своем блестящем докладе о М. Г. Савиной, сделанном 4 декабря 1915 г. в кружке имени Я. П. Полонского и напечатанном в „Русских ведомостях“ 1915, №№ 288 и 289.

²²⁸ Кони поднес Савиной книгу „Главные деятели освобождения крестьян“, под ред. С. А. Венгерова. СПб 1903, изд. Брокгауза Ефрона.

229 27 января 1904 г. Япония открыла против России военные действия.

230 Николай Николаевич Соболев.

231 Николая Николаевича Соболева, сына артистки Е. Г. Стремляновой, сестры Савиной.

232 Грибоедовская премия за лучшее драматическое произведение учреждена Обществом русских драматических писателей и оперных композиторов. Конкурс драматических произведений на премию имени А. Н. Островского учрежден Союзом драматических и музыкальных писателей.

233 „Юлий Цезарь“ Шекспира был дан Московским Художественным театром в Петербурге первый раз 29 марта 1904 г. на сцене Театра Литературно-художественного общества.

234 23 апреля — день имени А. Ф. Кони.

235 Спектакль в пользу М. И. Писарева устраивала Савина в Александринском театре 24 апреля 1904 г. На афише значилось: „В пользу больного товарища“. В этом спектакле артистка играла роль Клавдии в драме Шпажинского „В старые годы“. До этого (с 6 октября 1889 г.) она играла в этой пьесе роль Маши.

236 Полное собрание сочинений И. Ф. Горбунова было издано впервые А. Ф. Марксом, с предисловием и под редакцией Кони, и выдержало несколько изданий.

237 Об этом письме см. приписку к письму М. Г. Савиной от 6 ноября 1903 г.

238 С сентября до половины ноября 1904 г. М. Г. Савина играла в Одессе в „Русском театре“, в антрепризе А. И. Долинова.

239 Письмо это было прислано Савиной — А. Ф. Кони с огромным букетом роз, после заседания 29 октября 1904 г. в Кружке имени Я. П. Полонского, на котором Кони сделал сообщение о найденном им письме Пушкина к В. П. Зубкову (1826 г.). Этот же доклад был прочитан им в торжественном годовом собрании Академии Наук, под названием „Страницка из жизни Пушкина“. Напечатан в книге А. Ф. Кони „Очерки и воспоминания“, СПб 1906.

240 В „кружке имени Я. П. Полонского“ А. Ф. Кони делал доклад о найденном им письме А. С. Пушкина к В. П. Зубкову (1826).

241 „Фимка“, — пьеса В. О. Трахтенберга (ум. в 1914 г.); была впервые представлена на сцене Александринского театра 22 декабря 1905 г. М. Г. Савина играла роль Ефимьи Ивановны (Фимы).

242 Цез, Василий Андреевич (1821—1906) — сенатор.

243 Скалон, Василий Данилович — генерал от инфантерии, почтитель Савиной.

244 В день торжественного открытия памятника М. И. Глинке, 3 февраля 1906 г., предполагалось дать оперу его „Жизнь за царя“, но по непредвиденным обстоятельствам дирекция заменила „Жизнь за царя“ оперой „Руслан и Людмила“.

245 Тарновская, Прасковья Николаевна — женщина-врач, дружившая с Савиной.

246 Тарновский, Веннамин Михайлович — известный врач, муж П. Н. Тарновской.

247 10 февраля 1906 г. Кони читал публично лекцию „О памяти и внимании“ в зале I гимназии.

248 На торжественном собрании в Консерватории 3 февраля 1906 г. по поводу открытия памятника М. И. Глинке.

249 Прощальный бенефис М. Д. Каменской состоялся 10 февраля 1906 г. в Марининском театре. М. Г. Савина была в этот вечер в двух

депутациях: от Александринского театра и Русского театрального общества.

²⁵⁰ 10 февраля 1906 г. в зале I гимназии: „О памяти и внимании“.

²⁵¹ При императорских театральных училищах в Петербурге и Москве существовал институт „Почетных членов конференции“, который не играл никакой существенной роли в жизни школы.

²⁵² Роль Зейнаб в пьесе А. И. Сумбатова „Измена“, впервые представленной на сцене Александринского театра 3 октября 1906 г.

²⁵³ Скалон, Василий Данилович.

²⁵⁴ 7 октября 1906 г. Савина играла в Москве в Большом театре роль Веры Филипповны в комедии Островского „Сердце не камень“ — в спектакле в пользу Театрального общества.

²⁵⁵ Стремлянов, Николай Гаврилович (1866—1907).

²⁵⁶ Подраменцова, Мария Петровна (1832—1917).

²⁵⁷ Бенефис суфлеров и помощников режиссера состоялся в Александринском театре 1 мая 1907 г. Савина играла в комедии Н. Л. Персияниновой „Сваха“.

²⁵⁸ Тарновскую.

²⁵⁹ См. „Открытое письмо“ за подписью Геррит Виардо во „Frankfurter Zeitung“.

²⁶⁰ Маслов, Иван Ильич — приятель Тургенева.

²⁶¹ См. статью М. С. (М. М. Стасюлевича) — „Злостное покушение на добрую память И. С. Тургенева“. — „Вестн. Европы“ 1907, № 3.

²⁶² Дальский, Мамонт Викторович (1865—1918) — известный драматический артист.

²⁶³ Виржиния Дежазэ (1797—1875) — французская артистка, исполнявшая в совершенстве мужские роли повес.

²⁶⁴ Покэйного брата М. Г. Савиной — Николая Гавриловича Стремлянова (ум. 1 апреля 1907 г.).

²⁶⁵ Марианна — младшая дочь Полины Виардо, была замужем за композитором Дювернуа.

²⁶⁶ Клодина — старшая дочь Полины Виардо, была замужем за Жоржем Шамро.

²⁶⁷ Дальский, Мамонт Викторович (1865—1918), в молодости волновавший публику темпераментом и глубиной постижения характеров, на склоне своей сценической карьеры, ознаменованной исключительно случайными гастрольными спектаклями, уже не ставил пред собою никаких художественных задач.

²⁶⁸ 30 апреля 1907 г. в Театре Литературно-художественного общества был отмечен 40-летний юбилей театральной деятельности А. С. Суворина (как критика и драматурга). Савина играла в этот вечер один акт из драмы „Татьяна Репина“.

²⁶⁹ Скалон, Василий Данилович (ум. в 1907 г.).

²⁷⁰ Сезон 1907/08 г. Савина начала исполнением роли Катерины в „Грозе“ Островского. Между прочим, среди портретов М. Г. Савиной, хранящихся А. Ф. Кони, был портрет М. Г. Савиной в роли Катерины, с автографом артистки. „Чем же я-то виновата?“ Гроза. М. Савина. 1908 г.

²⁷¹ Драма Островского „Гроза“ была возобновлена 31 августа 1907 г. для 75-летнего юбилея Александринского театра.

²⁷² Скалоне.

²⁷³ Пьеса В. А. Рышкова „Склеп“ была дана первый раз на сцене Александринского театра 19 сентября 1907 г. М. Г. Савина играла роль Ольги Ивановны Томилиной.

²⁷⁴ Тарновской.

²⁷⁵ Савина первый раз играла роль Катерины в „Грозе“ на сцене

Александринского театра 1 декабря 1888 г. в бенефисе И. Ф. Горбунова и по настойчивой просьбе последнего. Роль, приготовленная в несколько дней, не удалась артистке, и она сыграла ее только три раза. В новом толковании Савина играла Катерину в сезон 1907—1908 г. (первое выступление 31 августа 1907 г.).

²⁷⁶ Снеткова, Феодосия (Фанни) Александровна — артистка петербург. имп. театров, первая исполнительница роли Катерины в „Грозе“ на сцене Александринского театра (1859). Оставила сцену 10 февраля 1862 г.

²⁷⁷ Федотова, Гликерия Николаевна (сконч. 27 февраля 1925 г.) — известная артистка Моск. Малого театра. Играла роль Катерины не только на сцене Малого театра в Москве, но и во время своих гастролей в Петербурге.

²⁷⁸ О первых исполнителях „Грозы“ на сцене Александринского театра А. Ф. Кони рассказывает, между прочим, в своей книге „На жизненном пути“, т. II, стр. 71.

²⁷⁹ С днем рождения.

²⁸⁰ Тимофеевской.

²⁸¹ Бенефисного (за 25-летнюю службу) спектакля артиста В. Н. Давыдова, в котором Савина играла роль Анны Ивановны („Бедность не порок“ Островского) в Александринском театре 29 января 1908 г.

²⁸² Эти воспоминания о Тургеневе вошли во II том книги А. Ф. Кони: „На жизненном пути“, СПб, 1913.

²⁸³ День рождения Савиной был 30 марта, а А. Ф. Кони поздравил ее 16 марта.

²⁸⁴ Гастроли Элеоноры Дузе в Петербурге происходили в январе 1908 г. в зале Консерватории.

²⁸⁵ Кони переехал на новую квартиру, на Фурштатскую улицу, дом № 56.

²⁸⁶ Гастроли Савиной в 1908 г. с половины апреля до половины мая протекали в следующих городах: Одессе, Кишиневе, Киеве, Харькове, Полтаве, Кременчуге, Николаеве, Херсоне и снова в Одессе. Вторую половину мая Савина играла в Минске и Вильно.

²⁸⁷ Тарновскую.

²⁸⁸ В роли Ольги Ивановны Томилиной, с автографом: „24 года он сидит в тюрьме, а я — в Томиловке... Та же тюрьма (Склер). Ольга — Савина. 908“.

²⁸⁹ Гастроли Савиной в Одессе начались 14 апреля 1908 г. Артистка играла роль Настасьи Филипповны („Идиот“), Мони („Король“ Юшкевича), миссис Уоррен („Доходы миссис Уоррен“ Шоу). Выступления артистки имели громадный успех, и овации носили буквально стихийный характер.

²⁹⁰ В 1907 г. Кони был назначен членом Государственного совета.

²⁹¹ „В вихре вальса“, оперетта Оскара Штрауса.

²⁹² Воспоминания эти вошли во II том „На жизненном пути“ СПб, 1912.

²⁹³ Тимофеевская, Вера Васильевна.

²⁹⁴ „Лев Николаевич Толстой“. — Статья эта вошла во II том „На жизненном пути“.

²⁹⁵ Возвращаясь из Баден-Бадена, Савина была обворована. Вор утащил саквояж, в котором были деньги, драгоценности и паспорт.

²⁹⁶ 25-летие смерти Тургенева было отмечено в Петербурге очень скромно. По инициативе Городского управления на могиле писателя была отслужена торжественная панихида.

²⁹⁷ 30 августа 1908 г. Александринский театр открылся спектаклем в память 24-летия со дня смерти Тургенева; шли „Где тонко, там и рвется“.

„Провинциалка“ и 3-й и 4-й акты комедии „Месяц в деревне“ (с Савиной в роли Натальи Петровны).

²⁹⁸ Скалон, Василий Данилович.

²⁹⁹ „Лев Николаевич Толстой“. Воспоминания А. Ф. Кони, вошедшие во II том „На жизненном пути“.

³⁰⁰ „Литературная бухгалтерия“, статья Василия Силовича (В. С. Кривенко). — „Новое время“ 1908, № 11671. В ней есть такая фраза: „не верьте Фегу и Савиной. Тургенева любили и ему жилось в чужой семье (т. е. в семье Виардо) сладко...“

³⁰¹ Анатолий Евграфович Молчанов (1856—1921) — третий муж Савиной. О нем см. статью Кони „Памяти А. Е. Молчанова“. — „Вестник литературы“ 1921, № 6—7.

³⁰² Спектакли по случаю 100-летия со дня рождения Гоголя состоялись в Александринском театре 18, 19 и 20 марта 1909 г. Савина в них не участвовала.

³⁰³ „Дядя Ваня“ А. П. Чехова впервые поставлен на сцене Александринского театра 16 марта 1909 г.

³⁰⁴ Надеждинская улица, дом № 3, в котором А. Ф. и скончался в 1927 г.

³⁰⁵ 23 апреля — день именин А. Ф. Кони.

³⁰⁶ Опыт историко-психологического исследования Бориса Садовского „И. С. Тургенев“. — „Русский архив“ 1909, № 4.

³⁰⁷ Кони говорит о своей речи „Памяти Тургенева“, читанной им в Академии Наук 1 марта 1909 г.

³⁰⁸ Кони по независящим от него обстоятельствам не присутствовал на открытии памятника Гаазу в Москве 1 октября 1909 г., но послал письмо, которое и было оглашено председателем Комитета доктором С. Н. Пучковым. Письмо это напечатано в книге „На жизненном пути“, т. II, стр. 901—904.

³⁰⁹ Торжественный бенефис по случаю 35-летия сценической деятельности М. Г. Савиной на императорской сцене состоялся 24 февраля 1910 г. в Александринском театре. Савина играла четыре роли своего репертуара: 1) роль княжны Плаутиной-Плаунцовой („Холопы“ П. П. Гнедича, 1-й акт), 2) роль Акулины („Власть тьмы“ Л. Н. Толстого, 3-й акт), 3) роль Натальи Петровны („Месяц в деревне“ И. С. Тургенева, 3-й акт) и 4) роль Вари („Дикарка“ А. Н. Островского и Н. Я. Соловьева, 1-й акт).

³¹⁰ О вел. кн. Елене Павловне, основательнице института.

³¹¹ Анатолий Евграфович Молчанов — председатель Театрального общества.

³¹² Анатолию Евграфовичу Молчанову.

³¹³ Вопрос об ассигновании Театральному обществу субсидии в 10 000 руб. обсуждался в Государственной думе 28 января 1911 г. Дума единогласно решила вопрос отрицательно. Пикантность этого решения заключалась в том, что в защиту субсидии не выступил ни один из 47 членов Государственной думы, внесших 15 мая 1910 г. законодательное предложение об этом ассигновании. До того, субсидию в размере 1000 Русское театральное общество (с 1899 по 1907 г.) получало ежегодно из государственного казначейства.

³¹⁴ И. Д. Гальперин-Каминский, известный переводчик на французский язык и биограф И. С. Тургенева. Его статьи: „Письма И. С. Тургенева к Полине Виардо“ — „Русск. ведомости“ 1911 №№ 173, 177 и 182, и „Начало знакомства И. С. Тургенева с Полиной Виардо“ — „Русск. ведом.“ 1911 № 193.

³¹⁵ „Старуха“ — стихотворение А. Н. Апухтина. (Подразумевается старость).

316 Молчанов — муж М. Г. Савиной.

317 См. интервью с заведывающим репертуаром драматического импер. театра, акад. Н. А. Котляревским: „Н. А. Котляревский о наступающем сезоне“. — 1911, № 236 „Петербург. газета“. („Заслуженные монополизируют все роли“). На это интервью отвечали засл. артисты В. А. Мищурина, Н. С. Васильева и К. А. Варламов в № 239, а в № 242 серьезный и мотивированный ответ по всем пунктам был дан М. Г. Савиной.

318 „Живой труп“, драма Л. Н. Толстого.

319 Мейерхольд, Всеволод Эмильевич — тогда режиссер императорских театров. Ставил „Живой труп“. Под его режиссерством Савина играла (кроме роли А. Д. Карениной в „Живом трупе“) роль Елены Ивановны в пьесе З. Гиппиус „Зеленое кольцо“ (1915). В. Э. Мейерхольд с большим уважением относился к М. Г. Савиной как к изумительному мастеру. „Смерть М. Г. Савиной, — говорил он, — незаменяемая потеря для русского театра. Не говоря уже об ее артистических заслугах, оценить которые сейчас невозможно, ее значение, как общественного деятеля, было до того велико, что только с ее смертью можно будет это учесть. Театральный мир столицы и провинции имел в ней неизменную и горячую защитницу своих интересов. Массу энергии она вкладывала в дело помощи немущим и престарелым актерам, особенно последним. На репертуар Александринского театра смерть Савиной окажет огромное влияние. Она была одной из немногих, сохранивших традиции, сочность и мастерство актеров старой школы. Как и Варламову, так и Стрельской будут, конечно, найдены заместители, но пройдет еще много времени, пока изгладится впечатление от образов, созданных этими колоссами русской сцены“ („Бирж. ведомости“ 1915, 8 сентября, № 15076). Особое внимание к памяти покойной артистки В. Э. Мейерхольд подчеркнул еще и тем, что входил в почетное дежурство у гроба Савиной.

320 Статья И. Д. Гальперин-Каминского из „Русск. ведомостей“ 1911, № 193 — „Начало знакомства И. С. Тургенева с Полиной Виардо“.

321 Статья И. Д. Гальперин-Каминского „Начало знакомства И. С. Тургенева с Полиной Виардо“, напечатанная в „Русск. ведомостях“ 1911, № 193, в которой приведено письмо к нему Я. П. Полонского, дающего подробную характеристику привязанности И. С. Тургенева к П. Виардо.

322 То есть письма Тургенева.

323 Первое представление пьесы Л. Н. Толстого в Александринском театре состоялось не 22-го, а 28 сентября 1911 г.

324 См. статью Кони „Живой труп в действительности“ — „Ежегодник имп. театров“ 1911, кн. VI, или „На жизненном пути“ т. II, СПб, 1913 — „По поводу драматических произведений Л. Н. Толстого“.

325 Роль А. Д. Карениной в пьесе „Живой труп“ М. Г. Савина играла в первом спектакле, 28 сентября 1911 г., 2 октября артистка уехала в Крым. Роль ее в очередь играли Е. А. Алексеева и А. А. Немирова-Ральф.

326 Брак Савиной и А. Е. Молчанова состоялся 8 сентября 1910 г. в Ораниенбауме.

327 26 января — день именин Савиной.

328 Поднесенные Савиной А. Ф. Кони в день его именин 23 апреля.

329 То есть в Государственном совете, помещавшемся в здании Мариинского дворца у Синего моста.

330 „Ассамблея“ — пьеса П. П. Гнедича; была дана первый раз на сцене Александринского театра в бенефис вторых артистов, 26 ноября 1912 г. Савина играла роль Натальи Борисовны Пехтеревой.

331 Начало личного знакомства Савиной и Кони относится к февралю 1883 г.

³³² 19 апреля 1913 г. с Савиной произошел несчастный случай в драматической школе им. А. С. Суворина, директором которой она состояла с 1912 г., после смерти первого ее директора В. П. Далматова. Пред окончанием учебного спектакля внезапно погасло электричество, и Савина, спускаясь с лестницы, оступилась и повредила ногу.

³³³ Текст этого автографа Кони, сделанного на I томе „На жизненном пути“, следующий: „Мария Гавриловна Савина на моем „жизненном пути“ была одною из самых ярких и незабвенных „житейских встреч“, доказавших справедливость слов поэта о том, что „два блага вечны на земле: природа и искусство“. Сердечно радуюсь, что эта книга попала в ее дорогие мне руки. Автор. X. 24. 913“. (Экземпляр принадлежит Театральной библиотеке им. А. В. Луначарского в Ленинграде). В день 40-летия первого выхода Савиной на петербургской сцене, 9 апреля 1914 г. Кони поднес артистке второе дополненное издание этой книги с надписью: „На жизненном пути“ моем, среди трудов, тревог и испытаний, бывали отрадны часы высоких художественных наслаждений. Их нередко и щедро дарила несравненная артистка Мария Гавриловна Савина. Ее и приветствую я на ее „жизненном пути“, поднося эту книгу в торжественный день, 9 апреля 1914 года. А. Кони“.

³³⁴ „На жизненном пути“, том I.

³³⁵ Семейство сенатора В. И. Тимофеевского, душевно расположенное к Савиной и дружившее с Кони.

³³⁶ Жена юриста и поэта С. А. Андреевского.

³³⁷ Дризен, Николай Васильевич, цензор драматических произведений и редактор „Ежегодника императорских театров“.

³³⁸ Савина присутствовала на этом вечере, но от выступления уклонилась.

³³⁹ Заньковецкая, Мария Константиновна — выдающаяся украинская артистка, неоднократно гастролировавшая в Петербурге.

³⁴⁰ Роль старухи Костяниной в пьесе И. Д. Сургучева „Торговый дом“. Впервые шла на сцене Александринского театра 15 октября 1913 г.

³⁴¹ Н. В. Дризена.

³⁴² „Не убий“ („Кайнова печать“) — драма Л. Н. Андреева. Пьеса должна была идти на сцене Александринского театра, но была снята по предложению министерства двора, усмотревшего в ней „политический памфлет“. Савиной была предложена роль Василисы Петровны, но артистка, несмотря на просьбы и уговоры автора, категорически от роли отказалась.

³⁴³ Драму Л. Н. Андреева „Не убий“.

³⁴⁴ Борис Яковлевич Полонский на вечере у Н. В. Дризена.

³⁴⁵ На бланке: „Маринский Дворец“.

³⁴⁶ 26 января.

³⁴⁷ Кони спутал: 17 марта — день первого дебюта М. Г. Савиной в Петербурге. День же рождения артистки — 30 марта.

³⁴⁸ То есть работа в лазарете, которой Савина отдавалась со всею кипучестью своей натуры.

³⁴⁹ „Русское слово“ 1915, № от 2/III 1915 и №№ 51 и 61. На делегатском съезде Театрального общества в Москве был поднят вопрос о некоторых статьях расхода по устройству в Петербурге спектаклей в пользу Общества; при этом Савина, в то время председательница Совета Русск. театрального общества, заявила, что она, несшая обязанности устроительницы благотворительных вечеров в пользу Общества неизменно, за отчетный год в этом деле никакого участия не принимала.

- Абарина А. И. 65, 98, 104
 Аверкиев Д. В. 43, 98
 Акимова С. П. 65, 104
 Аксаков С. Т. 42
 Александрова М. М. 68, 105
 Алексеева Е. А. 111
 Андреев Л. Н. 91, 112
 Андреевская В. Н. 57, 101
 Андреевская Ю. М. 25, 34, 36, 48,
 89, 90, 94, 96, 97, 99, 101, 112
 Андреевский А. С. 101
 Андреевский С. А. 34, 36, 52, 96,
 97, 100, 101
 Анненков П. В. 31, 35, 41, 96, 97
 Антропов Л. Н. 101
 Апухтин А. Н. 86, 110
 Арбенин Н. Ф. 106
 Аренский С. А. 98
 Арсеньев К. Н. 93
 Асенкова, В. Н. 23, 29, 34, 45, 53,
 93, 95, 96, 99
 Базилевский В. И. 19, 63, 67, 103,
 105
 Бебутов кн. 32
 Безак М. 98
 Беккер С. 98
 Бенуа Н. Л. 100
 Бертенсон Л. Б. 99
 Бильбасова О. А. 61, 102
 Боборыкин П. Д. 42, 43, 98
 Боголюбов (Емельянов) А. П. 10
 Боткин С. П. 36, 97
 Брандес Г. 40
 Брянский Я. Г. 101
 Бурдин Ф. А. 94
 Буренин В. П. 40, 97
 Бьернсон 13
 Варламов К. А. 111
 Васильева Н. С. 103, 111
 Вейнберг П. И. 62, 100, 102, 103
 106
 Велинская Ф. Н. 99
 Венгеров С. А. 106
 Вербицкая А. А. 104
 Верещагин В. В. 95
 Вестман 39
 Виардо П. 28, 40, 76, 95, 97, 110,
 111.
 Всеволожский Д. А. 59, 101
 Всеволожский И. А. 20, 60, 102,
 104
 Всеволожский, Н. В. 17
 Всеволожский, Н. Н. 14, 17, 38,
 39, 42, 48, 51, 54, 55, 58, 97, 98,
 99, 100, 101
 Гаазе Ф. П. 110
 Гаевский В. П. 41, 97
 Гальперин-Каминский И. Д. 110, 111
 Ге Г. Г. 106
 Гейне Г. 21
 Гензель Н. 99
 Глинка М. И. 73
 Гнедич П. П. 5, 88, 101, 107, 110,
 111
 Гоголь Н. В. 14, 21, 35, 83, 84, 93,
 104, 110
 Головин В. Е. 61, 102
 Гончаров И. А. 10, 12, 13, 14, 21,
 22, 23, 24, 25, 55, 84, 93, 94
 Горбунова А. И. 69, 106
 Горбунов И. Ф. 12, 65, 66, 67, 69,
 90, 71, 96, 104, 105, 106, 107, 109
 Горбунова Т. И. 69, 106
 Грибоедов, А. С. 14, 107
 Григорович Д. В. 31, 96
 Громова П. К. 29, 95
 Давыдов В. Н. 7, 9, 31, 46, 96, 99
 109

Далматов В. П. 112
Дальский М. В. 65, 77, 78, 104, 108
Дежаз В. 77, 108
Долинов А. И. 107
Достоевский М. Ф. 101
Достоевский Ф. М. 13, 67, 105
Дризен Н. В. 90, 112
Дузе, Эл. 80, 109
Дювернуа М. 78, 95, 108

Евдокимов В. 106
Елена Павловна, кн. 85, 110
Ермакова 49

Живкович Д. А. 53, 56, 68, 100, 105
Житова В. Н. 42, 98
Жулева Е. Н. 61, 102

Заньковецкая М. К. 90, 112
Засулич В. 10
Зубков В. П. 107
Зудерман Г. 14

Ибсен Г. 8, 13, 14, 17, 37, 97, 103
Игнатъев И. А. 71

Кавелин К. Д. 47, 50, 99
Каменская М. Д. 75, 96, 107
Карабчевский, Н. П. 52, 99
Карпов Е. П. 102
Катков М. Н. 41, 97
Кедрин Е. И. 50, 99
Кисилевский И. П. 37, 97
Кистер К. К. 29, 95
Коломнин А. П. 57, 58, 101
Коммиссаржевская В. Ф. 18
Кони Ф. А. 11, 21, 93
Корвин-Круковский П. В. 99
Котляревский Н. А. 86, 111
Краевский А. А. 44, 93, 101
Крамской И. Н. 100
Кремлев А. Н. 106
Крестьянов В. Н. 50, 52, 53, 99
Кривенко В. С. 82, 110
Крылов В. А. 8, 13, 14, 94, 102,
103, 104, 105
Кугель А. Р. 6, 19, 106

Левкеева Е. М. 30, 93, 95
Ленский Д. Т. 46, 99
Луначарский А. В. 6, 19

Мазуркевич В. А. 106
Максимов С. В. 67, 105
Маркевич Б. М. 41, 97

Марковецкий С. Я. 29, 95
Мартынов А. Я. 5
Маслов И. И. 42, 76, 98, 108
Масловский А. Ф. 32, 96
Медведев П. М. 102, 105
Мейерхольд В. Э. 9, 86, 111
Мердер Н. И. 25, 94, 103
Мещерский А. А. 95
Мещерский В. П. 100
Миронович И. 43, 44, 98
Мищурина В. А. 93, 94, 111
Молчанов, А. Е. 19, 83, 86, 86, 87,
88, 91, 92, 94, 104, 106, 110, 111
Мочалов П. С. 12, 66, 69, 105, 106

Наполеон 37
Некрасов Н. А. 44, 47
Немирова-Ральф А. А. 111
Никольский Л. Я. 105

Ордин А. Н. 42
Ордина 43
Островский А. Н. 13, 14, 61, 62,
78, 79, 94, 98, 102, 104, 107, 108,
109

Панчин А. С. 44, 98
Паньков В. 44, 98
Персиянинов Н. Л. 108
Петипа М. М. 44, 98
Писарев М. И. 71, 107
Плетнев П. А. 99
Плетнева А. В. 50, 99
Подраменцова М. П. 69, 76, 106,
108
Полонская Ж. А. 35, 36, 97
Полонский Б. Я. 91, 112
Полонский Я. П. 35, 36, 40, 76, 87,
93, 97, 99, 100, 106, 107, 111
Потехин А. А. 31, 56, 96, 101, 103
Потехин Н. А. 8, 10
Пузыревский А. К. 61, 102
Пуллокс Е. А. 69, 106
Пучков С. Н. 110
Пушкин А. С. 17, 21, 31, 35, 57,
62, 72, 105, 107
Пыпин А. Н. 93

Рашель 99
Ренан Э. 63, 103
Репин И. Е. 10
Ридигер Н. Е. 52, 100
Ришпен, Ж. 38, 97
Родиславский В. И. 101
Рышков В. А. 79, 80, 108, 109

Садовский Б. 84
Сазонов Н. Ф. 8
Салов И. А.
Салтыков М. Е. 33, 44, 50
Самарин И. В. 45, 98
Самойлов В. В. 45, 98
Самойлова В. В. 24, 28, 53, 93, 94
Сандунова И. С. 3, 11, 60, 101
Сарду Н. 44, 98
Свободин П. М. 94, 103
Семенова Е. 43, 98
Серебряков 39
Сетгоффер Ж. И. 36, 38, 39, 40,
46, 51, 97, 99
Сипягин Д. С. 106
Скалон В. Д. 73, 78, 79, 82, 107,
108, 110
Скальковская О. А. 46, 99
Снеткова Ф. А. 53, 79, 100, 109
Соболев Н. Н. 39, 62, 67, 70, 71,
97, 99, 102, 104, 107
Соловьев В. Н. 9
Соловьев Н. Я. 110
Спасович В. Д. 93, 98, 100
Стасова Н. 100
Стасов В. В. 100
Стасов Д. В. 100
Стасюлевич М. М. 82, 93, 98, 108
Стрельская В. В. 111
Стремлянова Е. Г. 97, 99, 107
Стремлянов Н. Г. 75, 76, 108
Суворин А. С. 78, 101, 108, 112
Сумбатов А. И. 108
Сургучев И. Д. 112
Сутугин С. 105
Сушков Д. 99
Сципион А. А. 60, 101
Сципион Л. П. 60, 101
Тарновская П. Н. 63, 76, 79,
103, 104, 107, 108, 109
Тарновский В. М. 64, 65, 73, 103,
104, 107
Тарновский И. М. 34, 51, 65, 96,
104
Татищев С. С. 99
Теляковский В. А. 9, 16, 19
Тимофеевская В. В. 60, 61, 65, 68,
79, 89, 102, 104, 105, 106, 109
Тимофеевский В. И. 89, 101, 112
Тихонов В. А. 99
Топоров А. В. 42, 98

Толстой Л. Н. 8, 12, 13, 14, 55 63,
64, 82, 86, 87, 103, 106, 109,
110
Трахтенберг В. О. 72, 73, 107
Трепов Ф. Ф. 10
Труворов А. Н. 61, 102
Тургенев И. С. 5, 12, 13, 14, 15,
18, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31,
32, 33, 35, 40, 41, 42, 43, 44, 49,
57, 62, 63, 64, 67, 68, 76, 77, 79,
80, 82, 83, 84, 86, 87, 90, 94, 95,
96, 97, 98, 99, 102, 103, 104, 105,
109, 110, 111
Урусов А. И. 49, 99
Утин Е. И. 93
Федоров А. М. 105, 106
Федотова Г. Н. 79, 109
Фигнер Н. Н. 12
Цертелев Д. И. 93
Цез В. А. 73, 107
Чайковский М. И. 62, 98, 102, 103
Чайковский П. И. 12
Чехов А. П. 8, 13, 14, 65, 83, 104,
110
Чингис-Хан кн. 46, 99
Шамро, К. (Виардо) 78, 95, 108
Шаховской А. А. 102
Шаховской Н. В. 106
Шереметев П. С. 70, 106
Шоу Б. 109
Шпажинский И. В. 14, 56, 57, 97,
102, 105, 107
Штраус О. 109
Шуберт А. А. 3
Щедрин М. Е. 33, 44, 50
Щепкин М. С. 5, 11, 89
Яворская Л. Б. 105
Яковлева З. Ю. 105
Ярцев А. А. 105, 106
Южин А. И. 100
Эйхвальд Э. Э. 86
Эльдинова, 80

Отв. редактор А. З. Негинский
Техн. редактор Э. Ю. Блейх

Сдано в производство 16/XI 1937 г.
Подписано к печати 30/XII 1937 г.
Бумага 58×93¹/₁₆ Объем 7¹/₄ п. л.
Печати. зи. в 1 бум. листе 87296
„Искусство“ № 393 Т—1а. Ленгор-
лит № 6164 Заказ № 6701
Тираж 5000 экз.

Тип. арт. „Советский печатник“,
Ленинград, Моховая, 40